

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КАЗАНСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Д.Р. АХУНОВ

**КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В АГЛОМЕРАЦИЯХ:
ПОНЯТИЕ, ОСОБЕННОСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ**

Монография

**Под научной редакцией
доктора юридических наук, доцента
Е.В. Демидовой-Петровой**

Казань
КЮИ МВД России
2022

ББК 67.518.1
А95

Одобрено редакционно-издательским советом КЮИ МВД России

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор **С.В. Иванцов**
(Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя);
кандидат юридических наук, доцент **Н.В. Летёлкин**
(Нижегородская академия МВД России)

Научный редактор – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса КЮИ МВД России **Е.В. Демидова-Петрова**

Ахунов Д.Р.

А95 Коррупционные преступления в агломерациях: понятие, особенности предупреждения: монография / Д.Р. Ахунов; под ред. д-ра юрид. наук, доцента Е.В. Демидовой-Петровой. – Казань: КЮИ МВД России, 2022. – 160 с.
ISBN 978-5-6048744-2-4

В монографии рассматриваются вопросы изучения и предупреждения коррупционных преступлений в агломерациях. Внимание уделяется особенностям проявления коррупции в её наиболее опасных формах на уровне специфических социально-экономических и территориальных образований, именуемых агломерациями, причинному комплексу коррупционных преступлений и особенностям их предупреждения в условиях глобализации.

Предназначена для преподавателей, адъюнктов, курсантов, слушателей образовательных организаций системы МВД России, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

ISBN 978-5-6048744-2-4

ББК 67.518.1

©Ахунов Д.Р., 2022
©КЮИ МВД России, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	4
ВВЕДЕНИЕ	9
ГЛАВА I. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АГЛОМЕРАЦИЙ КАК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ	13
§ 1.1. Понятие «агломерации», виды и истоки их формирования в Российской Федерации	13
§ 1.2. Криминологически значимые характеристики агломераций в Республике Татарстан	32
ГЛАВА II. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В АГЛОМЕРАЦИЯХ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН.....	44
§ 2.1. Понятие и сущность коррупционного преступления в российском законодательстве.....	44
§ 2.2. Уголовно-правовое предупреждение коррупционных преступлений в агломерациях и проблемы его совершенствования	74
ГЛАВА III. КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В АГЛОМЕРАЦИЯХ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН И ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ	88
§ 3.1. Качественно-количественные характеристики коррупционных преступлений в агломерациях Республики Татарстан.....	88
§ 3.2. Комплекс причин и условий коррупционных преступлений в агломерациях Республики Татарстан.....	104
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	128
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ	132

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Перед Вами, уважаемый читатель, монография Дениса Робертовича Ахунова, посвященная особенностям коррупционных преступлений в агломерациях и их предупреждению. В настоящей работе проведено комплексное исследование криминологических специфик агломераций как социально-экономических и территориальных образований, рассмотрены уголовно-правовые особенности предупреждения коррупционных преступлений в агломерациях Республики Татарстан, а также изучены коррупционные преступления в агломерациях Республики Татарстан и проблемы их предупреждение.

Актуальность проведенного исследования, изложенного на страницах настоящего издания, не вызывает сомнений. На современном этапе развития российского общества, динамичного распространения таких процессов, как глобализация, информатизация, унификация, урбанизация и агломерирование территорий, оказывающих активное влияние на организацию и устройство социально-экономического пространства, возникают проблемные аспекты, в том числе в сфере предупреждения коррупции.

Рассмотренные автором качественно-количественные характеристики коррупционных преступлений в агломерациях Республики Татарстан позволяют сделать вывод, что подобные образования концентрируют в себе подавляющее большинство коррупционных преступлений в регионе. Отмечено, что удельный вес таковых в общем числе зарегистрированных коррупционных преступлений Республики Татарстан значителен. В исследуемом периоде (2010 – 2021 гг.) на агломерации в совокупности приходится от 70 % до 87 % всех зарегистрированных в регионе коррупционных преступлений.

Своеобразие развития, функционирования агломераций, криминологические специфики комплекса причин и проявлений коррупции в них являются ярким подтверждением потребности изучения региональных особенностей коррупционных преступлений

в представленных системах расселения населения, а также подчеркивают необходимость разработки теоретической модели предупреждения коррупционных преступлений на рассматриваемом территориальном уровне.

Так, автором монографии обоснована потребность введения в научный оборот криминологической науки понятия «агломерация». Под агломерацией автор предлагает понимать системное, динамическое, фактически существующее, территориальное, социально-экономическое и социально-культурное образование, состоящее из центра (ядра) в виде одного или нескольких крупных городов, вокруг которых объединяются близлежащие населенные пункты, находящиеся в устойчивой территориальной, социально-экономической и иной функциональной взаимосвязи между собой, имеющие правовую самостоятельность и испытывающие на себе особое влияние центра (ядра), который они обеспечивают ресурсами для его существования и развития, стимулирующие процессы урбанизации входящих в него сельских территорий, укрупнение входящих в него основных городских территорий и кооперацию ряда важных сфер деятельности местных самоуправляемых образований, фактически входящих в зону влияния данного структурного образования.

Представляют интерес предложенные автором три уровня причин и условий коррупционной преступности в агломерациях Республики Татарстан: общий, свойственный преступности в целом, на котором она детерминируется противоречиями и негативными факторами экономической, социально-психологической и организационной сфер жизнедеятельности общества; видовой, которому присущи специфические черты, характерные для коррупционных преступлений в агломерациях Республики Татарстан, включающие в себя правовые, политические, экономические, организационные, исторические, социально-психологические факторы; индивидуальный (уровень единичного преступления), отражающий детерминированность конкретных коррупционных преступлений объективными (социальными) и субъективными (психологическими) факторами.

Бесспорно, получила новое звучание мысль о том, что коррупцию как негативное социальное явление характеризуют специфические признаки: моральная негативность (аморальность); противоправность; аполитичность, поскольку в ее содержание включается факт морального разложения должностных лиц, которые при осуществлении своих функций или совершении политически значимых действий используют влияние своего должностного положения и властных полномочий в корыстных целях; социально-экономическая детерминированность существующими в обществе отношениями (социально-экономическим укладом общественной жизни); целевая направленность – незаконное обогащение, взяточничество, хищение, продиктованные стремлением к получению материальной (имущественной) выгоды; специфичность субъектов, которыми выступают должностные лица; неизбежность установления и развития связи должностных лиц как субъектов коррупции с организованной преступностью до срастания в одну общую структуру для обеспечения их жизнедеятельности; обусловленность историческими факторами конкретных обществ и государств; проявление в непосредственном совершении корыстного преступления самим должностным лицом с использованием своего служебного положения или в соисполнительстве с другими должностными лицами; особенности региональных проявлений.

Нельзя не отметить и новаторского подхода автора настоящей монографии к необходимости проведения криминологического мониторинга коррупционных преступлений в агломерациях, который обеспечит комплексное изучение их детерминант, территориальных особенностей применительно к агломерациям, системы мер и субъектов предупреждения преступности, и необходимую глубину исследования коррупционной преступности в агломерациях. Результаты криминологического мониторинга коррупционных преступлений в агломерациях дают возможность организовать предупредительную деятельность и ее своевременную корректировку, а также криминологическое прогнозирование развития исследуемых преступлений. Криминологический мониторинг маркеров, включающих в себя криминологически значимую информацию,

позволяет диагностировать систему причин и условий коррупционных преступлений и их функциональные взаимосвязи, обеспечивая комплексность подхода к предупреждению коррупции на уровне агломераций как специфических социально-экономических и территориальных образований.

Безусловно, одной из находок автора, способной обогатить теорию криминологии, является предложенная четырехзвенная теоретическая модель предупреждения коррупции в агломерациях, которая включает в себя: комплекс (систему) криминологически значимой информации – массив статистических данных о зарегистрированных в агломерациях коррупционных преступлениях за определенные временной период; комплекс причин и условий коррупционных преступлений в агломерациях; результаты исследования общественного мнения о коррупционных преступлениях в агломерациях и эффективности деятельности государства по их предупреждению; результаты экспертных оценок о коррупционных преступлениях в агломерациях; результаты оценки эффективности и результативности деятельности правоохранительных органов по предупреждению коррупционных преступлений; результаты исследования материалов судебной практики о применении норм об ответственности за коррупционные преступления; антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов муниципальных образований и иных субъектов, образующих агломерацию; криминологический мониторинг вышеуказанных маркеров, образующих комплекс (систему) криминологически значимой информации; криминологическое прогнозирование коррупционной преступности на основе результатов изучения и мониторинга комплекса (системы) криминологически значимой информации, результатов воздействия на коррупционные преступления; общесоциальные и специально-криминологические меры предупреждения коррупционных преступлений в агломерациях.

Несомненно, что сформулированные выводы и предложения имеют важное значение для уголовно-правовой и криминологической науки.

Считаю особо важным подчеркнуть теоретическую и практическую значимость представленной работы. Так, практическое значение представленного монографического исследования определяется возможностью использования его положений для совершенствования деятельности органов государственной власти и должностных лиц, в чью компетенцию входят задачи предупреждения коррупционных преступлений; также результаты исследования могут быть использованы в преподавании учебных дисциплин, связанных с освещением вопросов коррупции, ее изучения и предупреждения.

Е.В. Демидова-Петрова,
доктор юридических наук, доцент,
заслуженный юрист Республики Татарстан

ВВЕДЕНИЕ

Предупреждение коррупционных правонарушений, согласно Федеральному закону от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»¹, входит в перечень элементов противодействия коррупции. Стратегией национальной безопасности Российской Федерации коррупция отнесена к числу основных государственных угроз, а предупреждение ее преступных проявлений – к одной из целей обеспечения государственной и общественной безопасности². Высокий уровень, масштабы распространения и значительные последствия данного негативного социального явления указывают на его высокую общественную опасность и необходимость поиска эффективной модели предупреждения преступных проявлений коррупции уголовно-правовыми и криминологическими средствами и методами.

На современном этапе развития российского общества, динамичного распространения таких процессов, как глобализация, информатизация, унификация, урбанизация и агломерирование территорий, оказывающих активное влияние на организацию и устройство социально-экономического пространства, возникают проблемные аспекты, в том числе в сфере предупреждения коррупции.

Отсутствие в действующей системе предупреждения коррупции и ее преступных проявлений должных правовых и организационных элементов, механизмов, учитывающих закономерные процессы урбанизации и агломерирования территорий и влияющих на развитие социально-экономического устройства общества в России, снижает эффективность антикоррупционных мер.

Социально-экономические процессы урбанизации представляют собой сложный и многогранный механизм, обусловленный

¹ О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 6 (часть II). Ст. 212.

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 3 (часть II). Ст. 206.

концентрацией и интенсификацией производственной, научной, общественной, культурной деятельности общества. В современной России он приводит к сравнительно непропорциональному развитию городов, социальной и территориальной поляризации населения.

В связи с этим научно-практический интерес представляют агломерации, на уровне которых ранее комплексного уголовно-правового и криминологического исследования коррупции не проводилось. При этом оно имеет существенное теоретическое значение, поскольку необходимо для более глубокого познания коррупции в целом и ее общественно опасных проявлений в частности, а также прикладное – в связи с наличием региональных особенностей, детерминирующих коррупционные преступления и влияющих на реализацию антикоррупционных мер.

Интерес представляют агломерации, расположенные на территории Республики Татарстан, поскольку здесь предпринята попытка законодательного определения границ сложившихся агломераций на основе социально-экономического исследования¹. Так, в республике функционируют три агломерации – Казанская, Камская и Альметьевская, имеющие разноплановые особенности, влияющие на причины и проявления коррупционных преступлений.

Качественно-количественные характеристики коррупционных преступлений в агломерациях Республики Татарстан позволяют сделать вывод, что рассматриваемые образования концентрируют в себе подавляющее большинство коррупционных преступлений в регионе. Установлено, что удельный вес таковых в общем числе зарегистрированных коррупционных преступлений Республики Татарстан значителен. В исследуемом периоде (2010 – 2021 гг.) на агломерации в совокупности приходится от 70 % до 87 % всех зарегистрированных в регионе коррупционных преступлений.

Специфика развития и функционирования агломераций, криминологические особенности комплекса причин и проявлений коррупции в них указывают на потребность исследования

¹ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года: Закон Республики Татарстан от 17.06.2015 № 40-ЗРТ // Ведомости Государственного Совета Татарстана. 2015. № 6 (II часть). Ст. 521.

региональных особенностей коррупционных преступлений в представленных системах расселения населения и необходимость разработки теоретической модели предупреждения коррупционных преступлений на рассматриваемом территориальном уровне.

Цель исследования состоит в получении новых знаний о коррупции и ее преступных проявлениях в агломерациях, заключающихся в выявлении, объяснении и раскрытии их уголовно-правовых и криминологических особенностей и предупреждения, а также в разработке теоретической модели предупреждения коррупционных преступлений в агломерациях (на материалах Республики Татарстан).

В соответствии с целью определены задачи исследования: 1) определить понятие «агломерации», их виды и истоки формирования в Российской Федерации, установить особенности их развития и функционирования в Российской Федерации; 2) определить криминологически значимые характеристики агломераций в Республике Татарстан; 3) определить понятие, выявить сущность коррупционного преступления в российском законодательстве; 4) выявить уголовно-правовые аспекты предупреждения коррупционных преступлений в агломерациях и проблемы его совершенствования; 5) определить качественно-количественные характеристики коррупционных преступлений в агломерациях Республики Татарстан; 6) выявить комплекс причин коррупционных преступлений в агломерациях Республики Татарстан.

Методология и методика исследования. Методологическую основу исследования составил всеобщий диалектический метод научного познания коррупции в агломерациях. В связи с этим в данной работе были применены общенаучные (историко-правовой анализ, обобщение, сравнение, абстракция, дифференциация, формализация, аналогия, моделирование) и частнонаучные (наблюдение, аналитическое обследование, статистический метод, социологическое исследование) методы познания.

Нормативно-правовую основу исследования составили Конституция Российской Федерации, уголовное законодательство, иные нормативные правовые акты Российской Федерации, в том

числе регулирующие вопросы предупреждения коррупции, а также административно-территориального устройства Российской Федерации.

Теоретическую основу исследования составили фундаментальные труды отечественных ученых по проблемам уголовного права и криминологии в сфере организации противодействия коррупции и предупреждения коррупционной преступности: В.В. Астанина, Б.Я. Гаврилова, Б.В. Волженкина, А.И. Долговой, Б.В. Здравомыслова, В.И. Карпеца, М.П. Клейменова, П.Н. Кобеца, Н.Ф. Кузнецовой, В.Н. Кудрявцева, С.Я. Лебедева, Н.А. Лопашенко, В.В. Лунеева, И.С. Нафикова, В.А. Номоконова, С.С. Овчинского, Б.В. Сидорова, М.В. Талан, Ю.В. Трунцевского, Т.Я. Хабриевой и др. Кроме того, автор опирался на работы в сфере региональной экономики, а также экономической, социальной и политической географии, посвященные различным аспектам агломерирования территорий.

Эмпирическую основу исследования составили: материалы опубликованной судебной практики за 2010–2021 годы; статистические данные Информационного центра МВД по Республике Татарстан за 2010–2021 г.; материалы уголовных дел о коррупционных преступлениях. В период с 2014 по 2021 г. проведено социологическое исследование: по специально разработанным автором анкетам опрошены 60 сотрудников Управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД по Республике Татарстан (г. Казань), 120 сотрудников органов местного самоуправления Республики Татарстан.

В эмпирическую основу исследования также вошли обзоры судебной практики по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, статистические данные Министерства внутренних дел Российской Федерации по Республике Татарстан за период с 2010 по 2021 г., результаты исследований, проведенных Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) за период с 2010 по 2021 г.

ГЛАВА I.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АГЛОМЕРАЦИИ КАК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

§ 1.1. Понятие «агломерации», виды и истоки их формирования в Российской Федерации

Региональная криминология¹ как одно из новых направлений криминологической науки изучает причинный комплекс преступности и специфику ее проявления в аспекте региональных, территориальных особенностей (экономических, социальных, географических и др.). Актуальность такого исследования преступности вызывается специфическими криминогенными факторами, характеризующими региональную преступность. Их изучение и анализ позволяют более эффективно формировать комплекс мер по профилактике преступности в регионах с учетом их конкретных особенностей, что повышает качество такой работы в условиях концентрации и интенсификации в одном месте научной, производственной, общественной, культурной и иных видов деятельности общества в форме территориального образования.

В отсутствие устоявшейся криминологической типологии регионов преступность криминологически исследуется в границах административно-территориальных образований государства, т.е. на федеральном², межрегиональном³, региональном¹, городском²

¹ Клейменов М.П. Криминология: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: Инфра-М, 2016. С. 285.

² Иншаков С.М. Зарегистрированная и фактическая преступность в Российской Федерации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2007. № 1 (1). С. 42-45; Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности: монография / под ред. С.М. Иншакова. Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и Право, 2011. 839 с.; Кобец П.Н. Анализ криминогенной ситуации в России середины второго десятилетия XXI столетия (основные тенденции, факторы преступности, прогноз развития криминогенной ситуации) // Юридическая наука. 2017. № 1. С. 68-71.

³ Долгова А.И. Региональное изучение преступности и некоторые криминологические проблемы Крайнего Севера // Криминологические проблемы регионов Крайнего Севера России: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Москва: Российская криминологическая ассоциация, 2015. С. 9-22;

уровнях. Такой подход не позволяет в должной мере учитывать динамику процессов урбанизации городских и сельских территорий и влияния данных процессов на территориальное, культурное и экономическое развитие регионов государства, особенности криминогенной обстановки, на формирование и развитие агломераций как вполне вероятного будущего пространственно-экономического устройства страны³. Подобные образования имеют специфику, в том числе криминологическую, что указывает на необходимость рассмотрения агломерации как самостоятельного объекта криминологических исследований⁴.

Лебедев С.Я. Криминологические предпосылки и перспективы научного обеспечения развития системы общественной безопасности в Южном регионе России («Новая криминология российского юга») // Современные проблемы уголовной политики: материалы VI Международной научно-практической конференции. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. С. 95-103; Номоконов В.А., Маслов Г.Ф. Организованная преступность в Дальневосточном регионе: острая ситуация // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 4 (27). С. 75-86.

¹ Клейменов М.П., Фокин М.С. Анализ общественного мнения о криминологической ситуации в регионе // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2013. № 4 (37). С. 123-126; Кобец П.Н. О необходимости комплексного криминологического исследования преступности в Московском мегаполисе в условиях начала третьего тысячелетия // Теория и практика науки третьего тысячелетия: сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. С. 7 – 9; Кобец П.Н. Предупреждение преступности в городе Москве: монография. Москва: ВНИИ МВД России, 2011. 154 с.

² Овчинский С.С. Преступное насилие. Преступность в городах. Москва: Инфра-М, 2016. 408 с.; Нафиков И.С. Теневая экономика и организованная преступность в условиях крупного города: монография / под науч. ред. В.П. Малкова. Казань: Познание, 2012. 379 с.

³ Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.07.2022); Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2016 год и плановый период 2017-2018 гг. Министерства экономического развития Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.07.2022); Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.07.2022); Об утверждении стратегии социально-экономического развития Приволжского федерального округа до 2020 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 07.02.2011 № 165-р // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.07.2022).

⁴ Двойменный И.А. Типология и систематизация регионов как объектов криминологического исследования // Регион: системы, экономика, управление. 2014. № 1 (24). С. 144.

Термин «агломерация» как обозначение социально-экономического и территориального образования трактуется комплексно и используется в разных значениях – территориальном, экономическом и правовом.

Географически (территориально) под агломерацией понимается скопление населенных пунктов (городов различного вида, сельских поселений и других административно-территориальных образований) и система расселения населения в них. Экономическое значение в основе понимания агломерации подразумевает совокупность экономических элементов, концентрирующих в себе экономические субъекты, находящиеся между собой в функциональной взаимосвязи. Юридически агломерация рассматривается как форма взаимоотношений административно-территориальных образований (муниципальных образований, субъектов Российской Федерации) государства¹.

Для целей исследования интерес представляет юридический подход, который заключается, как установлено Г.В. Выпхановой, в определении агломерации как сложной системы, образованной природными, социальными и экономическими элементами, включающей в себя юридически самостоятельные населенные пункты (городские и сельские), находящиеся в территориальной и функциональной взаимосвязи и объединенные вокруг одного или нескольких центров, в роли которых выступают крупные города. При этом одной из ключевых особенностей, на которую обращает внимание указанный автор, является возникновение комплекса общественных отношений, которые регулируются правом².

Немного иной, но качественно схожий подход к определению понятия «агломерация» у И.С. Нафикова – скопление в компактном виде различных населенных пунктов (преимущественно близлежащих

¹ Угрюмова А.А. Управление экономическим ростом агломерации (на примере Московской агломерации): автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Москва, 2005. С. 18; Михайлова М.А. Межмуниципальное сотрудничество при реализации полномочий муниципальных образований в городской агломерации: дис. ... канд. экон. наук. Иркутск, 2012. С. 11.

² Выпханова Г.В. Организационно-правовые вопросы охраны окружающей среды городов и городских агломераций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1990. С. 7.

городов и пригородов), которые образуют собой постоянно меняющуюся систему с различной интенсивностью связей производственного, транспортного, культурного характера¹.

Законодательное определение понятия «агломерация» встречается в нормативных правовых актах регионального уровня, например, в Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года, утвержденной Законом Республики Татарстан от 17 июня 2015 г. № 40-ЗРТ². В соответствии с данной Стратегией под агломерацией понимается компактное скопление населенных пунктов, главным образом городских, местами срастающихся, объединенных интенсивными производственными, транспортными и культурными связями, дающими экономическую и социальную выгоду за счет снижения издержек от пространственной концентрации производств и других экономических объектов.

Анализ подходов к определению дефиниции «агломерация»³ к определению агломерации указывает на значительное влияние экономических, производственных, хозяйственных факторов⁴ в образовании и развитии данных систем расселения населения.

Кроме того, исследование различных подходов к понятию агломерации⁵ позволяет выделить специфические признаки таких образований. Они отграничивают данные образования от иных

¹ Нафиков И.С. Теневая экономика и организованная преступность в условиях крупного города: монография / под науч. ред. В.П. Малкова. Казань: Познание. Института экономики, управления и права, 2012. С. 107.

² Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года. Приложение 3: Закон Республики Татарстан от 17.06.2015 № 40-ЗРТ // Ведомости Государственного Совета Татарстана. 2015. № 6 (II часть). Ст. 521. С. 295, 296.

³ Меркурьев В.В. Развитие агломераций муниципальных образований в регионе (на материалах Кемеровской области): дис. ... канд. экон. наук. Барнаул, 2014. Таблица 1. С. 9.

⁴ Ши Б. Исследование формирования и перспектив устойчивого развития Чжэнчжоуской агломерации (провинция Хэнань, Китай): автореф. дис. ... канд. арх. наук.. Санкт-Петербург, 2005. С. 6; Антонова А.А. Методические подходы к оценке агломерационного развития регионов России: дис. ... канд. экон. наук. Санкт-Петербург, 2013. С. 8.

⁵ Меркурьев В.В. Развитие агломераций муниципальных образований в регионе (на материалах Кемеровской области): дис. ... канд. экон. наук. Барнаул, 2014. Таблица 1. С. 9.

сложившихся образований, находящихся в поле правового регулирования, – административно-территориальных образований.

Так, к числу специфических признаков агломераций следует отнести¹:

- обязательное наличие центра, роль которого играет крупный город либо их совокупность, именно вокруг крупного города в большинстве случаев происходит объединение иных населенных пунктов, преимущественно близлежащих или прилегающих к центру агломерации;

- взаимосвязь между входящими в состав агломерации различными населенными пунктами, которая носит территориальный и функциональный характер, а также устойчивость и взаимовлияние;

- самостоятельность населенных пунктов, входящих в агломерацию, что обусловлено особенностями правового регулирования административно-территориального устройства государства и экономической самостоятельностью при той же экономической вовлеченности в единую систему агломерации.

В научной литературе² выделяются следующие типы агломераций:

1. Моноцентрические агломерации – одноцентровые. Структурно такие агломерации имеют в качестве ядра один город. Он подвергает своему влиянию остальные прилегающие населенные пункты. При этом намного превосходит их как по размеру, так и по социально-экономическому потенциалу.

2. Полицентрические агломерации – многоцентровые. Отличаются тем, что в качестве ядра агломерации выступают несколько городов, взаимосвязанных между собой. При этом ядро также подвергает своему влиянию прилегающими территории, находясь с ними под взаимным влиянием.

¹ Выпханова Г.В. Организационно-правовые вопросы охраны окружающей среды городов и городских агломераций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1990. С. 11, 12.

² Ши Б. Исследование формирования и перспектив устойчивого развития Чжэнчжоуской агломерации (провинция Хэнань, Китай): автореф. дис. ... канд. арх. наук. Санкт-Петербург, 2005. С. 6.

Полицентрические агломерации могут формироваться линейно, компактно, лучеобразным способом либо по кольцевой модели¹.

Структура агломерации представлена следующими элементами²:

- «Ядро» – центр агломерации.
- «Сателлиты» – населенные пункты, образующие периферию агломерации. Данный структурный элемент включает в себя населенные пункты, территориально расположенные в непосредственной близости к центру агломерации и поглощаемые ею в процессе своего развития. К числу таковых также относятся населенные пункты или их группы, которые хотя и не входят в саму агломерацию, но испытывают влияние как непосредственно центра, так и иных населенных пунктов, прилегающих к нему, которые сами являются сателлитами.

Агломерация характеризуется не только структурно, указанными элементами, но и содержательно, функционально, поскольку представленные структурные элементы находятся под постоянным взаимным влиянием. Ядро агломерации с течением времени накапливает социально-экономический потенциал. По мере развития данного образования этот потенциал неизбежно распространяет свое действие на прилегающие населенные пункты, которые, под влиянием этого становятся сателлитами. При этом они начинают обеспечивать ядро различного рода ресурсами, расширяя его потенциал, способствуя развитию агломерации³.

Агломерации могут формироваться:

- *естественно*:
- а) ввиду высокой плотности населения и развития инфраструктуры⁴;

¹ Ань Д. Формирование кольцевой агломерации Ху-Бао-О-Юй (КНР): автореф. дис. ... канд. арх. наук. Санкт-Петербург, 2013. С. 8.

² Селиванова Т.И. Географические особенности городского агломерирования в постсоветской России: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Москва, 2011. С. 17.

³ Волчкова И.В. Особенности социально-экономического развития городских агломераций в России: монография. Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2013. С. 8.

⁴ Мосиенко Л.Л. Социально-территориальная структура пространства городской агломерации: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Новосибирск, 2008. С. 15.

б) при интегрированности городов, обусловленной исторически¹;

– искусственно, что в ряде случаев свойственно Российской Федерации²:

а) как результат планируемого государством, целенаправленного социально-экономического развития государства, т.е. «сверху»;

б) как результат преимущественного развития несельскохозяйственных отраслей в сельской местности, что приводит к изменению системы расселения с пространственной концентрацией рабочей силы в городах и профессиональной переориентации населения от занятия сельским трудом к несельскохозяйственному труду, т.е. «снизу».³

Исторически возникновение и развитие агломераций специалистами связывается с процессами урбанизации, отражающими воздействие капитализма на экономическую составляющую и социальную структуру общества во всей его сложности и противоречивости⁴. Подобные тенденции роста городов и городской среды свойственны значительному количеству современных государств⁵.

Появление агломераций на территории России, как показал анализ специальной литературы, обусловлено развитием фабрик и мануфактур в поселках, селах и позднее вблизи крупных городов, что вызывало там механический прирост городского населения. Ускоренному становлению и развитию агломераций, в особенности со значительной промышленной составляющей, способствовало активное строительство железнодорожного сообщения, начавшееся с

¹ Угрюмова А.А. Управление экономическим ростом агломерации (на примере Московской агломерации): автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Москва, 2005. С. 20.

² Швалов П.Г. Формирование логистической инфраструктуры городской агломерации: дис. ... канд. экон. наук. Иркутск, 2014. С. 11.

³ Ван С. Особенности развития городской агломерации Урумчи (Синьцзян-Уйгурский автономный район, Китай): автореф. дис. ... канд. арх. наук. Санкт-Петербург, 2009. С. 7.

⁴ Погудина Ю.Ю. Особенности процесса урбанизации в КНР (1978-2012): пример формирования Чжэнчжоуской агломерации в провинции Хэнань: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Санкт-Петербург, 2016. С. 3.

⁵ Указ. соч. С. 3-11.

середины XX века¹. Немаловажное значение в процессах урбанизации и становления агломераций отводится кооперации различных сфер деятельности муниципальных образований, входящих в состав и зону влияния агломерации².

Ученые выделяют два этапа становления агломераций на территории России: советский и современный³.

Советский этап становления характеризуется активным формированием промышленных городских агломераций, обусловленным плановой экономикой, что привело к урбанистической революции. На обозначенном этапе продолжалось образование большого количества моногородов и размещение крупных промышленных предприятий в их центральных зонах. К 1989 году территория России представляла собой устойчивую сеть значительного количества агломераций.⁴

Современный этап развития агломераций вызван усилением процессов урбанизации, интенсивностью взаимодействия как внутренних структурных элементов агломераций, так и их самих в целом, формируя тем самым не только точки экономического развития страны, но и каркас преимущественного расселения⁵. Активизации агломерационных процессов на современном этапе способствовали значительная автомобилизация населения, смена собственности на землю и экономической направленности развития городов.⁶ Развитию агломераций на территории России на современном этапе свойственны особенности глобальной урбанизации – тенденция образования вокруг центров агломераций и

¹ Прохорская Е.Г. Пространственная организация юго-восточного направления Московской агломерации: автореф. дис. ... канд. арх. наук. Москва, 2016. С. 12.

² Емельянова Н.В. Географическая оценка взаимодействия городов в рамках Иркутской агломерации: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Иркутск, 2013. С. 9, 10.

³ Указ. соч. С. 10.

⁴ Селиванова Т.И. Географические особенности городского агломерирования в постсоветской России: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Москва, 2011. С. 13.

⁵ Емельянова Н.В. Географическая оценка взаимодействия городов в рамках Иркутской агломерации: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Иркутск, 2013. С. 10; Игловская Н.С. Социально-экономические и экологические факторы развития Архангельской городской агломерации: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Москва, 2011. С. 3.

⁶ Селиванова Т.И. Географические особенности городского агломерирования в постсоветской России: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Москва, 2011. С. 7, 13, 14.

зон их влияния (до 100 километров) многочисленных населенных пунктов городского и полугородского типа, население которых с течением времени начинает превалировать в количестве над численностью ядра агломерации¹. Данные процессы свидетельствовали об субурбанизации, чему способствовали специфические внутриагломерационные процессы, к которым можно отнести: автомобилизацию населения одновременно с развитием дорожной инфраструктуры; развитие телекоммуникационной сферы, что дало толчок развитию средств связи и коммуникации; особенности налогообложения в пригородах, дающих сравнительно низкую налоговую нагрузку на жителя по сравнению с центром агломерации; перенос промышленных предприятий из центра в пригородные зоны; экологические проблемы центра агломерации в сравнении с более благополучной обстановкой в прилегающих населенных пунктах.

В настоящее время на территории России сохраняется тенденция к увеличению количества агломераций и их размеров. Сложилось не менее 124 агломераций, объединяющих 58 % населения страны и формирующих опорный каркас расселения населения с перспективой его увеличения. При этом внеагломерационные пространства характеризуются убылью населения и исчезновением расположенных на этих территориях городов и сельских населенных пунктов².

Динамика урбанизации отражается на активности производственно-экономических процессов, происходящих в населенных пунктах, образующих агломерацию. Особенностью данного влияния следует считать то обстоятельство, что при плотной экономической взаимосвязанности входящих в состав агломераций населенных пунктов они, тем не менее, остаются разобщенными в

¹ Талачан М. Сравнение некоторых аспектов разбития агломераций Москвы и Парижа: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Москва, 1993. С. 4.

² Прохорская Е.Г. Пространственная организация юго-восточного направления Московской агломерации: автореф. дис. ... канд. арх. наук. Москва, 2016. С. 12, 13; Игловская Н.С. Социально-экономические и экологические факторы развития Архангельской городской агломерации: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Москва, 2011. С. 3.

правовом поле, поскольку каждый из них представляет собой самостоятельное административно-территориальное образование, а в совокупности они не имеют единого государственного или муниципального управления. Это приводит к тому, что агломерация, будучи экономически единым образованием, управляется множествами органов власти, входящих в ее состав муниципалитетов. Их воздействие может носить разнонаправленный характер: законодательный, социальный, административный, экономический. Все это влияет на развитие и функционирование агломераций.

Некоторые специалисты отмечают эффективность такой ключевой формы территориальной организации расселения, как агломерации¹, выделяя следующие их положительные качества и свойства: в агломерациях, по мнению ряда ученых, концентрируются крупные промышленные производства, играющие значительную роль в обороноспособности государства². По сравнению с иными формами расселения, они имеют более выгодное экономико-географическое положение, обусловленное сосредоточением производств, транспортных узлов, человеческого капитала³, выступая центрами социально-экономического развития страны и ее регионов⁴. При должной организации управления агломерационными процессами такая форма расселения обеспечивает сбалансированное сочетание всех факторов, необходимых для развития социально-экономических процессов⁵.

В то же время в литературе отмечаются следующие негативные последствия, вызванные расширением агломерационных зон:

¹ Прохорская Е.Г. Пространственная организация юго-восточного направления Московской агломерации: автореф. дис. ... канд. арх. наук. Москва, 2016. С. 3; Емельянова Н.В. Географическая оценка взаимодействия городов в рамках Иркутской агломерации: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Иркутск, 2013. С. 3, 8.

² Перминов Е.О. Санкт-Петербургская агломерация и гарнизоны (градостроительный аспект): автореф. дис. ... канд. арх. наук. Санкт-Петербург, 2011. С. 9.

³ Емельянова Н.В. Географическая оценка взаимодействия городов в рамках Иркутской агломерации: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Иркутск, 2013. С. 21, 22.

⁴ Игловская Н.С. Социально-экономические и экологические факторы развития Архангельской городской агломерации: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Москва, 2011. С. 3.

⁵ Емельянова Н.В. Географическая оценка взаимодействия городов в рамках Иркутской агломерации: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Иркутск, 2013. С. 21, 22.

1. *Экологические.* Нагрузка антропогенного фактора на природно-экологическую составляющую в агломерациях значительно выше и качественно отличается от антропогенной нагрузки в отдельных, более мелких городах и сельских населенных пунктах, не входящих в агломерации. Масштаб территории влияния городских агломераций на состояние окружающей среды оценивается специалистами как в 40-50 раз, превышающий собственный радиус таких образований¹. Неконтролируемая и зачастую стихийная застройка в городском пространстве данного вида групповых систем расселения приводит к исчезновению важнейшей части среды обитания человека в городе – озелененных пространств². Ухудшение состояния экологической среды обусловлено и тем, что развитие промышленности как составляющей экономического устройства общества и самой городской среды происходит за счет сужения природных и рекреационных зон³. Ввиду высокой концентрации населения и уменьшения прилегающих природных и сельскохозяйственных зон происходит сокращение необходимых для человека биологических и природных ресурсов⁴. Актуализировались проблемы, связанные с вывозом товарно-бытовых отходов и их утилизацией. Следствием такого воздействия антропогенной нагрузки на окружающую среду в агломерациях становится общее ухудшение здоровья населения, увеличение удельного веса «урбанозависимых» заболеваний⁵ и высокие показатели смертности⁶.

2. *Экономические.* Дисбаланс развития агломераций может обуславливать либо чрезмерную урбанизацию, когда она происходит

¹ Буруль Т.Н. Зонирование территории Волгоградской агломерации по степени антропогенной нагрузки: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Волгоград, 2005. С. 10.

² Бобрышев Д.В. Природный каркас агломерации и ландшафтный потенциал развития ее центрального города (на примере Иркутской области): автореф. дис. ... канд. арх. наук. Москва, 2011. С. 3.

³ Погудина Ю.Р. Особенности процесса урбанизации в КНР (1978 – 2012): пример формирования Чжэнчжоуской агломерации в провинции Хэнань: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Санкт-Петербург, 2016. С. 3, 9, 15.

⁴ Там же.

⁵ Буруль Т.Н. Зонирование территории Волгоградской агломерации по степени антропогенной нагрузки: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Волгоград, 2005. С. 10.

⁶ Талачан М. Сравнение некоторых аспектов развития агломераций Москвы и Парижа: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Москва, 1993. С. 10.

быстрее индустриализации, либо обратный процесс – гистерезисную урбанизацию, влекущую продвижение промышленности к сельским районам, и как следствие, занятость сельского населения несельскохозяйственными видами деятельности¹. Негативным представляется также изъятие обширных природных и сельскохозяйственных территорий в пользу укрупнения действующих агломерационных зон либо создания новых населенных пунктов, входящих в зону влияния агломерации².

3. *Социальные*, обусловленные негативными особенностями социального устройства, несбалансированностью возрастной структуры общества и интенсивными, но, в то же время, неравномерными (маятниковыми) миграционными процессами: сложности в социальной адаптации новых жителей высокоурбанизированного городского пространства³, поглощение сельского населения городской средой⁴; возникновение зон социальной напряженности и конфликтов в местах пересечения многоэтажной жилой застройки и индивидуального, сельского строительства⁵; рост преступности, в том числе коррупционной⁶.

Одна из отрицательных черт современных агломераций – стирание ограничений административного деления⁷, тенденция к слиянию внешне изолированных населенных пунктов в одно целое.

Выделяются две основные теории развития современного городского пространства: теория концентрации¹ и теория рассредоточения (децентрализации)².

¹ Ван С. Особенности развития городской агломерации Урумчи (Синьцзян-Уйгурский автономный район, Китай): автореф. дис. ... канд. арх. наук. Санкт-Петербург, 2009. С. 5, 6.

² Погудина Ю.Р. Особенности процесса урбанизации в КНР (1978-2012): пример формирования Чжэнчжоуской агломерации в провинции Хэнань: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Санкт-Петербург, 2016. С. 3, 9, 15.

³ Указ. соч. С. 21.

⁴ Указ. соч. С. 3, 9, 15.

⁵ Прохорская Е.Г. Пространственная организация юго-восточного направления Московской агломерации: автореф. дис. ... канд. арх. наук. Москва, 2016. С. 18.

⁶ Погудина Ю.Ю. Особенности процесса урбанизации в КНР (1978 – 2012): пример формирования Чжэнчжоуской агломерации в провинции Хэнань: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Санкт-Петербург, 2016. С. 21.

⁷ Ань Д. Формирование кольцевой агломерации Ху-Бао-О-Юй (КНР): автореф. дис. ... канд. арх. наук. Санкт-Петербург, 2013. С. 8.

Значительную роль в формировании агломераций играет государство, которое должно определять вектор развития данных образований. В качестве примера такой деятельности со стороны государства можно привести КНР, где на современном этапе наблюдается развитие агломерационных зон, основанное на теории концентрации, что стало следствием государственной поддержки данной модели урбанизации как наиболее оптимальной.

Резюмируя изложенное, можно заключить следующее.

1. Агломерации в настоящее время представляют собой основную форму территориальной организации расселения населения, характеризующуюся противоречивостью перспектив развития современного общества.

На территории России образована устойчивая сеть из более 124 агломераций, объединяющих практически 58 % населения страны. Данная сеть агломераций формирует как опорный каркас стихийного расселения людей, так основу будущего социально-экономического устройства государства, чему способствует сокращение населения и населенных пунктов во внеагломерационном пространстве.

2. Отличительными особенностями агломераций, позволяющими отграничивать их от официальных административно-территориальных образований, являются: наличие центра в виде одного или нескольких крупных городов, вокруг которых происходит объединение близлежащих населенных пунктов; территориальная и функциональная взаимосвязь между населенными пунктами, которой присуща тенденции устойчивости; фактическая экономическая и правовая самостоятельность территориальных образований внутри агломерации.

¹ Свойственна, например, КНР ввиду большой численности населения и нехватки территорий; Погудина Ю.Р. Особенности процесса урбанизации в КНР (1978-2012): пример формирования Чжэнчжоуской агломерации в провинции Хэнань: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Санкт-Петербург, 2016. С. 19.

² Погудина Ю.Р. Особенности процесса урбанизации в КНР (1978 – 2012): пример формирования Чжэнчжоуской агломерации в провинции Хэнань: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Санкт-Петербург, 2016. С. 19.

3. Основу образования и развития агломераций составляют экономические, производственные и хозяйственные факторы, а также глобальные процессы урбанизации.

Советский период возникновения и развития агломераций характеризуется активным формированием промышленных городских агломераций, обусловленным плановой экономикой, что привело к урбанистической революции и ускоренной индустриализации. На *современном этапе* усиление процессов стихийной урбанизации и интенсивного взаимодействия агломераций и их внутренних структурных элементов происходит во многом благодаря закреплению частной собственности на землю, экономической направленности развития городов и автомобилизации населения.

4. Преимуществом рассматриваемого типа расселения населения при должной организации управления агломерационными процессами по сравнению с иными формами капиталистически ориентированного развития общественных отношений выступает выгодное экономико-географическое положение, обусловленное, как правило, концентрацией производств, транспортных узлов и человеческого капитала, позволяющих сбалансировать эти факторы для необходимого развития социально-экономических процессов в рамках агломераций.

К числу очевидно негативных факторов агломерирования следует отнести:

1) *экологические*: высокая антропогенная нагрузка на окружающую среду, территориально превышающая более чем в 40-50 раз собственный радиус таких образований; значительная промышленная составляющая агломераций за счет поглощения сельскохозяйственных зон; неуправляемая застройка в городском пространстве, влекущая уменьшение природных и рекреационных зон и общее ухудшение экологической среды; сокращение необходимых для человека биологических и природных ресурсов ввиду высокой концентрации населения и уменьшения прилегающих природных и сельскохозяйственных зон; обостряющиеся проблемы утилизации

отходов; общее ухудшение здоровья населения и высокие показатели смертности;

2) *экономические*: дисбаланс развития агломераций посредством чрезмерной урбанизации и снижения экономической, прежде всего производственной составляющей; излишнее продвижение промышленности к сельским районам и как следствие – занятость сельского населения несельскохозяйственными работами, увеличение безработицы среди сельского населения; изъятие обширных природных и сельскохозяйственных территорий для укрупнения действующих агломерационных зон либо создания новых населенных пунктов, т.н. «спальных районов» для элиты, входящих в зону влияния агломерации;

3) *социальные*: сложности в социальной адаптации новых жителей высокоурбанизированного городского пространства, поглощение сельского населения в городскую среду; возникновение зон социальной напряженности и конфликтов в местах встречных направлений многоэтажной жилой застройки и индивидуального, сельского строительства; рост различных видов преступности, включая организованную и коррупционную, во многом за счет существенного ухудшения управляемости социальными и экономическими процессами в рамках агломераций.

Негативный аспект формирования и существования городских агломераций более очевиден, что, безусловно, и вызывает необходимость более активного вмешательства государства и общества в этот процесс с целью минимизации отрицательных последствий влияния интенсивного агломерирования в стране и ее отдельных регионах.

Для более полного и точного определения агломерации как неформального системного образования, содержащего в себе повышенный криминогенный потенциал коррупции, целесообразно дать характеристику ее основным признакам.

Во-первых, сегодня агломерация – это неформальная административно-территориальная система, стихийно образующаяся и развивающаяся в рамках более общей системы, состоящей из республик, краев, областей и других легально сформированных

административно-территориальных образований (единиц) Российской Федерации.

Во-вторых, агломерация – это динамическое, постоянно изменяющееся и развивающееся образование. Процессы ее изменения и развития происходят в тесной связи с аналогичными процессами, происходящими в рамках того или иного региона России, в который входит данная агломерация как его элемент (подсистема).

В-третьих, агломерация – это фактически самостоятельное социально-экономическое и социально-культурное образование, специфически функционирующее в рамках данного системного образования – соответствующего региона России. Стихийно или на договорно-правовой основе складывающиеся в рамках агломерации социальные, экономические и культурные связи и отношения во многом независимы от аналогичных связей и отношений, присущих данному региону России, поэтому имеют свою специфику, так или иначе обуславливающую ее отличие от аналогичных проявлений в других агломерациях или легальных административно-территориальных единиц России.

В-четвертых, в структуру агломераций входят обладающие фактической и правовой самостоятельностью местные самоуправляемые территории.

В-пятых, возникновение и развитие агломераций непосредственно связано с процессами урбанизации и кооперации различных сфер деятельности местных самоуправляемых образований. Агломерация отражает эти процессы и является их продуктом или следствием.

В-шестых, агломерация как фактическое системное образование имеет свое ядро или центр в виде одного или нескольких крупных городов, вокруг которых в качестве сателлитов (элементов системы) объединяются меньшие по площади близлежащие населенные пункты – мелкие города, поселки и сельские населенные пункты, испытывающие на себе особое влияние со стороны своего центра (ядра системы) и обеспечивающие его ресурсами для укрепления, укрупнения и развития агломерации как единой системы, включая предоставление рабочей силы.

В-седьмых, основу агломерации как самостоятельного системного образования составляют экономические, производственные и хозяйственные факторы, а также глобальные процессы урбанизации, сопровождающиеся финансовым ослаблением мелких городов, поселков и сельских населенных пунктов, безработицей или переориентацией работоспособного сельского населения на труд (часто неквалифицированный) в большом городе или в нескольких больших городах, составляющих центр (ядро) агломерации.

Криминологическая характеристика агломерации обуславливается различными особенностями исследуемых образований:

Агломерация – это фактическое самостоятельное административно-территориальное образование, не имеющее единую систему власти и управления, целенаправленного обеспечения интересов местного населения и его безопасности.

Неуправляемость в целом структуры агломерации приводит к конфликтам между легальными самоуправляемыми административно-территориальными единицами, фактически составляющими подструктуры агломерации, к вмешательствам в их сферу деятельности со стороны вышестоящих должностных лиц и влиятельных криминальных элементов с целью придания служебным отношениям и взаимодействию с местной администрацией незаконного характера и налаживания с ее представителями коррупционных связей, необходимых для осуществления незаконной деятельности, в частности, для изменения целевого назначения земель, проведения аукционов и др.

Несовпадение границ фактических административно-территориальных и хозяйственных единиц агломерации и отсутствие их юридического оформления подобных единиц в рамках регионов Российской Федерации и иных легальных административно-территориальных и хозяйственных единиц приводит к тому, что некоторые территории внутри агломерации испытывают сильное влияние со стороны легальных (официальных) управленческих структур и нелегально сформированных образований. Фактическое

влияние центра (ядра) агломерации часто является более действенным, что не может не дезориентировать администрации самоуправляемых территорий, входящих в сферу влияния агломерации, прежде всего тех, которые имеют склонность к налаживанию коррупционных связей.

Скопление территориально, экономически и функционально взаимосвязанных, юридически самостоятельных городов и населенных пунктов вокруг крупного или нескольких крупных городов, являющихся центром (ядром), оказывающим особое и определяющее воздействие на эти населенные пункты, подталкивает их к слиянию в единую урбанизированную территорию с легализованным управлением и единым социально-экономическим и социально-культурным укладом жизни проживающих на данной территории людей. В иных случаях затягивание процесса образования нового административно-территориального и социально-экономического объединения вместо агломерации ухудшает положение жителей и создает предпосылки для нарушения законности и общественного порядка, для злоупотребления властью чиновниками различных уровней.

Учитывая основные признаки и характеристики агломерации, целесообразно сформулировать определение этого понятия следующим образом:

агломерация – это системное, динамическое, фактически существующее, территориальное, социально-экономическое и социально-культурное образование, состоящее из центра (ядра) в виде одного или нескольких крупных городов, вокруг которых объединяются близлежащие населенные пункты, находящиеся в устойчивой территориальной, социально-экономической и иной функциональной взаимосвязи между собой, имеющие правовую самостоятельность и испытывающие на себе особое влияние центра (ядра), который они обеспечивают ресурсами для его существования и развития, стимулирующие процессы урбанизации входящих в него сельских территорий, укрупнение входящих в него основных городских территорий и кооперацию ряда важных сфер деятельности

местных самоуправляемых образований, фактически входящих в зону влияния данного структурного образования.

Указанное положение требует законодательного определения в отдельном федеральном законе, посвященном рассматриваемым системам расселения населения.

Агломерация в процессе своего, как правило, системного развития, укрупнения и слияния в единое целое как самостоятельной административно-территориальной единицы характеризуется тенденцией к преобразованию в новое, устойчивое, легализованное территориальное образование, стремящееся попасть под единое управление всеми необходимыми и жизненно важными процессами, происходящими на территории данного системного образования. Власти субъектов России и федеральные власти должны следить за этим процессом и поэтапно легализовывать агломерации, наделяя их статусом самостоятельных административно-территориальных единиц или, наоборот, в случае негативного влияния складывающихся в агломерации взаимоотношений проводить своевременные реформы с целью противодействия таким взаимосвязям, включая связи коррупционные.

§ 1.2. Криминологически значимые характеристики агломераций в Республике Татарстан

В Республике Татарстан сформировались крупнейшие агломерации: Казанская, Камская и Альметьевская. Они сложились экономически и географически и на исследуемый период имеют нормативно закреплённый статус на уровне субъекта Российской Федерации¹.

Казанская агломерация. Является наибольшей из представленных. Географически расположена в северо-западной части республики. Численность населения – около 1,5 млн чел.,

¹ Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года: Закон Республики Татарстан от 17.06.2015 № 40-ЗРТ // Ведомости Государственного Совета Татарстана, 2015. № 6 (II часть). Ст. 521.

плотность населения – 177 чел/га¹. По структуре является моноцентрической, т.е. представлена единым центром – ядром – г. Казанью. Последний имеет статус одновременно городского округа, города республиканского значения и столицы соответствующего субъекта Российской Федерации². В структуру агломерации входит прилегающий город Зеленодольск. В агломерационные процессы и функциональную взаимосвязь вовлечены близлежащие населенные пункты Зеленодольского, Высокогорского, Пестречинского, Лаишевского, Верхнеуслонского муниципальных районов республики³.

Агломерация имеет естественное, исторически обусловленное происхождение посредством стихийного и отчасти естественного (управляемого) объединения близлежащих населенных пунктов вокруг сложившегося крупного экономического и культурного центра – г. Казани. Отраслевая специализация экономики определяется химической промышленностью, электроэнергетикой, машиностроением, легкой промышленностью, агропромышленным комплексом и строительством⁴.

Камская агломерация. Будучи второй по величине, Камская агломерация расположена в северо-восточной части республики. Общая численность населения агломерации составляет более 900 тыс. чел., плотность населения – 165 чел/га⁵. Агломерация является полицентрической, представлена рядом муниципальных образований – ядер: городским округом Набережные Челны, имеющим статус

¹ Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года: Закон Республики Татарстан от 17.06.2015 № 40-ЗРТ // Ведомости Государственного Совета Татарстана, 2015. № 6 (II часть). Ст. 521.

² Конституция Республики Татарстан 1992 года (в редакции Закона Республики Татарстан от 22.06.2012 № 40-ЗРТ) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.09.2022).

³ Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года: Закон Республики Татарстан от 17.06.2015 № 40-ЗРТ. С. 146 // Ведомости Государственного Совета Татарстана, 2015. № 6 (II часть). Ст. 521. С. 141.

⁴ Указ соч. С. 131.

⁵ Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года: Закон Республики Татарстан от 17.06.2015 № 40-ЗРТ. С. 146 // Ведомости Государственного Совета Татарстана, 2015. № 6 (II часть). Ст. 521.

города республиканского значения¹ и выступающего основным ядром агломерации, а также такими городами, как Нижнекамск, Елабуга и Менделеевск. Кроме того, в структуру агломерации входят населенные пункты Тукаевского, Нижнекамского, Елабужского и Менделеевского муниципальных районов.

Камская агломерация имеет искусственное происхождение и развитие, так как город Набережные Челны в современном его виде основан лишь после 1970 года в связи со строительством автомобильного завода «КамАЗ» и последующим развитием машиностроительного производства в регионе. Отраслевая специализация экономики определяется автомобилестроением, нефтехимической, химической и электротехнической промышленностью, агропромышленным комплексом².

Альметьевская агломерация. Третья, наименьшая, находится в юго-восточной части республики. Общая численность населения в ней составляет более 300 тыс. чел., плотность населения – 71 чел/га³. Агломерация является полицентрической, представлена рядом населенных пунктов – ядер: городами Альметьевск, Лениногорск и Бугульма. Кроме того, в структуру агломерации включены населенные пункты одноименных муниципальных районов: Альметьевского Лениногорского и Бугульминского.

Альметьевская агломерация имеет искусственное происхождение и формирование в связи с открытием в 1947 – 1948 гг. крупного Ромашкинского нефтяного месторождения и последующим развитием в регионе нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей, а также смежных с ними промышленности в регионе⁴.

¹ Конституция Республики Татарстан 1992 года (в редакции Закона Республики Татарстан от 22.06.2012 № 40-ЗРТ) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.09.2022).

² Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года: Закон Республики Татарстан от 17.06.2015 № 40-ЗРТ. С. 151 // Ведомости Государственного Совета Татарстана, 2015. № 6 (II часть). Ст. 521. С. 134.

³ Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года: Закон Республики Татарстан от 17.06.2015 № 40-ЗРТ. С. 151 // Ведомости Государственного Совета Татарстана, 2015. № 6 (II часть). Ст. 521.

⁴ Указ. соч. С. 137.

В настоящее время все три вышеуказанные агломерации составляют основу развития Республики Татарстан, формируя внутри нее взаимосвязанные экономические комплексы производственного и инфраструктурного типов¹.

Агломерации следует относить к субъектам с повышенной концентрацией коррупционных проявлений, так как распространение коррупции имеет место, как правило, в регионах, обладающих наибольшим экономическим потенциалом, и где этот потенциал сконцентрирован в ограниченном числе хозяйствующих субъектов², от которых зависит решение коррупционно значимых вопросов.

Во-первых, коррупция как социальное явление появилась и развивалась здесь, прежде всего, в связи с экономическими процессами, поэтому одна из сущностей коррупции – экономическая. Коррупционные отношения здесь представляют собой специфическую форму проявления теневых экономических взаимоотношений, возникающих между субъектами, наделенными властными полномочиями, и субъектами, заинтересованными в принятии решений, неподконтрольных государству и обществу, в обмен на финансовое или иное неофициальное вознаграждение³. Все эти факторы имеют место в крупнейших агломерациях Республики Татарстан.

О связи коррупции и должностных преступлений с посягательствами на собственность и предпринимательскими преступлениями, образующими экономическую преступность, указывала профессор Н.Ф. Кузнецова⁴.

Профессор Н.А. Лопашенко выделяет коррупционные посягательства как группу безусловных экономических преступлений, отмечая, что экономическая мотивация

¹ Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года: Закон Республики Татарстан от 17.06.2015 № 40-ЗРТ. С. 151 // Ведомости Государственного Совета Татарстана, 2015. № 6 (II часть). Ст. 521. С. 3, 4.

² Алишаев Э.А. Трансформация системы коррупционных отношений в экономике рыночной ориентации: автореф. ... канд. экон. наук. Москва, 2011. С. 12, 13.

³ Указ. соч. С. 10.

⁴ Кузнецова Н.Ф. Кодификация норм о хозяйственных преступлениях. Вестник Московского университета. 1993. № 4. С. 12.

коррупционных преступлений включает корыстные цели и мотивы и определяется собственническими интересами¹.

И.С. Нафиков рассматривает коррупционность и теневую экономику как взаимосвязанные явления, указывая, что коррупция не может существовать без теневой экономики².

Учитывая, что коррупция является не только правовой категорией, но и экономической³, особенности агломераций социально-экономического характера, обуславливающие их развитие и образование, в то же время являются факторами коррупционных отношений.

Экономическая составляющая в образовании и развитии агломераций во многом предопределяет формирование среды для корпоративной⁴ и коммерческой⁵ коррупции, возникающей в сфере экономически отношений как между ее субъектами, так и внутри них. Среднеарифметический размер материального ущерба от коммерческой коррупции за период 2007 – 2011 гг. в Республике Татарстан на одного пострадавшего составлял примерно 775 743 рубля, а размер причиненного материального вреда ее жертвам – 90 761 927 рублей или 89,2 % из всего объема коррупционных издержек⁶. Речь, конечно, идет о тех данных, которые поддаются какому-то учету.

Следующим проявлением экономических факторов коррупции является ее широкое распространение в монополизированных

¹ Лопашенко Н.А. О понятии «экономическая преступность» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2001. № 2. С. 165, 167.

² Нафиков И.С. Социально-экономические факторы как индикаторы организованной «тенизации» экономики и повышенной коррупционности территорий // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права: межвузовский сборник научных трудов; под общ. ред. А.Г. Безверхова. Самара, 2013. С. 211.

³ Овчаров А.С. Коррупция в системе теневых экономических отношений: автореф. ... канд. экон. наук. Волгоград, 2003. С. 7.

⁴ Подольный Н.А., Подольная Н.Н. Корпоративная коррупция: обоснование проблемы // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 3. С. 521- 530.

⁵ Кабанов П.А., Гарипов И.М., Магизов Р.Р. Виктимологическое измерение состояния коммерческой коррупции в Республике Татарстан (анализ статистических показателей 2007 – 2011 гг.) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 2 (33). С. 51, 52.

⁶ Там же.

отраслях экономики, прежде всего, в добывающей сфере и сырьевой промышленности¹.

Социально-экономические противоречия наиболее четко проявляются в городах, что обусловлено концентрацией экономической деятельности на относительно ограниченных пространствах, занимаемых городами, отличающихся высокой плотностью заселения, быстрым ростом промышленного производства, развитием энергетики, строительства, транспорта.

Из агломераций Республики Татарстан Камская и Альметьевская являются территориальными центрами нефтедобывающей и нефтехимической промышленности. Наличие значительных природных ресурсов в данном регионе фактически создает условия для развития теневых отношений и усиления коррупции в нем². К примеру, высокая прибыльность в сфере продажи нефти провоцирует нецелевое использование и распределение доходов. Финансирование теневого капитала и коррупционеров всех уровней в данной сфере составляет более 60%, легализованные средства от теневой деятельности в данной сфере составляют более 70 % наполнения оффшорных счетов бенефициаров российских юридических лиц и более 80 % зарубежной недвижимости³.

Указывая на особенности финансовой составляющей в числе экономических факторов коррупционных отношений, возникающих и осуществляемых в агломерациях республики, следует отметить их высокую зависимость от федерального финансирования⁴. Так, значительна концентрация бюджетных средств в Казанской агломерации, в том числе в связи с проведенными в свое время организационными мероприятиями всероссийского и

¹ Алишаев Э.А. Трансформация системы коррупционных отношений в экономике рыночной ориентации: автореф. ... канд. экон. наук. Москва, 2011. С. 12, 13.

² Балян Э.В. Специфика противодействия теневым экономическим отношениям и коррупции в сфере природопользования: автореф. ... канд. экон. наук. Тамбов, 2012. С. 7.

³ Указ. соч. С. 10, 14.

⁴ Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года: Закон Республики Татарстан от 17.06.2015 № 40-ЗРТ. С. 151 // Ведомости Государственного Совета Татарстана, 2015. № 6 (II часть). Ст. 521. С. 29.

международного уровней – «Тысячелетие Казани» (2005 г.), чемпионат Европы по тяжелой атлетике (2011 г.), XXVII всемирная летняя универсиада (2013 г.), чемпионат мира по фехтованию (2014 г.), чемпионат мира по водным видам спорта (2015 г.), чемпионат мира по футболу (2018 г.). При этом сфера управления бюджетными средствами и потоками является благодатной средой для теневой экономики¹, а процессы распределения и расходования бюджетных средств в Республике Татарстан высоким уровнем коррупционной составляющей².

Структура финансирования между агломерациями, а также внутри них неоднородна. Более крупные агломерации притягивают финансовые ресурсы, как и их ядра внутри этих систем. В результате в финансовом обеспечении и в соответствующем ему и местным условиям экономическом развитии территорий возрастает неравенство, которое выступает самостоятельным источником экономической преступности и тесно связанных с ней коррупционных преступлений.

Концентрация финансовых ресурсов центрами агломераций указывает не только на усиливающееся экономическое развитие данных территорий, но и на их коррупциогенность ввиду наличия значительных объемов теневых экономических отношений. Устоявшейся методики достоверного и точного оценивания масштабов этого явления не имеется, однако соответствующие попытки специалистами предпринимаются. Например, только в 2012 г. оборот теневой экономики в г. Казани оценивался специалистами от 40 до 80 % к валовому территориальному продукту, а емкость теневой экономики – в размере не менее 130 млрд рублей³.

¹ Нафиков И.С. Государственно-правовое регулирование процессов ограничения и сужения сферы теневой экономики (из опыта Республики Татарстан) // Вестник Казанского технологического университета. 2012. Т. 15. № 7. С. 211.

² Панкратов А.Ю. Мониторинг коррупции и мер реализации антикоррупционной политики в Республике Татарстан: вопросы теории и практики // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 3. С. 257.

³ Нафиков И.С. Меры по ограничению сферы теневой экономики и противодействию организованным формам коррупции на муниципальном уровне (на примере деятельности прокуратуры г. Казани) // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 4. С. 76.

Это несколько выше по сравнению со среднероссийскими показателями. Например, только в 2014 г. объем теневого сектора Российской Федерации составил 13,8 % от валового внутреннего продукта¹.

Одним из индикаторов теневой экономики, средства из которой направляются в коррупционную сферу, могут служить объемы финансовых потоков, находящихся в обороте и полученных в результате незаконной банковской деятельности.

Поглощение финансов и ресурсов агломерациями в республике и их центрами внутри структуры приводит к большой дифференциации в доходах представителей различных групп населения², что свойственно и Республике Татарстан³. С этим также связываются причины коррупции⁴, усиливающейся значительным масштабом «серого» рынка труда и высокой долей теневых доходов определенной части населения республики⁵.

Во-вторых, к числу факторов коррупционности агломераций следует отнести организационно-структурный, обусловленный спецификой их устройства и формирования в них властеотношений.

Сферой существования коррупции могут стать любые законно функционирующие официальные органы и структуры, из которых государственная и муниципальная власть и управление вызывают в аспекте коррупционных проявлений наиболее серьезное опасение⁶.

¹ Теневая экономика России: что это... // Росинфостат. URL: <https://rosinfostat.ru/tenevaya-ekonomika/#i-2> (дата обращения: 01.08.2022).

² Страхов С.В. Политико-экономические аспекты коррупции в странах с формирующейся рыночной экономикой: автореф. ... канд. экон. наук. Москва, 2007. С. 18.

³ Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года: Закон Республики Татарстан от 17.06.2015 № 40-ЗРТ // Ведомости Государственного Совета Татарстана, 2015. № 6 (II часть). Ст. 521. С. 95.

⁴ Страхов С.В. Политико-экономические аспекты коррупции в странах с формирующейся рыночной экономикой: автореф. ... канд. экон. наук. Москва, 2007. С. 18.

⁵ Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года: Закон Республики Татарстан от 17.06.2015 № 40-ЗРТ // Ведомости Государственного Совета Татарстана, 2015. № 6 (II часть). Ст. 521. С. 95.

⁶ Лопашенко Н.А. Противодействие российской коррупции: обоснованность и достаточность уголовно-правовых мер // URL: [http://sartraccc.ru/Pub/lopashenko\(18-03\).htm](http://sartraccc.ru/Pub/lopashenko(18-03).htm) (дата обращения: 20.06.2017).

Агломерация является сосредоточением властных отношений. Любая институциональная организация общества так или иначе способствует коррупции¹. Усложнение такой организации путем структурирования территорий в агломерации ведет к интенсификации проявлений коррупции², способствует более скрытой и в то же время чрезвычайно развитой коррупционной преступности.

Коррупция в условиях агломераций тесно связана с экономическим фактором и обусловлена наличием возможностей для использования служебного положения с целью присвоения государственной и муниципальной собственности, финансовых и материальных ресурсов, получения льгот, преференций в экономической деятельности³, т.е. является проявлением деловой коррупции.

Специфика такой коррупции предопределяется самим административно-политическим устройством региона, особенностями властных и неформальных связей в сфере управления.

Регион имеет хорошую институциональную основу в виде отлаженной системы управления территориями⁴. Однако существующая в республике система имеет ряд недостатков, среди которых отмечается гиперцентрализация управления, его линейный характер при множестве систем управления, слабость муниципального уровня управления и превалирование государственных органов в управлении экономикой и социальной сферой⁵. Это усиливает коррупционный потенциал региона, что приводит к падению авторитета власти и усилению политической коррупции⁶.

¹ Мешканцов В.Н. Экономико-правовые проблемы противодействия коррупции: автореф. ... канд. экон. наук. Москва, 2006. С. 10.

² Указ. соч. С. 6.

³ Макаров В.В. Коррупция как угроза экономической безопасности России: автореф. ... канд. экон. наук. Москва, 2008. С. 6.

⁴ Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года: Закон Республики Татарстан от 17.06.2015 № 40-ЗРТ // Ведомости Государственного Совета Татарстана, 2015, № 6 (II часть), ст. 521. С. 118.

⁵ Указ. соч. С. 253.

⁶ Кабанов П.А. Политическая коррупция в России: понятие, сущность, причины, предупреждение: монография. Нижнекамск: Нижнекамский филиал МГЭИ, 2004. С. 44, 73.

Подобная структура власти в совокупности с усилением развития экономических отношений в условиях агломераций приводит к концентрации и централизации коррупции в форме коррупционных сетей. Такая форма криминальной деятельности является менее прозрачной, чем индивидуальная коррупция¹, и более опасной.

Результатом процессов всеобщей урбанизации, глобализации и усиления деловой, часто теневой, активности становится высокий уровень интеграции субъектов внутри агломерации. Следствием данных процессов является эффект, определяемый экономистами как «контагиозность коррупции». Он выражается в увеличении числа коррупционных сделок и количества лиц, вовлеченных в них, в их трансграничном характере, то есть в распространении на близлежащие административно-территориальные образования. Эффект усиливается в случае наличия дополнительных объединяющих институциональных, экономических признаков между административно-территориальными образованиями².

В-третьих, к числу факторов коррупционных преступлений следует отнести правовой. На законодательном уровне формирование и деятельность агломераций не урегулированы. Это создает законодательные пробелы в межмуниципальном взаимодействии и управлении социально-экономической сферой данных территорий.

Правовые и многочисленные законодательные пробелы отмечены в числе причин коррупционно ориентированного поведения государственных и муниципальных служащих Республики Татарстан³.

Специфика образующихся внутри агломерации властных и неформальных управленческих связей обуславливает формирование «невидимых» административных горизонтальных и вертикальных

¹ Страхов С.В. Политико-экономические аспекты коррупции в странах с формирующейся рыночной экономикой: автореф. ... канд. экон. наук. Москва, 2007. С. 15.

² Борцев В.В. Коррупция: контагиозность, последствия и методы противодействия: автореф. ... канд. экон. наук. Москва, 2014. С. 12-14.

³ Газимзянов Р.Р. Коррупционные проявления при реализации национальных проектов в Республике Татарстан и меры противодействия им: анализ экспертных оценок // Актуальные проблемы экономики и права». 2011. № 4. С. 31, 32.

взаимоотношений, административных барьеров, которые играют определенную роль в активизации негативных явлений в агломерациях. Они усиливают административное давление на субъекты экономики, которая приобретает теневой характер, что значительно повышает уровень коррупционности территории¹, так как ведет к нарушению условий рыночной конкуренции и к злоупотреблениям должностными полномочиями. В этой ситуации коррупционные отношения, будучи формой проявления теневой экономики и неформальных управленческих связей, становятся неформальным институтом преодоления, компенсации таких административных барьеров и несовершенств условий хозяйствования, а в ряде случаев служат средством монополизации и получения необоснованных доходов отдельными субъектами экономики с помощью коррупционных связей с соответствующими должностными лицами.

При наличии таких законодательных пробелов коррупционные отношения играют роль приоритетного инструмента решения проблем как альтернативный, наиболее оптимальный, в том числе с точки зрения эффективности, способ координации хозяйственной деятельности, осуществляемой в сложившихся условиях².

Развитие Республики Татарстан, очевидно, будет происходить через имеющиеся агломерации. Это означает концентрацию их центрами значительных, прежде всего, экономических, ресурсов. В свою очередь, концентрация крупных производств и значительных финансовых капиталов в совокупности с влиянием центра на политическую жизнь как самой агломерации, так и соседних образований при законодательной неурегулированности процессов агломерирования территорий является факторами, создающими специфическую среду для продуцирования коррупционных

¹ Нафиков И.С. Социально-экономические факторы как индикаторы организованной «тенизации» экономики и повышенной коррупционности территорий // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права: межвузовский сборник научных трудов, под общ. ред. А.Г. Безверхова. Самара, 2013. С. 213.

² Макаева К.И. Управление региональной социально-экономической системой в условиях коррупционных проявлений (на материалах Республики Адыгея): автореф. ... канд. экон. наук. Майкоп, 2012. С. 12, 13.

преступлений. В данных обстоятельствах совокупность коррупционных отношений представляет собой динамично развивающуюся систему, требующую в целях эффективного предупреждения коррупционной преступности учета специфики процессов урбанизации территорий, в которую вовлекаются территории обозначенного региона.

Обобщая вышеизложенное, можно заключить следующее.

1. В Республике Татарстан есть три крупнейшие агломерации: Казанская, Камская и Альметьевская, которые аккумулируют в себе экономические, природные, политические, людские и другие ресурсы с их внутренней структурой и взаимосвязями. При этом ядра (центры) агломерации оказывают существенное влияние на периферию и прилегающие территории. Значительная роль в формировании и развитии агломераций отводится результатам процессов экономического и социального развития территорий, обусловленных размещением производства, концентрацией экономических и людских ресурсов.

2. Агломерации Республики Татарстан являются благоприятной средой для порождения преступности, прежде всего коррупционных преступлений, что обусловлено наличием специфичных криминогенных факторов и неформальных территориальных систем.

3. Криминологические особенности агломераций Республики Татарстан формируют три группы специфичных причин продуцирования коррупционных преступлений:

Экономические – лежащие в основе формирования и развития агломераций и обусловленные экономической специализацией и структурой экономики. Данная группа причин тесно взаимосвязана с теневой экономикой как средой для формирования и развития деловой, коммерческой, корпоративной коррупции в различных сферах экономики.

Организационно-структурные – обусловленные административно-политическим устройством региона и агломераций и возникающими в связи с этим формальными и неформальными управленческими связями. Данная группа причин формирует

коррупционные проявления в сфере властеотношений и управления, порождая как деловую коррупцию, свойственную отношениям власти и субъектов экономики, так и специфичные формы – политическую коррупцию и коррупционные сети.

Правовые – обусловленные законодательной неурегулированностью процессов формирования и развития агломераций и межмуниципального взаимодействия внутри них. Данная группа причин создает административные барьеры и порождает давление на субъекты экономики, институализируя коррупционные проявления как неформальный институт преодоления, компенсации таких административных барьеров и несовершенств условий хозяйствования. Необходимость устранения правовых причин продуцирования преступности в агломерациях, в частности коррупционной, обуславливает принятие специального Федерального закона в целях правовой легализации фактически складывающихся агломерационных систем и регулирования данного процесса.

ГЛАВА II.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В АГЛОМЕРАЦИЯХ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

§ 2.1. Понятие и сущность коррупционного преступления в российском законодательстве

Законодательная дефиниция определения «коррупция» дается в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»¹. Данное определение сконструировано законодателем посредством включения в его структуру трех элементов:

- перечисления наиболее распространенных коррупционных преступлений: злоупотребление служебным положением, основные виды взяточничества, пассивный и активный коммерческий подкуп, злоупотребление служебными полномочиями и др.;

- общей характеристики любых коррупционных деяний через указание на признак незаконного использования должностного положения, совершаемого вопреки законным интересам общества и государства;

- указания на цели и мотивы совершения коррупционных деяний: получение выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу, другим физическим лицам, а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица.

Любая дефиниция должна содержать толкование понятия². Такой подход должен определять и законодательное определение коррупции, коррупционного правонарушения. Поэтому понятие

¹ О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52. Ст. 6228.

² Толковый словарь русского языка: 120 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. Москва: А ТЕМП, 2020. С. 157.

«коррупция» должно включать общую характеристику явления – коррупции в ее типичной форме и в ее проявлении – в коррупционном правонарушении. Законодательное определение коррупции должно давать общую, типовую характеристику коррупции как явления, а также коррупционному правонарушению как ее объективному проявлению в действиях людей.

Анализ приведенного законодателем понятия коррупции указывает на то, что само по себе оно не являются деянием или совокупностью деяний. Коррупция представляет собой негативное социально-правовое явление, отражающее моральное разложение должностных лиц в публичном секторе, которые ради имущественной выгоды для себя и своих близких используют свое служебное положение во вред законным интересам общества и государства.

Уголовно-правовое понимание коррупции ограничено такими ее проявлениями, которые носят характер служебных в частном секторе и должностных – в публичном секторе злоупотреблений властью и, по сути, сводят ее к взяточничеству, а также к соответствующим должностным и служебным злоупотреблениям, совершаемым с корыстной целью.

Такие законодательные подходы к определению коррупции, ограничиваемой лишь некоторыми, наиболее опасными формами ее проявления, вызывают потребность изменения ее дефиниции этого понятия путем уточнения и расширения его содержания.

Доктринальные подходы к определению коррупции различны.

Выделяют классификацию, основанную на криминологической, социологической, политологической, психологической и экономической теориях коррупции: политологический означает подход к коррупции как к фактору, деформирующему политическую систему общества; социологический взгляд характеризует коррупцию как форму девиантного поведения (К. Фридрих, Дж. Най), социальную дисфункцию, форму социальной патологии, социальный институт (Я.И. Гилинский); экономические теории определяют коррупцию как «агентскую модель» (К. Бэнфилда) или как теорию

«статусной ренты» (П. Мауро) и т.д.¹ Все указанные дефинитивные подходы, безусловно, заслуживают внимания в теории уголовного права и служат достижению цели – познанию исследуемого негативного социального явления и его преступных проявлений.

Интерес представляет подход профессора А.И. Долговой, которая предлагает иную классификацию, разделяет подходы к определению данного явления в зависимости от базисных, наиболее существенных признаков. По ее мнению, одним из основных признаков коррупции выступает моральное разложение властных структур и должностных лиц. Второй признак – это подкуп-продажность как отражение двусторонней сделки между корруптером и коррупционером. Он позволяет разграничивать коррупционные преступления со смежными с ними должностными преступлениями.²

Профессор Б.В. Сидоров видит проявление коррупции как корыстное использование государственными и муниципальными должностными лицами своей власти (прав и властных полномочий, служебного положения, возможностей, авторитета, статуса) для получения имущественной выгоды в корыстных целях.³

Анализ доктринальных подходов к дефиниции коррупции указывает на то, что большинством авторов выделяются следующие наиболее существенные признаки коррупции:

1) повышенная общественная опасность явления для существующего порядка;

2) наличие специальных субъектов; использование специальными субъектами своих полномочий в узкокорыстных, узкогрупповых или корпоративных целях вопреки интересам общества и государства.⁴

¹ Богуш Г.И. Коррупция и международное сотрудничество в борьбе с ней: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004. С. 13, 14.

² Долгова А.И. Коррупция и организованная преступность // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2007. № 1. С. 22, 23.

³ Сидоров Б.В. Системный подход к решению проблем противодействия коррупции // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 1. С. 110.

⁴ Аглямова Г., Талан М.В., Хамитов Р.Н. Коррупционная преступность в сфере местного самоуправления в Российской Федерации: монография / под ред. Ф.Р. Сундурова. Москва: Юрлитинформ, 2017. С. 33.

Соглашаясь с выделением указанных существенных признаков, тем не менее, считаем необходимым расширить отмеченный перечень, поскольку явление коррупции шире технико-юридического подхода, привязанного к элементам составов коррупционных преступлений.

Полагаем, что основу коррупции как явления формируют, прежде всего, недостатки и противоречия социально-экономического устройства общества, неотъемлемой частью которых на современном этапе его развития выступает мотив, направленный на извлечение прибыли¹, различных имущественных выгод, т.е. корысть. Получив развитие в сфере экономики, рыночные отношения распространились на иные сферы государственной и общественной жизни страны с рыночной экономикой, политикой, моралью, в том числе и на сферу публичного и коммерческого управления.² При этом общим проявлением коррупции в различных общественных сферах выступает постановка личных интересов выше общественных, что и причиняет вред последним.³ Коррупция в этом смысле выступает как социально-экономическое явление, которое во многом детерминировано существующими социально-экономическими отношениями (укладом общественной жизни) и способствует возникновению и развитию «теневой» экономики и совершению экономических преступлений.

Отмеченное характеризует коррупцию как систему использования государственно-публичных или иных служебных полномочий, формируемую с целью незаконного получения имущественных благ в интересах ограниченного круга лиц, крайние проявления которой причиняют вред общественным отношениям.

Для должного и корректного определения коррупции как понятия, являющегося стержневым основанием для производного от

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994 № 32. Ст. 3301.

² Сидоров Б.В. Системный подход к решению проблем противодействия коррупции // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 1. С. 110.

³ Бугаевская Н.В. Коррупционные преступления: виды и особенности субъекта: монография. Москва: Юрлитинформ, 2015. С. 10

него юридически значимого понятия «коррупционное преступление», необходимо правильное толкование этого термина.

В Толковом словаре русского языка коррупция определяется как моральное разложение должностных лиц и политиков, выражающееся в незаконном обогащении, взяточничестве, хищении и срастании с мафиозными структурами¹. Данное толкование исследуемого понятия дает основание для выделения некоторых структурных признаков, отличительных особенностей, определяющих указанное понятие как системное образование. Данные признаки, особенности позволяют идентифицировать понятие «коррупция» и отличить его от всех других понятий (терминов).

Коррупция – это негативное моральное (аморальное) явление (моральное разложение). Моральность (аморальность) данного явления служит первоосновой для его характеристики как такового.

Коррупция – это политическое явление и понятие, поскольку в ее содержании включается факт морального разложения должностных лиц, т.е. лиц, представляющих государственную и местную политическую власть, и политиков, которые при осуществлении своих функций или совершении политически значимых действий используют свое влияние, положение и власть в корыстных целях.

Целями деятельности коррупционеров являются незаконное обогащение, взяточничество, хищение, продиктованные стремлением к получению материальной (имущественной) выгоды. Аналогичными мотивами продиктовано также сращивание отдельных субъектов коррупционных преступлений с организованной преступностью. Непосредственная связь организованной преступности с должностными лицами до срастания их в одну общую структуру обеспечивает безопасную жизнедеятельность организованных преступных группировок, а должностным лицам – коррупционерам – позволяет получать незаконное обогащение, в том числе путем

¹ Толковый словарь русского языка: 120 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. Москва: А ТЕМП, 2020. С. 288.

совместно совершаемого взяточничества и других корыстных преступлений на системном уровне.

Субъектами коррупционных проявлений являются должностные лица. Полагаем, в содержание коррупции, в состав любого коррупционного преступления как системного образования в качестве обязательного элемента должен быть включен специфический для него и присущий только ему субъект, который сам или вокруг которого другие лица совершили, совершают или получают возможность совершать либо не совершать определенные действия в интересах лица или организации, предоставляющих ему за это имущественную выгоду, а тот, используя свое служебное положение вопреки интересам службы, причиняет вред другим правоохраняемым интересам.

Например, едва ли можно в полной мере использовать в исследовании определение коррупции, данное в ст. 2 Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию от 4 ноября 1999 г., где под этим понятием понимается просьба, предложение, дача или получение взятки или любой другой неправомерной выгоды, или возможность ее получения, нарушающие надлежащее исполнение любого обязательства лицом, которое получает взятки, выгоду или возможность иметь такую выгоду или коррупционно значимое поведение такого лица¹. Субъектом коррупции является не любое лицо, нарушающее надлежащее исполнение любого обязательства (в гражданском праве) или своих обязанностей по службе (в уголовном и ряде других отраслей права) в целях получения выгоды или возможностей ее получения, а лишь должностное лицо.

Упомянутая Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию в ст. 5, определяя ответственность государства за коррупционные действия, называет субъектами коррупции должностных лиц, которые при выполнении своих обязанностей причинили ущерб своими коррупционными действиями. Об ответственности за коррупционные действия государственных служащих или муниципальных служащих, не являющихся

¹ Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (Страсбург, 04.11.1999). СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 01.08.2022).

должностными лицами, в Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию ничего не говорится, поскольку они не признаются субъектами коррупции.

В Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. (ст. 2-6) и Конвенции Организации Объединенных Наций 2003 г. (ст. 15, 16, 18 и др.)¹ субъектами коррупционных деяний (подкупа) называются национальные публичные должностные лица и иностранные публичные должностные лица, должностные лица публичных международных организаций. О государственных служащих или муниципальных служащих как субъектах коррупции и коррупционных деяний в этих международных нормативных правовых актах также ничего не говорится. Однако общественно опасная роль указанных лиц, совершающих корыстные деяния коррупционной направленности, достаточно очевидна.

В определении коррупции в качестве ее субъектов называются также политики, т.е. лица, осуществляющие государственно-правовую деятельность или деятельность в органах государственной власти и государственного управления, а также в партийных и других организациях, которые занимаются вопросами общественной и государственной жизни². Политики, являющиеся лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации частного сектора, не могут быть, судя по последнему определению коррупции, субъектами коррупционных преступлений. Полагаем, что таковыми не могут быть и те политики, которые не представляют органы власти и управления, не осуществляют функции представителя власти, организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции, т.е. не являются должностными лицами. В связи с этим имеет смысл говорить о коррупции и ее преступных проявлениях в секторе государственной и муниципальной власти, которые совершаются должностными лицами,

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.08.2022).

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1997. С. 553.

т.е. о должностной коррупции и должностных коррупционных преступлениях. Это и есть суть проявления коррупции, которая затрагивает всех граждан страны, позволяет коррупционерам злоупотреблять властью, незаконно обогащаться, совершая корыстные преступления.

Коррупция является социальным фактором, существует в том или ином обществе конкретных государств или государственных образований как их негативный по характеру и направленности элемент, обусловленный теми или иными социальными причинами, корнящимися в самом обществе и имеющими отрицательный (антисоциальный) характер. Коррупция обнаруживает себя в преступной деятельности конкретного человека, который занимает соответствующее положение в государстве и обществе.

Коррупция – это не только моральное (аморальное), но и правовое (противоправное) явление, поскольку деяния, в которых оно отражается, запрещены уголовным законом.

Ключевая особенность явления коррупции состоит не только в ее сущности, причинных комплексах, но и особенностях ее проявления в объективной действительности, которое преломляется через особенности конкретного региона (легальной административной-территориальной единицы либо другой, например, нелегальной в правовом поле – агломерации). Очевидно, что общественно опасные проявления коррупции – коррупционные преступления – имеют отличительные особенности, которые отражают специфику устройства, функционирования и развития самих агломераций как сложных социально-экономических и территориальных образований, что естественным образом преломляет саму коррупционную преступность в них.

Обобщив изложенные подходы, существенные признаки и характеристики явления коррупции, считаем, что под ней следует понимать негативное социально-правовое явление, противоречащее культурно-этическим и правовым нормам взаимоотношений власти и общества и установленному порядку несения государственной и/или муниципальной службы, которое выражается в совокупности (системе) преступлений (правонарушений), имеющих

территориальные особенности проявления (в рамках формальных и неформальных территориальных образований Российской Федерации).

При наличии широкомасштабной системной коррупции существенный вред причиняется законным интересам государства и всего общества, правам и законным интересам его членов, которые не замешаны в должностной коррупции. Именно должностная коррупция, связанная с государственной властью, или собственно коррупция причиняет особый вред социально-экономическому развитию, национальной безопасности через связи с организованной преступностью. В частном секторе, где преобладают частные интересы и где общественные интересы не играют основную роль, преступные проявления коррупционного характера следует оценивать как особый вид корыстной и коррупционно значимой преступности в частном секторе и не смешивать их с коррупционной преступностью в сфере государственных интересов.

Коррупция проявляется в непосредственном совершении корыстного преступления самими должностными лицами с использованием своего служебного положения или в соисполнительстве с другими должностными лицами. Лица, которые своими действиями способствуют совершению таких преступлений (например, осуществляющие посредничество во взяточничестве), совершают не собственно коррупционные преступления, а преступления, содействующие коррупционным преступлениям (например, получению взятки).

Наличие коррупции в частном секторе или, как это следует из гл. 23 УК РФ, в коммерческих и иных организациях противоречит указанию законодателя в ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ, поскольку коррупционным является лишь любое иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения, т.е. не служащим в частном секторе, а должностным лицом в публичном секторе.

Конвенция Совета Европы «Об уголовной ответственности за коррупцию» 1999 г. и Конвенция ООН против коррупции 2003 г. предусматривают ответственность в равной мере за коррупцию в

публичном секторе и в частном секторе, что вряд ли можно признать удачным решением данного вопроса¹.

Коррупция в частном секторе, как мы полагаем, – нечто иное в сравнении с должностной коррупцией или коррупцией в буквальном понимании этого слова, поскольку коррупция в частном секторе непосредственно не направлена на причинение вреда обществу и государству, на интересы государственной власти, нормальные взаимоотношения власти и народа. Примером такого различия могут выступать некоторые составы соответствующих преступлений, предусмотренных в уголовном законе: злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и, соответственно, – злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ) или взяточничество (ст. 290-291.2 УК РФ) и, соответственно, коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ). Как следует из уголовного закона, субъекты деяний, определяющих преступные проявления коррупции из сферы государственной власти и частного сектора, различны. Если в первом случае это должностные лица (примечание 1 к ст. 285 и примечание к ст. 318 УК РФ), то во втором – это лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением (примечание 1 к ст. 201 УК РФ). Указанные различия дают основание для принципиального разграничения должностной коррупции или коррупции в буквальном ее понимании и коррупции в частном секторе.

Исходя из буквального толкования коррупции в ее наиболее общественно опасном проявлении – преступлении, заключающемся в прямом использовании должностным лицом прав, связанных с его должностью, в целях личного обогащения, она (коррупция) в

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.08.2022).

собственном смысле этого слова имеет точное значение только как должностная коррупция¹.

Вместе с тем российский законодатель дает общее определение коррупции, которое включает в себя как признаки должностной коррупции, так и коррупции в частном секторе, объединяя их через деяние – незаконное использование физическим лицом своего должностного положения. Так, в ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» данное негативное социальное явление представлено в виде собирательного понятия и определяется как незаконное использование физическим лицом своего должностного положения², хотя до этих слов в данном определении законодатель перечисляет такие деяния, которые, по его мнению, отражают лишь некоторые виды преступлений, совершаемых в частном секторе (злоупотребление служебным положением, коммерческий подкуп). Такое единое определение коррупции, некорректно отражающее и совмещающее должностную коррупцию и коррупцию в частном секторе, не выражает их специфику, характер и степень общественной опасности, а лишь показывают каждую из них и сами эти виды коррупции.

Конвенция ООН 2009 г. «О противодействии коррупции» и Конвенция Совета Европы 1999 г. «Об уголовной ответственности за коррупцию» выделяют преступления коррупционного характера и направленности, совершаемые в публичном секторе и в частном секторе. Однако в этих международных нормативных правовых актах понятие «коррупция» не содержится. К тому же и структурный перечень тех и других видов коррупционно значимых преступлений в них нуждается в изменении и дополнении, учитывая специфику национального уголовного законодательства³.

¹ Толковый словарь русского языка: 120 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. Москва: А ТЕМП, 2020. С. 288.

² О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52. Ст. 6228.

³ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.08.2022).

Конвенция ООН против коррупции 2003 г. определяет данное явление через вымогательство или принятие национальным публичным должностным лицом, иностранным публичным должностным лицом, должностным лицом публичной международной организации какого-либо неправомерного преимущества (п. «б» ст. 15 и 16), а также лицом, которое руководит работой организации частного сектора или работает в такой организации (п. «б» ст. 21). Уголовный кодекс РФ характеризуется данные деяния как получение взятки (ст. 290 УК РФ) и, соответственно, как пассивный коммерческий подкуп (ч. 5-8 ст. 204 УК РФ). В то же время обещание, предложение или предоставление указанными лицами какого-либо неправомерного преимущества, которое данная Конвенция ООН также предлагает признать коррупцией (п. «а» ст. 15, 16 и 21), в отечественном уголовном законе следует рассматривать как дачу взятки (ст. 291 УК РФ) и активный коммерческий подкуп (ч. 1-4 ст. 204 УК РФ)¹.

В отличие от явления коррупции, попытки определения ее объективного проявления, имеющего общественную опасность, – коррупционного преступления, законодателем не предпринимаются. Анализ уголовно-правового понимания преступных проявлений коррупции указывает на ряд проблем в терминологическом аспекте, в вопросах дефиниции, выделения соответствующих признаков и перечней коррупционных деяний.

В литературе используются различные термины для обозначения исследуемой категории преступлений – «коррупционное преступление»² и «преступление коррупционной направленности»¹. В

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.08.2022).

² Багмет М.А. Противодействие коррупции в полиции (криминологическое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2014. С. 8; Богуш Г.И. Коррупция и международное сотрудничество в борьбе с ней: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004. С. 9 – 11; Газимзянов Р.Р. Коррупционная преступность в Республике Татарстан на рубеже веков (криминологическое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2005. С. 9, 10; Головкин С.А. Противодействие коррупционной преступности в России: ретроспектива, современность и перспективы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2006. С. 8,

некоторых источниках данные термины используются как равнозначные².

Как отмечалось, наша позиция состоит в том, что концептуальным в определении понятия коррупционных преступлений является положение, согласно которому таковыми являются деяния, содержащие в своих составах все необходимые признаки коррупции, которые отражают сущность данного явления. Если же преступление, в результате которого имеет место коррупция, совершают не должностные лица, а, например, лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, совершенное такими субъектами деяние нельзя рассматривать как собственно коррупционное преступление, а более корректно определить его как корыстное преступление коррупционного характера. К собственно коррупционным не следует относить также те преступления, в которых содержатся необходимые признаки коррупции, но субъектом их совершения становятся государственные служащие или муниципальные служащие, не являющиеся должностными лицами. Это также корыстные преступления коррупционного характера, а не коррупционные преступления в буквальном смысле этого понятия.

Законодатель в целом ряде случаев – в особо квалифицированных составах преступлений – предусматривает

9; Икрянникова А.С. Соучастие в коррупционном преступлении: опыт криминологического исследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. С. 8, 9; Ишимов А.Б. Уголовно-правовые меры противодействия коррупционным преступлениям (сравнительное исследование на материалах Кыргызской Республики и Российской Федерации): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2007. С. 6; Максимов В.К. Понятие коррупции (криминологический аспект) и меры её предупреждения в государственном аппарате: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2005. С. 9.

¹ Абдулмуслимов М.А. Противодействие коррупции в сфере недружественных корпоративных слияний и поглощений (рейдерских захватов): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2015. С. 7; Онуфриенко А.В. Система преступлений коррупционной направленности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2015. С. 9.

² Аникин А.А. Взятничество как коррупционное преступление и меры противодействия ему: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2009. С. 7, 9; Плохов С.В. Противодействие коррупционной преступности в социальной сфере (на примере здравоохранения и образования Волгоградской и Саратовской областей) автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 8, 9.

повышенную ответственность за корыстные коррупционные преступления и корыстные преступления коррупционного характера в равной мере, если они совершаются лицом с использованием своего служебного положения, например, преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 159-159³, 159¹-159⁶, 160 УК РФ. Это позволяет сделать вывод, что государственные служащие и муниципальные служащие, не являющиеся должностными лицами, также должны привлекаться к уголовной ответственности, например, за такие коррупционно значимые преступления, как злоупотребление служебным положением, незаконное получение денег, ценностей, иного имущества, услуг имущественного характера иных имущественных прав (анalogии составов злоупотребления служебными полномочиями и получения взятки), и, возможно, за некоторые другие, аналогичные коррупционным, деяния, для чего целесообразно внести соответствующие дополнения в действующий УК РФ.

В связи с этим можно полагать целесообразным предусмотреть в ч. 1 ст. 63 УК РФ в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, «совершение преступления с использованием своего служебного или общественного положения».

К непосредственно коррупционным преступлениям следует относить должностные преступления, совершаемые в сфере публичной власти (государственной службы и службы в органах местного самоуправления) с целью получения выгод и преимуществ имущественного характера с использованием своего должностного положения (полномочий, статуса, возможностей и авторитета), которые составляют ядро явления коррупции¹.

Преступления, которые объективизируют явление коррупции, следует именовать коррупционными преступлениями, а не преступлениями коррупционной направленности². Использовать эти термины как равнозначные также было бы неверно³. И мыслями, и

¹ Сидоров Б.В. Системный подход к решению проблем противодействия коррупции // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 1. С. 110.

² Абдулмуслимов М.Л. Противодействие коррупции в сфере недружественных корпоративных слияний и поглощений (рейдерских захватов): автореф. дис... канд. юрид. наук. Москва, 2015. С. 7.

³ Указ. соч. С. 7, 9.

интересами, и поступками коррупционер сосредоточен на получении материальной (имущественной) выгоды, которая является основной целью его противоправных действий. Очевидно, что более корректно преступление, выражающее коррупцию как специфическое социальное, политическое, экономическое и нравственно-этическое явление, именовать коррупционным преступлением. Кроме того, говорить о преступлении, которое воспроизводит коррупцию, как о преступлении, направленном лишь на то, чтобы ее воспроизвести, нелогично и неверно. Факт воспроизводства коррупции в объективной действительности дает право именовать такое фактически совершенное преступление коррупционным. Не направленность на реализацию коррупции, а ее реализация по факту позволяет рассматривать содеянное как коррупционное преступление.

Помимо собственно коррупционных преступлений, коррупцию в той или иной мере выражают также корыстные преступления коррупционного характера. Это преступления, совершаемые лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных некоммерческих организациях, а также государственными служащими и муниципальными служащими, не являющимися должностными лицами, но использующими свое служебное положение для получения имущественной выгоды для себя, своих родных и близких. В систему преступлений, связанных с корыстной преступностью, следует также включить вспомогательные преступления, способствующие коррупции и коррупционным проявлениям (посредничество во взяточничестве, «отмывание» доходов от преступной деятельности и др.).

В коррупционном преступлении целью действий должностного лица, а значит, и их направленностью, является незаконное обогащение. Поэтому незаконное обогащение, так тесно связанное с коррупцией и коррупционными преступлениями, дает основания бороться с коррупцией, прежде всего, путем уголовно-правового предупреждения незаконного обогащения. В связи с этим представляется необходимым ратифицировать и ст. 20 Конвенции ООН 2003 г. против коррупции («Незаконное обогащение») и принять

соответствующую норму УК РФ, если стремиться к тому, чтобы достичь успехов в борьбе с коррупцией.

В литературе отсутствует единый подход к уголовно-правовому пониманию, определению коррупционных преступлений. Так, А.Б. Ишимов¹, В.К. Максимов² и А.В. Онуфриенко³ под исследуемой разновидностью преступлений понимают общественно опасные деяния, совершаемые должностными лицами с использованием своего служебного положения в целях извлечения выгод и преимуществ имущественного характера. Иные авторы детализируют данное понятие путем включения в него ряда дополнительных признаков. Например, В.Н. Борков⁴ включает иных лиц, вовлеченных в соответствующие отношения, помимо должностного лица. М.А. Багмет⁵, И.В. Марьина⁶, И.С. Паршин⁷ и Н.В. Хинднкайнен⁸ предлагают расширить признаки специального субъекта.

Профессор В.П. Малков под коррупционными преступлениями понимает все преступные посягательства, совершаемые по корыстным или иным личным мотивам с использованием полномочий занимаемой им должности на государственной службе, на службе в органах местного самоуправления либо с использованием полномочий, которыми лицо наделяется в связи с временным или

¹ Ишимов А.Б. Уголовно-правовые меры противодействия коррупционным преступлениям (сравнительное исследование на материалах Кыргызской Республики и Российской Федерации): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2007. С. 6.

² Максимов В.К. Понятие коррупции (криминологический аспект) и меры ее предупреждения в государственном аппарате: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2005. С. 9.

³ Онуфриенко А.В. Система преступлений коррупционной направленности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2015. С. 9.

⁴ Борков В.Н. Преступления против осуществления государственных функций, совершаемых должностными лицами: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2015. С. 14.

⁵ Багмет М.А. Противодействие коррупции в полиции (криминологическое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2014. С. 8.

⁶ Марьина И.В. Коррупционные преступления: отраслевое и межотраслевое согласование норм: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2010. С. 8.

⁷ Паршин И.С. Противодействие коррупции: уголовно-правовое и криминологическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2012. С. 19.

⁸ Хинднкайнен Н.В. Коррупционная преступность в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004. С. 6.

постоянным исполнением управленческих функций в коммерческих или иных негосударственных организациях и учреждениях¹.

Данный подход, расширительно трактующий собственно коррупционные преступления, не в полной мере отражает их сущность как основы, ядра коррупции. Представляется, что более точно, хотя и не полно, сущность коррупционных преступлений отражает подход профессора Б.В. Сидорова, понимающего под данными преступлениями целостное звено, самостоятельный вид особых преступных деяний, который образуют преступления, совершаемые должностными лицами в сфере публичной власти².

Под коррупционными следует понимать такие преступления, которые совершаются по корыстным личным или групповым мотивам с целью получения имущественных выгод и преимуществ с использованием должностного положения либо путем превышения должностных полномочий, посягающие на общественные отношения в сфере государственной власти, на интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Совместное указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД России № 738/11, МВД России № 3 от 25.12.2020³ в ряде случаев дает возможность определить обязательные признаки коррупционных преступлений непосредственному правоприменителю. Такой подход представляется ошибочным. Думается, что верным будет сформировать точные, неизменные и обязательные признаки рассматриваемых преступлений в самом законе.

Такой подход в определении коррупционных преступлений позволяет наиболее полно охватить круг охраняемых уголовным законом отношений.

¹ Малков В.П. Еще раз о противодействии коррупционной и иной преступности наказанием в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Актуальные проблемы экономики и права. 2007. № 3 (3) С. 161-170.

² Сидоров Б.В. Системный подход к решению проблем противодействия коррупции // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 1. С. 110.

³ Практика применения судами законодательства об ответственности за бандитизм: постановление Пленума ВС РФ от 17.01.1997 № 1. СПС «КонсультантПлюс (дата обращения: 01.08.2022).

Предлагаемая законодателем дефинитивная конструкция коррупции, на которую было указано выше, представляется сложной и расплывчатой, в том числе, и потому, что в должной мере не позволяет точно установить все четыре элемента состава общего, группового коррупционного преступления, выделить все виды коррупционных преступлений в действующем уголовном законодательстве России.

Коррупция находит свое проявление, фактическое выражение в объективной реальности, в коррупционных и связанных с ними деяниях (преступлениях и правонарушениях) в виде некой их системы, в которой исследователь или законодатель при определении коррупции должен указать все существенные объективные и субъективные признаки общего (типичного) коррупционного преступления (правонарушения). Отрицание законодателем такого подхода влечет невозможность правильно определить перечень и систему коррупционных преступлений, что необходимо в целях их статистического учета, совершенствовать действующее уголовное законодательство Российской Федерации, а также эффективно и системно предупреждать коррупцию и коррупционную преступность.

Система коррупционных преступлений, через которую находит свое определение и явление коррупции, должна включать в себя типичные, общие и существенные объективные и субъективные признаки общего состава коррупционного преступления. К ним следует отнести:

Объект преступления. Объектом общего (группового) состава коррупционного преступления (коррупционных деяний) являются отношения общества и государства, которые представляют законные интересы членов общества, граждан данного государства и, конечно, законные интересы государственной (и муниципальной) службы, а значит, и авторитет государственной власти.

Субъект преступления. Субъектами общего (группового) состава коррупционного преступления, исходя из буквального

определения коррупции¹, должны быть, названы должностные лица (публичные должностные лица) из числа государственных и муниципальных служащих, за исключением служащих частного сектора (служащих коммерческих и иных некоммерческих организаций). Поэтому изначально правильно было бы говорить о коррупции только как о должностной коррупции. Для общества в этом смысле интерес вызывают представители публичной власти – должностные лица, поскольку именно взаимоотношения государственной власти и общества играют основную негативную роль в судьбе людей любого государства, любой социально-политической системы.

В п. 15 абз. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»² дается определение одного из ключевых понятий ряда коррупционных преступлений – использование должностным лицом своих служебных полномочий. Пленум Верховного Суда Российской Федерации толкует это понятие как «совершение таких деяний, которые хотя и были непосредственно связаны с осуществлением должностным лицом своих прав и обязанностей, однако не вызывались служебной необходимостью и объективно противоречили как общим задачам и требованиям, предъявляемым к государственному аппарату и аппарату органов местного самоуправления, так и тем целям, задачам, для достижения которых должностное лицо было наделено соответствующими должностными полномочиями». Однако для типичного коррупционного преступления и корыстного преступления коррупционного характера более точным, хотя и более широким по смыслу, является такой способ его совершения как использование своего служебного положения. Поэтому предлагается дополнить

¹ Толковый словарь русского языка: 120 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. Москва: А ТЕМП, 2020. С. 288.

² О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановления Пленума ВС РФ от 16.10.2009 № 19 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.08.2022).

постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 новым пунктом 1.1, содержащим определение понятия признака «использование служебного положения», изложив его в следующей редакции: «1.1. Под использованием служебного положения в целях совершения коррупционного преступления или корыстного преступления коррупционной направленности следует понимать не только умышленное использование лицом своих служебных полномочий на государственной службе или на службе в органах местного самоуправления, которыми лицо наделено в связи с временным или постоянным исполнением управленческих функций, а также своего авторитета, места и роли в общественной жизни, в системе государственного управления России».

Понимание субъекта коррупционных деяний посредством использования понятия «с использованием своего служебного положения» едва ли достаточно. Сам по себе признак использования служебного положения содержит указание на специальный субъект, однако в конкретизации и выделении его видов есть необходимость. Это или госслужащий, служащий органа местного самоуправления, или только должностное лицо из их числа.

В связи с тем, что законодатель в тексте уголовного закона использует названный признак, но не расшифровывает его, предлагаем дать его толкование в тексте постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»¹.

В ряде постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации раскрывается содержание признака использования служебного положения применительно к конкретным составам преступлений, в частности, связанных с экстремистской² и

¹ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума ВС РФ от 09.07.2013 № 24 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.08.2022).

² О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума ВС РФ от 28.06.2011 № 11 (в редакции от 03.11.2016). П. 10 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.08.2022).

террористической¹ деятельностью, преступлений, связанных с наркотическими средствами², бандитизмом³ и организацией преступного сообщества⁴.

Под использованием своего служебного положения в целях совершения коррупционных преступлений следует учитывать его понимание в абз. 1 п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19.

Использование служебного положения следует отграничивать от превышения полномочий должностными лицами, поскольку в данном случае речь идет не об использовании лицом служебных полномочий, а о совершении действий, явно выходящих за пределы его прав и обязанностей, что не охватывается предлагаемым понятием.

Субъективная сторона. Субъективную сторону состава коррупционного преступления должна составлять вина в виде прямого умысла, поскольку умышленный характер коррупционных деяний не должен вызывать сомнений. Основной целью деятельности субъекта является извлечение материальной выгоды в виде имущества, прав на имущество или услуг имущественного характера для себя самого, своих родных и близких – физических или юридических лиц. Мотивом при такой цели должен быть корыстный умысел – поучение имущественной выгоды для себя самого, для своих близких.

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума ВС РФ от 09.02.2012 № 1 (в редакции от 03.11.2016). П. 17 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.08.2022).

² О судебной практике по уголовным делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума ВС РФ от 15.06.2006 № 14 (в редакции от 30.06.2006). П. 23 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.08.2022).

³ О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм: постановление Пленума ВС РФ от 17.01.1997 № 1. П. 11 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.08.2022).

⁴ О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней): постановление Пленума ВС РФ от 10.06.2010 № 12. П. 23 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.08.2022).

Объективная сторона. Объективную сторону общего состава коррупционного преступления образуют деяния в виде действий, которые законодатель именует в ст. 1 ч. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. «О противодействии коррупции» как использование физическим лицом своего должностного положения, а в ст. 285 ч. 1 УК РФ – как использование должностным лицом своих служебных полномочий. В связи с этим основное деяние, характеризующее любое коррупционное преступление, правильно было бы определить как использование должностным лицом своего служебного положения (власти). Термины «положение» и «власть» более полно и точно отражают характер и последствия злоупотребления, которое допускает на своей должности чиновник, используя возможности, данные ему законом не для достижения своих узкокорыстных интересов. Слово «полномочие» означает официально представленное кому-либо право на какой-либо деятельность, ведение дел¹, а «положение» – место, роль кого-либо в общественной жизни, в коллективе, в семье². Близкое по смыслу к последнему понятие «власть», которое означает «право и возможность распоряжаться кем-чем-нибудь, подчинить своей воле; политическое государство; влияние, воздействие»³. Для граждан страны важно, как должностные лица государства управляют страной, распоряжаются государственным имуществом, каковы их место и роль в общественной жизни, какие возможности и какое влияние они могут оказывать и реально оказывают на положение дел в обществе.

Помимо деяния, объективную сторону общего (группового) состава коррупционного преступления должны образовывать последствия, возникающие в связи с нарушением взаимоотношений власти и общества, установленного порядка несения государственной и муниципальной службы, а также иной вред, возникающий в связи с деятельностью должностных лиц, осуществляемой вопреки интересам общества и государства, и в связи с предоставлением имущества, прав

¹ Толковый словарь русского языка: 120 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. Москва: А ТЕМП, 2020. С. 530.

² Указ. соч. С. 531.

³ Указ. соч. С. 84.

на имущество или услуг имущественного характера в интересах себя самого или своих родных и близких.

Между деянием и последствиями коррупционного преступления, безусловно, должна быть установлена причинно-следственная связь, которая также должна быть включена в качестве признака объекта общего (группового) состава коррупционного преступления.

В научной литературе выделяются различные по содержанию перечни исследуемых преступлений. В частности, И.С. Паршин к числу коррупционных преступлений относит шестнадцать составов¹, И.М. Сичинава – пятнадцать², С.В. Плохов – двадцать шесть³, А.В. Фадеев – шестьдесят шесть⁴.

Как отмечалось, понятия коррупционного преступления и преступления коррупционной направленности являются разными по объему и по содержанию, включающему в себя признаки коррупции.

В уголовном праве уделяется значительное внимание вопросу классификации коррупционных преступлений.

И.М. Сичинава все составы коррупционных преступлений делит на коррупционные (основные) и связанные с ними преступления⁵. И.С. Паршин выделяет две группы коррупционных преступлений: нарушающие нормальное функционирование экономики Российской Федерации (предусмотренные разделом VIII УК РФ) и нарушающие

¹ Паршин И.С. Противодействие коррупции: уголовно-правовое и криминологическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2012. С. 10.

² Сичинава И.М. Уголовно-правовые меры противодействия коррупционным преступлениям: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006. С. 8, 9.

³ Плохов С.В. Противодействие коррупционной преступности в социальной сфере (на примере здравоохранения и образования Волгоградской и Саратовской областей): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 8, 9.

⁴ Фадеев А.В. Антикоррупционное законодательство России и зарубежных стран: криминологическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2012. С. 11.

⁵ Сичинава И.М. Уголовно-правовые меры противодействия коррупционным преступлениям: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006. С. 8.

нормальное функционирование государственной власти Российской Федерации (предусмотренные разделом X УК РФ)¹.

В.К. Максимов делит коррупционные преступления на основные, дополнительные и факультативные².

Ряд ученых дополняют вышеуказанные виды новыми, специальными, видами коррупционных преступлений, например, сопряженными с рейдерскими захватами³.

Учитывая различные подходы в определении рассматриваемых преступлений и выделении их признаков, в различных нормативных правовых актах к таковым законодатель относит разное количество составов из числа предусмотренных Особенной частью УК РФ⁴. При этом понятия «коррупционное преступление» и «преступления коррупционной направленности» рассматривают как равнозначные.

В Перечне № 23 указания Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. сказано, что к преступлениям коррупционной направленности, как и к коррупционным преступлениям, следует относить преступления, совершенные с использованием своего служебного положения из корыстной или иной личной заинтересованности должностным лицом, государственным

¹ Паршин И.С. Противодействие коррупции: уголовно-правовое и криминологическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2012. С. 10.

² Максимов В.К. Понятие коррупции (криминологический аспект) и меры её предупреждения в государственном аппарате: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2005. С. 9.

³ Абдулмуслимов М.А. Противодействие коррупции в сфере недружественных корпоративных слияний и поглощений (рейдерских захватов): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2015. С. 7; Онуфриенко А.В. Система преступлений коррупционной направленности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2015. С. 7.

⁴ Об утверждении и введении в действие статистического отчета «Сведения о работе прокурора по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции и о результатах расследования уголовных дел коррупционной направленности: приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 11.02.2008 № 23, раздел 7 // СПС «КонсультантПлюс»; О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генпрокуратуры России № 738/11, МВД России № 3 от 25.12.2020 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.08.2022).

служащим и служащим органов местного самоуправления, лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации¹. Однако собственно коррупционным преступлением из данного перечня можно признать лишь совершаемое должностными лицами с использованием своего служебного положения из корыстной или иной личной заинтересованности для получения материальной (имущественной) выгоды как основной цели, к достижению которой стремится коррупционер.

Случаи совершения преступления государственным служащим, служащим органа местного самоуправления или лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, или совершения не по мотивам корыстной или иной личной заинтересованности, при отсутствии корыстной цели нельзя, как мы полагаем, признавать коррупционными преступлениями. Если при этом указанные лица действовали, используя свое служебное положение для достижения корыстной цели, такие преступления следует признавать корыстными преступлениями коррупционного характера.

Из совместного указания Генпрокуратуры Российской Федерации № 738/11, МВД России № 3 от 25.12.2020 также обнаруживается непонимание того, что совершение преступления не должностным лицом, но с корыстным мотивом или только с использованием своего служебного положения либо с использованием своего служебного положения и с корыстным мотивом не дает основания для признания такого преступления коррупционным².

Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» в ч. 1 ст. 14 отмечает такие правонарушения (преступления), которые создают условия для совершения коррупционных правонарушений (преступлений).

¹ О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генпрокуратуры России № 738/11, МВД России № 3 от 25.12.2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.08.2022).

² Там же (дата обращения: 01.08.2022).

В указаниях Генпрокуратуры Российской Федерации № 738/11, МВД России № 3 от 25.12.2020 этот круг преступлений, по нашему мнению, дополняющих систему коррупционной преступности и корыстных преступлений коррупционного характера, определяют как преступления, которые могут способствовать совершению коррупционных преступлений¹.

Как коррупционное преступление в Конвенции ООН 2003 г. государствам-участникам предлагается также признать хищение имущества с использованием своего служебного положения (ст. 17), в том числе в частном секторе (ст. 22), злоупотребление влиянием в корыстных целях (ст. 18), злоупотребление служебным положением (ст. 19) и незаконное обогащение (ст. 20). Эта группа преступлений, как и получение взятки, и пассивный коммерческий подкуп, включая приготовление к этим преступлениям, в должном виде, к сожалению, не включена национальным законодателем в Уголовный кодекс Российской Федерации². В то же время Конвенция ООН 2003 г. и Конвенция Совета Европы «Об уголовной ответственности за коррупцию» 1999 г., не выделяют преступления, содействующие существованию коррупции, а, следовательно, и совершению коррупционных преступлений, хотя в таких преступлениях, как отмыwanie доходов от преступлений (ст. 23), сокрытие после совершения коррупционного преступления или непрерывное удержание имущества, полученного в результате такого преступления (ст. 24), воспрепятствование осуществлению правосудия по делам о коррупционных преступлениях (ст. 25), участие в качестве сообщника, пособника или подстрекателя в совершении коррупционного преступления и покушение на его совершение (ст. 27). Полагаем, следует согласиться с профессором Б.В. Сидоровым, который предлагает отнести вышеуказанные преступления к

¹ О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генпрокуратуры России № 738/11, МВД России № 3 от 25.12.2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.08.2022).

² Сидоров Б.В., Киршин В.Г. Коррупция и противодействие коррупции: законодательное определение, критический анализ и вопросы совершенствования антикоррупционного законодательства / под общ. ред. Б.В. Сидорова. Казань: Центр инновационных технологий, 2009. С. 12-15.

преступлениям, содействующим собственно коррупционным преступлениям, исключая, разумеется, составы неоконченных коррупционных преступлений (приготовление к ним или покушение на их совершение) и случаи соучастия в таком преступлении¹.

Чтобы повысить эффективность предупреждения коррупционных преступлений, было бы целесообразно также предусмотреть уголовную ответственность за отказ от предоставления или уклонение от предоставления информации, а также предоставление заведомо неполной или заведомо ложной информации о доходах и расходах должностных лиц. Половинчатые или показные меры противодействия системной и крупномасштабной коррупции не могут дать существенных результатов в борьбе с этим явлением.

Учитывая, что должностные лица и государственные служащие (и муниципальные служащие) образуют систему субъектов корыстных преступлений коррупционной направленности (включая собственно коррупционные преступления), а деяния, совершаемые ими, – систему сходных по своему содержанию и направлению проявлений коррупции, полагаем целесообразным провести их более тщательную систематизацию по указанному субъекту их совершения.

Наказание за корыстные преступления коррупционной направленности, совершенные государственным служащим или муниципальным служащим, не являющимся должностным лицом, очевидно, должно быть сравнительно менее строгим, чем за преступления должностной коррупции, поскольку служебные полномочия и, в целом, служебное положение должностного лица представляется более важным и социально значимым, чем служебное положение государственного служащего или муниципального служащего, не являющегося таковым.

Кроме того, отмечается необходимость внести ряд изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9

¹ Сидоров Б.В., Киршин В.Г. Коррупция и противодействие коррупции: законодательное определение, критический анализ и вопросы совершенствования антикоррупционного законодательства / под общ. ред. Б.В. Сидорова. Казань: Центр инновационных технологий, 2009. С. 15.

июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», учитывая, что понятие «взяточничество» охватывается понятием «коррупционные преступления», а также исходя из потребности в борьбе со всеми проявлениями коррупции в коррупционно значимых преступлениях, со всеми ее видами, со всей системой таких преступлений. С этой целью необходимо изменить наименование постановления, изложив его в следующей редакции: «О судебной практике по делам о коррупционных преступлениях и иных корыстных преступлениях коррупционного характера».

Целесообразно также дать толкование и рассмотреть вопросы квалификации не только тех преступлений, которые содержат все необходимые признаки коррупции (собственно коррупционных преступлений, предусмотренных действующим УК РФ), но и «корыстных преступлений коррупционной направленности (вариант: «коррупционного характера и направленности»), которые совершаются государственными служащими и муниципальными служащими, не являющимися должностными лицами, а также лицами, уполномоченными управлять коммерческими или иными организациями».

Таким образом, обобщая изложенное, можно заключить:

1. Коррупция в своей основе представляет собой социально-экономическое явление, характеризующееся системой использования государственно-публичных или иных служебных полномочий в целях незаконного получения имущественных благ в интересах ограниченного круга лиц, крайние проявления которого причиняют вред общественным отношениям.

2. Под коррупцией предлагается понимать негативное социально-правовое явление, противоречащее культурно-этическим и правовым нормам взаимоотношений власти и общества и установленному порядку несения государственной и/или муниципальной службы, которое выражается в совокупности (системе) преступлений (правонарушений), имеющих территориальные особенности проявления (в рамках формальных и

неформальных территориальных образований Российской Федерации).

3. Выделяются «должностная коррупция», или «коррупция в буквальном понимании этого слова», и «частная коррупция», или «коррупция в частном секторе». «Должностная коррупция», или «коррупция в публичном секторе», – это и есть собственно коррупция как «незаконное использование физическим лицом своего должностного положения».

4. Существенным в определении понятия «коррупционные преступления» является положение, согласно которому таковыми следует считать деяния, содержащие в своих составах все необходимые признаки коррупции, которые отражают сущность явления коррупции.

5. *«Коррупционное преступление»* и *«преступление коррупционной направленности»* являются разными по объему и по содержанию включающих в себя признаки коррупции преступлениями.

6. В уголовно-правовом значении под коррупционными следует понимать преступления, совершенные по корыстным личным или групповым мотивам с целью получения имущественных выгод и преимуществ, с использованием должностного положения либо путем превышения должностных полномочий, посягающие на общественные отношения в сфере государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

7. К признакам коррупционного преступления следует относить:

а) совершение деяния лицом с использованием им своего должностного положения, или превышения такового. Это определяющий признак рассматриваемых преступлений, характеризующий одновременно субъект преступления, способ реализации преступных намерений и противоправную деятельность;

б) наличие корыстного личного или группового мотива как признак, характеризующий побудительный стимул, вытекающий из

природы коррупционных отношений, продажности власти и полномочий, в том числе в интересах третьих лиц;

в) цель получения имущественных выгод и преимуществ – это признак, характеризующий некий результат действия субъекта в виде материальной выгоды, вытекающей из природы коррупционных отношений, обусловленный потребностями и интересам виновного в обогащении посредством использования предоставленных ему полномочий, незаконном извлечении имущественной выгоды для себя или для других лиц – своих родственников или близких;

г) совершение преступления только с прямым умыслом. Умыслом виновного обуславливается противоправность использования должностных полномочий, не только не принадлежащих ему, но и не входящих в его компетенцию, охватываемую его должностным положением.

8. Состав типичного коррупционного преступления предусматривает:

а) объект – регулируемые законом отношений общества и государства, которые представляют законные интересы членов общества, граждан данного государства и законные интересы государственной (и муниципальной) службы, а значит, и авторитет государственной власти у граждан России;

б) объективную сторону – деяние, выраженное в использовании физическим лицом своего должностного положения и использовании в иных случаях должностным лицом своих служебных полномочий, а также последствия, которые возникают в связи с нарушением взаимоотношений власти и общества, установленного порядка несения государственной и муниципальной службы, и иной вред, возникающий в связи с деятельностью должностных лиц вопреки интересам общества и государства и в связи с предоставлением имущества, прав на имущество или услуг имущественного характера в интересах себя самого или своих близких;

в) субъект – должностные лица (публичные должностные лица) из числа государственных и муниципальных служащих, за исключением служащих частного сектора (служащих коммерческих и иных некоммерческих организаций);

г) субъективная сторона – прямой умысел и цель извлечения материальной выгоды в виде имущества, прав на имущество или услуг имущественного характера для себя самого, своих близких – физических или юридических лиц.

9. Учитывая то, что должностные лица и государственные служащие (и муниципальные служащие) образуют систему субъектов корыстных преступлений коррупционной направленности (включая собственно коррупционные преступления), а деяния, совершаемые ими, – систему сходных по своему содержанию и направлению проявлений коррупции, полагаем целесообразным провести полную систематизацию последних по указанному субъекту их совершения, дополнив Уголовный кодекс Российской Федерации соответствующими уголовно-правовыми нормами.

§ 2.2. Уголовно-правовое предупреждение коррупционных преступлений в агломерациях и проблемы его совершенствования

Предупреждение преступности традиционно рассматривается как широкий комплекс взаимосвязанных государственных и общественных мер, принимаемых в целях искоренения преступности и устранения ее причин и условий.

Несмотря на то, что в отечественной криминологии остаётся дискуссионным вопрос о возможности включения в круг предупредительных мер соответствующих решений уголовно-правового характера¹, тем не менее, считаем такие меры важнейшими в системе предупреждения преступности в целом и коррупционных преступлений в частности. Думается, что комплексный подход к построению системы предупреждения коррупционных преступлений невозможен без изучения уголовно-правовых механизмов, находящихся свою реализацию в агломерациях.

Полагаем, что предупреждение коррупции, в первую очередь, должно быть направлено на причинный комплекс и на собственно

¹ Гуринская А.Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: автореф. дис... д-ра юрид. наук. Калининград, 2018. С. 18.

коррупционные преступления, выражающие явление коррупции как таковое, т.е. содержащие все необходимые ее признаки, и на борьбу с преступлениями, которые законодатель называет создающими условия для совершения коррупционных преступлений¹. Следует также предупреждать входящие в эту систему корыстные преступления коррупционного характера. Такая система коррупционных и коррупционно значимых преступлений требует системного подхода при реализации мер уголовно-правового, административного, гражданско-правового, дисциплинарного противодействия и криминологического предупреждения. Сфера применения антикоррупционных мер в первую очередь должна быть направлена на оздоровление тех отношений, которые возникают в связи с государственным управлением в широком значении этого понятия, включающем деятельность законодательной, исполнительной, судебной и надзорной власти.

Одним из подходов к модельному, комплексному предупреждению преступности является зарубежный опыт, предполагающий рассматривать преступность как угрозу безопасности общества и государства².

Указанный подход принимается отечественной наукой и практикой³, что обусловлено большим интересом вопросов совершенствования практической деятельности по предупреждению преступности. Так, одним из основных принципов Национальной стратегии противодействия коррупции является «признание коррупции одной из системных угроз безопасности Российской Федерации»⁴. Исходя из этого признано необходимым «использовать в противодействии коррупции систему мер, включающую в себя

¹ Сидоров Б.В., Киршин В.Г. Коррупция и противодействие коррупции: законодательное определение, критический анализ и вопросы совершенствования антикоррупционного законодательства / под общ. ред. Б.В. Сидорова. Казань: Центр инновационных технологий, 2009. С. 12 – 24.

² Гуринская А.Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: автореф. дис... д-ра юрид. наук. Калининград, 2018. С. 10.

³ Указ. соч. С. 20.

⁴ О национальном плане противодействия коррупции на 2021-2024 годы: указ Президента Российской Федерации. СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 01.08.2022).

меры по предупреждению коррупции, по уголовному преследованию лиц, совершивших коррупционные преступления, и по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных деяний при ведущей роли на современном этапе мер предупреждению коррупции.¹

В системе государственной политики и практики предупреждения коррупции существенную роль играют меры уголовно-правового характера и Уголовный кодекс Российской Федерации как наиболее значимый инструмент предупреждения преступных проявлений этого негативного явления². Федеральный закон «О противодействии коррупции» в первую очередь предусматривает именно уголовную ответственность за коррупционные преступления как наиболее эффективное средство борьбы с коррупцией³ и лишь затем иные виды ответственности.

Некоторые специалисты отмечают необходимость применения мер уголовно-правового характера в последнюю очередь, в отношении наиболее опасных форм коррупции. К сожалению, потенциал иных видов ответственности используется незначительно⁴.

Специалисты по уголовному праву полагают, что уголовно-правовая политика, то есть стратегия и тактика противодействия преступности и ее коррупционной составляющей, далеки от совершенства. Они отмечают неясность уголовно-правовой политики⁵, ее противоречивость⁶, указывают на кризисный характер

¹ О национальном плане противодействия коррупции на 2021-2024 годы: указ Президента Российской Федерации. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.08.2022).

² Назаренко Г.В. Политика противодействия коррупции уголовно-правовыми средствами // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т.10. № 6. С. 130.

³ Яни П.С. Угроза уголовной ответственности как наиболее эффективное средство борьбы с преступностью // Преступность и коррупция: современные российские реалии. Саратов, 2003. С. 261 – 262.

⁴ Красноусов С.Д. Коммерческий подкуп как форма коррупции в частном секторе: понятие и противодействие: автореф. дис... канд. юрид. наук. Владивосток, 2012. С. 21.

⁵ Лопашенко Н.А. Уголовная политика. Москва, 2009. С. 3 – 48.

⁶ Ситникова А.И. Меры противодействия коррупционным преступлениям уголовно-правовыми средствами // Актуальные проблемы противодействия коррупции на современном этапе. Орел, 2010. С. 94 – 99.

проводимой политики¹, на отсутствие в отечественном уголовном законодательстве как термина «коррупция», так и одноименных составов преступлений². С критической оценкой уголовно-правовой политики согласно большинство ученых, так как меры, принимаемые законодателем и правоприменителем, не адекватны криминогенной ситуации. Эти меры отличает излишне либеральный подход в борьбе с коррупционной преступностью.

Коррупция в России из особо актуальной проблемы выросла в весьма опасную систему, которая опутала экономическую и социальную жизнь страны, стала одной из реальных угроз безопасности Российской Федерации.

Действующие уголовно-правовые меры противодействия коррупции и ее преступным проявлениям не имеют системного характера³. По мнению специалистов⁴, об этом свидетельствует отсутствие в Уголовном кодексе Российской Федерации дефиниции, определяющей коррупционное преступление, само отсутствие терминов «коррупция», «коррупционное преступление», «преступление коррупционной направленности» и др.

Следовало бы предусмотреть уголовную ответственность в отдельных уголовно-правовых нормах за коррупционное поведение государственных служащих и муниципальных служащих, не являющихся должностными лицами, и лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях, за целый ряд «корыстных преступлений коррупционной направленности (вариант: «преступлений корыстного характера и направленности»)». Это дополнило и в основном завершило бы законодательную нормализацию в отношении преступных проявлений коррупции и позволило бы адекватно, более полно и разумно применять систему

¹ Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. Москва, 2006. С. 13-23.

² Мелекаев Р.К. Определение и предупреждение коррупциогенности законодательства Российской Федерации: автореф. дис... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011. С. 18.

³ Назаренко Г.В. Политика противодействия коррупции уголовно-правовыми средствами / Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т.10. № 6. С. 130.

⁴ Там же.

мер уголовно-правового характера против внешних проявлений коррупции в соответствующих преступлениях.

Отсутствие системности в противодействии коррупции и ее проявлениям выражается в отсутствии определения и правильного понимания преступлений того или иного вида и отнесения их к таковым¹. Это не позволяет установить правовые пределы и направления деятельности по предупреждению исследуемых преступлений.

Некоторые авторы полагают, что законодательное определение коррупции, данное в Федеральном законе «О противодействии коррупции», носит рамочный характер и подлежит дальнейшей детализации в системе противодействия коррупции². К сожалению, Уголовный кодекс Российской Федерации не содержит дефиниции коррупционного преступления либо корыстного преступления коррупционной направленности (вариант: «преступления коррупционного характера и направленности»).

Тексты уголовного закона и Федерального закона «О противодействии коррупции» не соответствуют в части перечня коррупционных деяний. Уголовно-правовые предписания не содержат ответственности за некоторые распространенные формы коррупционного и коррупционно значимого поведения, различные коррупционные акты и реализованные коррупционные связи.

Кроме того, существует множество и иных форм коррупционных проявлений, к которым можно отнести фаворитизм, кумовство, протекционизм, лоббизм, распределение и перераспределение общественных ресурсов и фондов при отсутствии к тому законных оснований, присвоение общественных ресурсов в личных целях, незаконную приватизацию, незаконную поддержку и финансирование политических деятелей, партий и движений,

¹ Мелекаев Р.К. Определение и предупреждение коррупциогенности законодательства Российской Федерации: автореф. дис... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011. С. 18.

² Майоров А.В. О совершенствовании системы уголовно-правовых мер, направленных на противодействие коррупции // Теория и практика противодействия преступности. 2015. № 3 (6). С. 67.

предоставление льготных условий финансирования, кредитов, заказов и др.

В структуре Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации преступные проявления коррупции находятся в разных главах. Это отсутствие системы свидетельствует о пробелах уголовно-правовой защиты общественных отношений, на которые посягают коррупционные преступления, поскольку не охватываются все возможные коррупционные и коррупционно значимые деяния, подлежащие уголовному преследованию и наказанию.

Профессор А.И. Долгова справедливо отмечает, что разработчики уголовного закона в одних случаях стремились ограничить масштабы уголовных репрессий за счет рестриктивных (ограничительных) признаков субъекта преступления, например, в случаях получения взятки, коммерческого подкупа или служебного подлога. В других случаях они фактически увеличили круг субъектов продажности, предусмотрев подкуп свидетеля, потерпевшего, переводчика и других лиц, либо вообще отказались от определения конкретного субъекта (например, в ч. 2 ст. 141 УК РФ «Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий»). Тем самым законодатель ввел неопределенный круг субъектов преступлений, которые считаются проявлением коррупции.

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации ограничивает круг субъектов получения взятки должностными лицами. Но коррупционерами по сути дела являются все те госслужащие и муниципальные служащие, которые ненадлежащим образом используют в своих интересах собственный официальный статус и связанные с этим статусом авторитет и возможности. Иными словами, субъектами получения взятки и других преступных проявлений коррупции фактически могли быть не только должностные лица, но и государственные служащие и муниципальные служащие, не являющиеся таковыми, и не только тогда, когда они используют свои полномочия по службе, но и когда они используют при совершении коррупционных действий свое служебное положение, свой авторитет и свои возможности.

Недостаток российского уголовного антикоррупционного законодательства мы видим также в том, как отмечалось, что действующий Уголовный кодекс Российской Федерации не предусматривает уголовную ответственность за незаконное обогащение и за уклонение от подачи деклараций о своих доходах и расходах и за подачу содержащихся в них заведомо ложных сведений. Включение указанных уголовно-правовых норм в уголовный закон и их активное применение в судебно-следственной практике могло бы существенно повысить эффективность уголовно-правовых механизмов, направленных на борьбу с коррупцией, придало бы этой борьбе системный характер.

В 2003 г. из российского уголовного законодательства исключен такой вид дополнительного наказания, как конфискация. Однако именно этот вид наказания лишает лиц, причастных к коррупции, всех выгод, полученных ненадлежащим образом.

В литературе предлагается вернуть конфискацию имущества в перечень наказаний¹, с чем, на наш взгляд, следует согласиться.

Предлагаемые нормы, как представляется, должны способствовать предупреждению системных проявлений коррупции и борьбе с ними, усиливая уголовно-правовое противодействие коррупционным преступлениям в нынешних условиях. Вместе с тем на фоне предлагаемого специалистами реформирования уголовного законодательства² представляется заслуживающей внимания позиция ряда авторов о необходимости установления уголовной ответственности за такие преступления в рамках отдельной главы уголовного закона³.

В связи с обсуждаемыми в науке уголовного права вопросами реформирования уголовного законодательства предложения о

¹ Майоров А.В. О совершенствовании системы уголовно-правовых мер, направленных на противодействие коррупции // Теория и практика противодействия преступности. 2015. № 3 (6). С. 69.

² Лопашенко Н.А., Кобзева Е.В., Хутов К.М., Долотов Р.О. Теоретическая модель особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: основные положения структуры и содержания // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 109-118.

³ Назаренко Г.В. Политика противодействия коррупции уголовно-правовыми средствами // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т.10. № 6. С. 132.

создании нового текста закона с иной структурой Особенной части УК РФ¹ представляют интерес. Так, убедительной видится позиция В.Н. Боркова, А.В. Фадеева о целесообразности установления уголовной ответственности за коррупционные преступления в рамках самостоятельной главы уголовного закона², которая должна быть предметом дискуссий.

Обращает на себя внимание отсутствие адекватных мер уголовно-правового воздействия на наиболее опасную форму коррупции, имеющую устойчивый и системный характер, – организованную, приобретающую в сфере государственного управления вид развитых коррупционных сетей³. Организованные формы проявлений коррупционной деятельности не были своевременно оценены криминологами и, будучи по факту чрезвычайно масштабными, оказались вне уголовно-правовой оценки, а, значит, и вне адекватных мероприятий правоохранительных органов по выявлению организаторов такой деятельности, своевременному пресечению их действий и применению мер строгой, справедливой ответственности за такую деятельность.

В настоящее время данная форма преступных проявлений коррупции рассматривается как разновидность организованной преступности, а в связи с участием государственных служащих в деятельности организованных преступных групп и сообществ – как служебная организованная преступность⁴. От «классической» организованной преступности выделяемый вид отличается основной

¹ Лопашенко Н.А., Кобзева Е.В., Хутов К.М, Долотов Р.О. Теоретическая модель Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: основные положения структуры и содержания // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 109-118.

² Борков В.Н. Преступления против осуществления государственных функций, совершаемые должностными лицами: монография / под. науч. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.В. Векленко. Москва: Юрлитинформ, 2016. С. 191; Фадеев А.В. Антикоррупционное законодательство России и зарубежных стран: криминологическое исследование: автореф. дис... канд. юрид. наук. Москва, 2012. С. 15.

³ Гишинский Я.И. Полиция и население: кто для кого? / Девиантность, преступность, социальный контроль. Избранные статьи. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. С. 291.

⁴ Клейменов М.П., Клейменов И.М., Кондин А.И. Феномен служебной организованной преступности // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 4 (49). С. 184.

направленностью своей деятельности, связанной с созданием, поддержанием и развитием таких правовых и экономических отношений и социально-политических ситуаций, которые позволяют представителям определенных слоев общества незаконно обогащаться, уходя от ответственности¹. В.Н. Борков отмечает необходимость развития уголовно-правовых средств предупреждения такой коррупции, установления мер ответственности за организацию коррупционной организации и участие в ней².

Масштабы организованной коррупционной деятельности впечатляют своим размахом и социальными последствиями. Имеются подобные факты и в агломерациях Республики Татарстан³.

Учитывая системный характер коррупционных проявлений, включающих «собственно коррупционные преступления» («должностная коррупция»), «корыстные преступления коррупционной направленности» (вариант: «коррупционного характера и направленности»), совершаемых государственными служащими и муниципальными служащими, не являющимися должностными лицами, и последний вид коррупционных проявлений, совершаемых лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации, а также то, что наибольшую общественную опасность в этой системе представляет подсистема (сеть) «служебной организованной преступности» («организованные коррупционные проявления»), необходимо, на наш взгляд, определить в уголовном законе подсистему отдельного уголовно-правового воздействия в виде специальных норм, в чем-то аналогичных тем, которые определяют повышенную уголовную ответственность за организацию коррупционной деятельности и участие в организованной коррупционной деятельности, совершаемые указанными выше должностными лицами и другими

¹ Овчинский А.С. Информационные воздействия и организованная преступность. Москва, 2007. С. 76.

² Борков В.Н. Преступления против осуществления государственных функций, совершаемые должностными лицами: монография / под. науч. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.В. Векленко. Москва: Юрлитинформ, 2016. С. 241, 242.

³ Интервью начальника управления Президента Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики Бадрутдинов М.С. // Аргументы недели. URL: http://tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_322317.pdf (дата обращения: 07.08.2017).

служащими (государственными, муниципальными и в частном секторе).

Однако статьи Уголовного кодекса Российской Федерации об ответственности за «организованную должностную коррупцию» («собственно коррупцию»), за «организованную служебную коррупцию» («коррупцию, совершаемую государственными служащими или муниципальными служащими, не являющимися должностными лицами»), должны быть предусмотрены в главе 30, которая должна начинаться с общего понятия «коррупция» («должностная или собственно коррупция»), затем продолжиться понятием «служебная коррупция» («коррупция, совершаемая государственными или муниципальными служащими, не являющимися должностными лицами») и, соответственно, описанием проявлений этих видов коррупции – понятий «коррупционное преступление» и «корыстное преступление коррупционной направленности» (вариант: «коррупционного характера и направленности»). Название главы 30 Уголовного кодекса Российской Федерации следует изменить. Предлагаем назвать эту главу с учетом того, что предусмотренные в ней преступления посягают на интересы государственной власти на всех ее уровнях – федеральном, субъектов Российской Федерации, муниципальном (в органах местного самоуправления), а в рамках этих интересов – на законные интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Предлагаемые нами в проекте данной главы Уголовного кодекса Российской Федерации новые уголовно-правовые нормы касаются и коррупционных преступлений, совершаемых должностными лицами, а также других коррупционно значимых преступлений, совершаемых должностными лицами и иными государственными служащими, а также муниципальными служащими, не являющимися должностными лицами, составы которых не содержат в себе всю систему необходимых признаков коррупции (признаки субъекта коррупционного преступления – должностное лицо и/или коррупционную направленность – корыстная цель деяния, совершаемого из корыстной или иной личной заинтересованности). Поэтому глава 30 Уголовного кодекса

Российской Федерации должна быть названа: «Коррупционные преступления, преступления коррупционной направленности (вариант: «коррупционного характера и направленности») и иные преступления против интересов государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления».

Необходимый системный подход уголовно-правового противодействия указанным видам преступлений, их коррупционный и коррупционно значимый характер и направленность, особая роль организованности в такой преступной деятельности диктуют логичность принятия и следующих изменений в структуре данной главы Уголовного кодекса Российской Федерации.

Системный и сетевой характер организованной коррупционной деятельности на всех уровнях власти и в агломерациях, где составные части последней не имеют четкого легального управления из одного центра, где административно-территориальное деление внутри агломераций диктует свою систему управления, в том числе систему противодействия коррупции, а также судебно-следственная практика по данной категории уголовных дел свидетельствуют о том, что здесь преобладает организованная коррупционная деятельность (должностная коррупция организованных групп, за создание которых, согласно ч. 6 ст. 35 Уголовного кодекса Российской Федерации, наступает уголовная ответственность «за приготовление к тем преступлениям, для совершения которых они созданы»). Полагаем, что более справедливая оценка случаев совершения коррупционных и иных корыстных преступлений коррупционной направленности (вариант: «коррупционного характера и направленности») требует повышенной уголовной ответственности (особо квалифицированный состав соответствующего преступления). Так, диспозицию ч. 3 ст. 285 Уголовного кодекса Российской Федерации целесообразно дополнить после слов «тяжкие последствия» формулировкой «либо совершенное организованной группой».

Аналогичное дополнение следует сделать в ч. 3 ст. 286 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Особо квалифицирующий признак – «совершение преступления организованной группой» должен быть указан также в предлагаемых нами составах корыстных преступлений коррупционной направленности (вариант: «...коррупционного характера и направленности») – новых составах «злоупотребления служебным положением», «получение предмета коммерческого подкупа или совершения активного коммерческого подкупа», совершаемых государственными служащими или муниципальными служащими, не являющимися должностными лицами.

Указанный особо квалифицирующий признак также следовало бы предусмотреть в ч. 2 ст. 201, ч. 2 ст. 202, ч. 2 ст. 203 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Системный и сетевой характер коррупционной деятельности должностных лиц обнаруживает признак организованности должностной коррупции, которая проникла в систему государственной и муниципальной власти, нарушая ее нормальное функционирование. Коррупционное поведение затрагивает все уровни российской власти и распространяется, прежде всего, на тех должностных лиц, которым свойственно корыстолюбие и которые подвержены коррупционности.

Должностные лица – коррупционеры, как правило, организовываются внутри системы власти, образуя своеобразную подсистему (элемент), которая (который) «заражает» всю систему, поражая ее социальное назначение. Это менее неуязвимая и трудно разоблачаемая форма организованной коррупционной деятельности.

Наиболее опасная форма организованной коррупционной деятельности предполагает коррупционные связи соответствующих должностных лиц с внешней преступной организацией, которая за большую плату получает защиту от уголовного преследования со стороны правоохранительных органов и суда, а также от других организованных преступных формирований.

На фоне предлагаемого специалистами реформирования уголовного законодательства¹ представляется верной позиция ряда

¹ Лопашенко Н.А., Кобзева Е.В., Хутов К.М., Долотов Р.О. Теоретическая модель особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: основные

авторов относительно необходимости установления уголовной ответственности за корыстные преступления коррупционной направленности (вариант: «коррупционного характера и направленности») в рамках главы уголовного закона.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Меры уголовно-правового характера играют особенно важную роль в сфере противодействия коррупции, выступая основным инструментом в отношении наиболее опасных форм коррупции и ее проявлений – коррупционных преступлений и корыстных преступлений коррупционного характера.

Структура Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации содержит целый ряд указанных коррупционных преступлений, расположенных бессистемно, в разных главах, не в полной мере отражающих общественные отношения, подлежащие уголовному преследованию и наказанию.

Вне рамок уголовно-правового регулирования остаются организованные формы коррупционных преступлений и корыстные преступления коррупционной направленности (вариант: «коррупционного характера и направленности»), имеющиеся в сфере государственного управления вид развитых коррупционных сетей. Изменения уголовного закона, которые определяли бы преступления, являющиеся проявлением коррупции, позволят восполнить систему коррупционных и коррупционно значимых преступлений в Уголовный кодекс Российской Федерации, придадут мерам уголовно-правового характера системный, всеохватывающий характер, предоставят возможность включить в систему уголовно-правового противодействия коррупции нормы уголовной ответственности не только за собственно коррупционные (должностные) преступления, но и за корыстные преступления коррупционного характера, совершаемые государственными и муниципальными служащими, не являющимися должностными лицами, и подобные коррупционно значимые преступления, совершаемые в частном секторе лицами,

выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной некоммерческой организации.

Поскольку организованная коррупционная деятельность вошла в структуру власти, стала системной, во многом негласно соединилась со служебными полномочиями (функциями) должностных лиц и в большинстве своем мотивируется стремлением к систематическому получению взяток от их подчиненных, других сотрудников и клиентов, зависящих от каждого данного должностного лица и его положения в структуре власти, организация преступной организации как определенной коррупционной подсистемы (элемента) с целью систематического получения взяток и деятельности такой организации, связанной с их получением и выполнением деяний, которые должностные лица обязуются совершить (не совершать) за взятку, приобрела сетевой и особо опасный характер.

ГЛАВА III.

КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В АГЛОМЕРАЦИЯХ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН И ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

§ 3.1. Качественно-количественные характеристики коррупционных преступлений в агломерациях Республики Татарстан

На потребность в криминологическом определении преступления указывают С.Ф. Милюков¹, Г.Н. Горшенков², Д.А. Шестаков³. Последний отмечает как теоретическую значимость криминологического понимания преступления, заключающуюся в уточнении предмета криминологии, так и практическую необходимость для экспертизы законов и законопроектов⁴. При этом он пишет, что преступление в криминологическом понимании существует как таковое, вне зависимости от закрепления его в законе⁵, поскольку в его основе лежит объективный вред⁶, характеризующий общественную опасность.

Преступные проявления коррупции являются наиболее опасной формой противоправной деятельности любой категории государственных служащих – должностных лиц, основой которой является торговля властью в сфере государственного и муниципального управления. Подкуп здесь является стержнем коррупции, присутствует в ней всегда, в обязательном порядке⁷. Такие деяния наносят вред всей системе власти и государственного

¹ Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство. Опыт критического анализа. Санкт-Петербург: СПбИВЭСП, Знание. 2000. С. 50.

² Горшенков Г.Н. Криминология: научные инновации. С. 168.

³ Шестаков Д.А. Введение в криминологию закона. Санкт-Петербург: издательство «Юридический центр «Пресс», 2011. С. 14.

⁴ Там же.

⁵ Кондратюк Л.В., Овчинский В.С. Еще раз о криминологическом понятии преступности и преступления // Журнал российского права. 2004. № 9. С. 114.

⁶ Шестаков Д.А. Введение в криминологию закона. Санкт-Петербург: Юридический центр «Пресс», 2011. С. 31.

⁷ Лопашенко Н.А. Противодействие российской коррупции: обоснованность и достаточность уголовно-правовых мер. URL: [http://sartraccc.ru/Pub/lopashenko\(18-03\).htm](http://sartraccc.ru/Pub/lopashenko(18-03).htm)

устройства, деформируют их, что влечет различные социальные последствия, среди которых подрыв доверия населения к власти, рост социальной несправедливости и социальной напряженности.

Последствия преступных проявлений коррупции не только создают угрозу для нормального функционирования общества и государства, но и оказывают негативное воздействие на широкую сферу общественных отношений, создавая и усугубляя кризисные явления в политике, экономике, социальной сфере. Это, в свою очередь, отражается и на уровне личности, влечет деформирование правосознания и создание представления о возможности удовлетворения личных и коллективных интересов путем подкупа должностных лиц.

Полагаем, что в криминологическом значении под коррупционными преступлениями следует понимать деяния, которые, независимо от наличия или отсутствия уголовно-правового запрета на их совершение и отнесения их к числу коррупционных, объективно причиняют обществу вред, выражающийся в деформации и разложении государственной власти, в подрыве авторитета органов управления и общественных институтов, нарушении их нормального функционирования и развития общества, общественных отношений и различных их сфер: государственного управления, экономической, социальной, правоохранительной, информационной, законотворческой, пенитенциарной и др.

Преступность как система, как статистическая совокупность множества преступных деяний и лиц, их совершивших, ее жертв и последствий¹, характеризуется специфическими признаками, объединяющимися в три группы показателей: количественные (состояние и уровень), качественные (структура, удельный вес, характер, уровень латентности и социальные последствия) и качественно-количественные (динамика). Указанные показатели в отдельности не могут дать объективного представления о преступности, но в совокупности, в общей системе, характеризуют ее

¹ Клеймёнов М.П. Криминология: учебник / 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: Инфра-М, 2016. С. 51.

состояние и динамику, раскрывают ее содержание и тенденции¹, позволяя познать преступность как в целом, так и в ее отдельных видах.

Казанская агломерация. Состояние, уровень, структуру и удельный вес коррупционных преступлений в Казанской агломерации можно представить следующим образом.

Состояние коррупционных преступлений характеризуется общим количеством зарегистрированных преступлений, а также числом лиц, их совершивших на данной территории за календарный год. Так, в 2021 году в Казанской агломерации зарегистрировано 613 коррупционных преступлений². Среднеарифметический показатель их состояния за период с 2010 по 2021 г. составляет 506 преступлений. Всего за исследуемый период их зарегистрировано 6 072.

Динамика состояния коррупционных преступлений в исследуемом периоде нестабильна, в целом положительна (таблица 1).

Таблица 1

**Динамика коррупционных преступлений
в Казанской агломерации Республики Татарстан
за период 2010 – 2021 гг.**

Период (год)	Количество зарегистрированных преступлений
2010 г.	335
2011 г.	321
2012 г.	620
2013 г.	741
2014 г.	456
2015 г.	551
2016 г.	725

¹ Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии. В 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник для магистров. Москва: Юрайт, 2015. С. 302, 303, 319.

² Статистические данные истребованы автором из Информационного центра МВД по Республике Татарстан.

2017 г.	415
2018 г.	329
2019 г.	460
2020 г.	506
2021 г.	613

В целом с 2010 по 2021 г. абсолютный рост зарегистрированных преступлений составил +390 преступлений (повышение в 2,16 раз). При этом с 2015 по 2016 г. их абсолютный рост составил +174 преступления (повышение в 1,31 раза). Абсолютное снижение в исследуемый период произошло с 2013 по 2014 г. – 285 преступлений (снижение в 1,6 раз).

Темп роста рассматриваемых преступлений в период 2015 – 2016 гг. составляет 131,57 %, темп прироста составляет 31,57 %. Темп снижения преступлений в период с 2013 по 2014 г. составляет 61,53 %, темп прироста составляет -38,47 %.

Коэффициент коррупционных преступлений можно определить в соответствии с формулой¹, опираясь на имеющиеся данные о населении Казанской агломерации – 1 478 тыс. чел.²:

$$K = \frac{456 \times 100\,000}{1\,478\,000} = 30,85$$

Коэффициент коррупционных преступлений в Казанской агломерации составляет ≈ 31 преступление на 100 000 населения.

Структура коррупционных преступлений в Казанской агломерации. В исследуемый период наибольший удельный вес в структуре коррупционных преступлений занимают два вида преступных посягательств: против собственности (от 17,81 % до 48,05 %) и против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (от 44,17 % до 77,86 %). Наименьший удельный вес

¹ Долгова А.И. Криминология: учебное пособие. Москва, 2002. С. 70.

² Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года: Закон Республики Татарстан от 17.06.2015 года № 40-ЗРТ. С. 141 // Ведомости Государственного Совета Татарстана, 2015. № 6 (II часть). Ст. 521.

занимают преступления: против установленного порядка осуществления экономической деятельности (от 0,29 % до 1,75 %), против интересов службы в коммерческих и иных организациях (от 2,2 % до 7,46 %), против правосудия (до 1,51 %).

Удельный вес (С) коррупционных преступлений, зарегистрированных в Казанской агломерации, в объеме всех преступлений коррупционной направленности Республики Татарстан, рассчитанный по нижеуказанной формуле, представлен в таблице 3¹:

$$C = \frac{u}{U} \times 100 \%,$$

где *u* – показатель состояния (объема) отдельного типа, рода, вида или разновидности преступности; *U* – показатель объема всей преступности, вида преступлений на той же территории за тот же период времени.

Таблица 2

Удельный вес коррупционных преступлений в Казанской агломерации в общем числе коррупционных преступлений, зарегистрированных в Республики Татарстан за период 2010 – 2021 гг.

Отчетный период	Число преступлений коррупционной направленности в Казанской агломерации	Общее число преступлений коррупционной направленности в Республики Татарстан	Удельный вес преступлений коррупционной направленности, %
2010 г.	335	914	36,65 %
2011 г.	321	684	46,92 %
2012 г.	620	1 120	55,35 %
2013 г.	741	1311	56,52 %
2014 г.	456	911	50,05 %

¹ Статистические данные по запросу автора получены из Информационного центра МВД по Республике Татарстан.

2015 г.	551	1237	44,54 %
2016 г.	725	1387	52,27 %
2017 г.	415	851	48,76 %
2018 г.	329	832	39,5 %
2019 г.	460	873	52,7 %
2020 г.	506	1098	46,1 %
2021 г.	613	1211	50,62 %

Как следует из представленных в таблице данных, удельный вес коррупционных преступлений, зарегистрированных в Казанской агломерации, в общем объеме коррупционных преступлений, зарегистрированных в Республике Татарстан в исследуемом периоде значителен. Его крайние показатели в период 2010 – 2021 гг. варьируются от 36,65 % (в 2010 г.) до 56,94 % (в 2017 г.), среднее значение составляет 48,9 %. Динамика изменений удельного веса в целом положительная.

Камская агломерация. Криминологическую характеристику коррупционных преступлений Камской агломерации можно представить следующим образом.

Состояние коррупционных преступлений в агломерации определяется тем, что в 2021 году было зарегистрировано 354 таких преступлений¹. Среднеарифметический показатель состояния за период с 2010 по 2021 г. составляет около 232 преступления. Всего за исследуемый период их зарегистрировано 2 779.

Динамика состояния коррупционных преступлений в исследуемом периоде демонстрирует нестабильность, в целом положительная (таблица 3):

¹ Статистические данные истребованы автором из Информационного центра МВД по Республике Татарстан.

Таблица 3

**Динамика коррупционных преступлений
в Камской агломерации Республики Татарстан
за период 2010 – 2021 гг.**

Период (год)	Количество зарегистрированных преступлений
2010 г.	172
2011 г.	114
2012 г.	133
2013 г.	276
2014 г.	266
2015 г.	357
2016 г.	365
2017 г.	190
2018 г.	226
2019 г.	151
2020 г.	175
2021 г.	354

В период 2010 – 2021 гг. абсолютный рост указанных зарегистрированных преступлений составил +193 преступления (повышение в 2,12 раз), а с 2015 по 2016 г. +8 преступлений (повышение в 1,02 раза). При этом абсолютное снижение зарегистрировано с 2010 по 2011 г. и составило 58 преступлений (снижение в 1,5 раза).

Темп роста рассматриваемых преступлений в период 2015 – 2016 гг. составляет 102,24 %, темп прироста составляет 2,24 %. Темп снижения этих преступлений в период с 2010 года по 2011 год составляет 66,27 %, а темп прироста составляет -33,73 %.

Коэффициент коррупционных преступлений, зарегистрированных в Камской агломерации, исходя из данных о

численности ее населения – 944,3 тыс. чел.¹, можно рассчитать следующим образом:

$$K = \frac{266 \times 100\,000}{944\,300} = 28,16$$

Коэффициент коррупционных преступлений в Камской агломерации составляет ≈ 28 преступлений на 100 000 населения.

Структура коррупционных преступлений в Камской агломерации. В исследуемый период наибольший удельный вес в структуре коррупционных преступлений занимают преступления против собственности (от 14 % до 55,63 % с тенденцией к снижению) и преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (от 43,60 до 82,33 % с тенденцией к увеличению). Наименьший удельный вес занимают преступления против установленного порядка осуществления экономической деятельности (до 0,72 %) и преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях (от 0,75 % до 6,97 %). Кроме того, в отличие от Казанской агломерации, в структуре Камской агломерации отсутствуют преступления против правосудия. Отмечается сравнительно больший удельный вес преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления по отношению к преступлениям против собственности.

Удельный вес (С) коррупционных преступлений в Камской агломерации в объеме всех зарегистрированных коррупционных преступлений Республики Татарстан представлен в таблице 4²:

¹ Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года: Закон Республики Татарстан от 17.06.2015 № 40-ЗРТ. С. 146 // Ведомости Государственного Совета Татарстана, 2015. № 6 (II часть). Ст. 521.

² Статистические данные истребованы автором из Информационного центра МВД по Республике Татарстан.

Таблица 4

**Удельный вес коррупционных преступлений в Камской
агломерации в общем числе коррупционных преступлений,
зарегистрированных в Республике Татарстан
за период 2010 – 2021 гг.**

Отчетный период	Число преступлений коррупционной направленности в Камской агломерации	Общее число преступлений коррупционной направленности в Республики Татарстан	Удельный вес преступлений коррупционной направленности, %
2010 г.	172	914	18,81 %
2011 г.	114	684	16,66 %
2012 г.	133	1 120	11,87 %
2013 г.	276	1311	21,05 %
2014 г.	266	911	29,19 %
2015 г.	357	1 237	28,86 %
2016 г.	365	1 387	26,31 %
2017 г.	190	851	22,32 %
2018 г.	226	832	27,7 %
2019 г.	151	873	17,3 %
2020 г.	175	1 098	15,9 %
2021 г.	354	1 211	29,23 %

Как следует из представленных в таблице данных, в исследуемом периоде удельный вес коррупционных преступлений, зарегистрированных в Казанской агломерации, в общем объеме коррупционных преступлений в Республике Татарстан сравнительно значителен. Его крайние показатели в период 2010 – 2021 гг. варьируются от 11,87 % (в 2012 г.) до 29,19 % (в 2014 г.), среднее значение составляет 21,82 %. Изменение динамики удельного веса в целом носит положительный характер.

Альметьевская агломерация. Криминологическую характеристику коррупционных преступлений Альметьевской агломерации можно представить следующим образом.

Состояние коррупционных преступлений в 2021 году характеризуется сравнительно небольшим числом зарегистрированных преступлений – выявлено 89 преступлений¹. Среднеарифметический показатель состояния в исследуемом периоде составляет около 97 преступлений. Всего за исследуемый период было зарегистрировано 1 167 таких фактов.

Динамика состояния коррупционных преступлений в исследуемом периоде имеет тенденцию к уменьшению их количества (таблица 5).

Таблица 5

**Динамика коррупционных преступлений
в Альметьевской агломерации Республики Татарстан
за период 2010 – 2021 гг.**

Период (год)	Количество зарегистрированных преступлений
2010 г.	133
2011 г.	80
2012 г.	123
2013 г.	94
2014 г.	79
2015 г.	113
2016 г.	77
2017 г.	92
2018 г.	109
2019 г.	68
2020 г.	110
2021 г.	89

¹ Статистические данные истребованы автором из Информационного центра МВД по Республике Татарстан.

За весь исследуемый период отмечается абсолютное снижение зарегистрированных преступлений, которое составило -56 преступлений (снижение в 1,72 раза). С 2015 по 2016 г. абсолютное снижение -36 преступлений (снижение в 1,46 раза). Абсолютный рост зарегистрирован с 2011 года по 2012 год, он составил 43 преступления (повышение в 1,53 раза).

Темп снижения рассматриваемых преступлений в период 2015 – 2016 гг. составляет 57,9 %, темп прироста -42,1 %. Темп роста преступлений в период с 2011 года по 2012 год составляет 153,75 %, темп прироста 53,75 %.

Коэффициент коррупционных преступлений Альметьевской агломерации соответственно данным о численности ее населения – 337 тыс. чел.¹ рассчитывается следующим образом:

$$K = \frac{79 \times 100\,000}{337\,000} = 23,44$$

Коэффициент коррупционных преступлений в Альметьевской агломерации за 2014 г. составляет ≈ 23 преступления на 100 000 населения.

Структура коррупционных преступлений. В исследуемом периоде наибольший удельный вес в структуре коррупционной преступности агломерации занимают два вида преступлений: против собственности (от 20 % до 68,35 %) и против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (от 31,65 % до 71,25 %). Наименьший удельный вес занимают преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях (до 8,75 %). В отличие от Казанской агломерации, в структуре Альметьевской агломерации отсутствуют преступления против правосудия, в отличие от Камской – преступления против установленного порядка осуществления экономической деятельности. По сравнению с вышерассмотренными двумя агломерациями, в данной отмечается больший удельный вес преступлений против

¹Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года: Закон Республики Татарстан от 17.06.2015 № 40-ЗРТ. С. 151 // Ведомости Государственного Совета Татарстана, 2015. № 6 (II часть). Ст. 521.

собственности по отношению к преступлениям против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Удельный вес (С) коррупционных преступлений в Альметьевской агломерации в объеме всех преступлений коррупционной направленности в Республики Татарстан представлен в таблице 6¹:

Таблица 6

Удельный вес коррупционных преступлений в Альметьевской агломерации в общем числе коррупционных преступлений, зарегистрированных в Республике Татарстан за период 2010 – 2021 гг.

Отчетный период	Число преступлений коррупционной направленности в Альметьевской агломерации	Общее число преступлений коррупционной направленности в Республики Татарстан	Удельный вес преступлений коррупционной направленности, %
2010 г.	133	914	14,55 %
2011 г.	80	684	11,69 %
2012 г.	123	1 120	10,98 %
2013 г.	94	1311	7,17 %
2014 г.	79	911	8,67 %
2015 г.	113	1237	9,13 %
2016 г.	77	1387	5,55 %
2017 г.	92	851	10,8 %
2018 г.	109	832	13,1 %
2019 г.	68	873	7,8 %
2020 г.	110	1098	10,1 %
2021 г.	89	1211	7,34 %

¹ Статистические данные истребованы автором из Информационного центра МВД по Республике Татарстан.

Как следует из представленных в таблице данных, в период 2010 – 2021 гг. удельный вес коррупционных преступлений, зарегистрированных в Альметьевской агломерации, в общем объеме коррупционных преступлений Республики Татарстан сравнительно значителен. Его крайние показатели в рассматриваемый период варьируются от 5,55 % (в 2016 г.) до 14,55 % (в 2010 г.), среднее значение – 9,67 %. Изменение динамики удельного веса в целом носит отрицательный характер.

Анализ показателей коррупционных преступлений в Казанской, Камской и Альметьевской агломерациях Республики Татарстан, демонстрирует, что они характеризуются одинаковым уровнем латентности, одними и теми же характером и социальными последствиями.

Латентность коррупционных преступлений высокая, имеет в основном естественный, скрытый характер, что обусловлено взаимовыгодностью субъектов коррупционных отношений. По мнению ряда криминологов, выявляется и регистрируется всего несколько процентов фактически совершаемых коррупционных преступлений. В литературе¹ отмечается, что дать объективную оценку реальному состоянию коррупционных преступлений в стране в целом и в любом ее регионе в частности невозможно в первую очередь ввиду отсутствия лиц, заинтересованных в выявлении таких преступлений² среди субъектов коррупционной деятельности.

Среди коррупционных преступлений наиболее высокий коэффициент латентности имеет взяточничество³, составляющее ядро коррупционных преступлений. Исходя из рассчитанного на 2009 г. коэффициента латентности получения взятки (ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации), количество латентных преступлений данного вида в 2009 г. составляло 581,3 тыс. При этом отмечается, что

¹ Латентная преступность в Российской Федерации. 2001 – 2006 / под ред. С.М. Иншакова. Москва, 2007. 351 с.

² Тищенко В.Н. Коррупционная преступность. Характеристика криминальной ситуации в стране // Проблемы организации и осуществления прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции: материалы научно-практического семинара. Москва: Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2009. С. 61.

³ Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С.М. Иншакова. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. 839 с.

10 % из них являются укрытыми, а 90 % – невыявленными¹. Коэффициент латентности дачи взятки (ст. 291 Уголовного кодекса Российской Федерации) несколько ниже, хотя также достаточно высок. Например, число латентных преступлений по состоянию на 2009 г. оценивалось в 364,7 тыс., 20 % из которых было укрыто, а 80 % – не выявлено².

Указанные параметры латентности коррупционной преступности в значительной мере можно отнести к таковой на территории агломераций Республики Татарстан. Несмотря на отмеченную положительную динамику регистрируемой коррупционной преступности в агломерациях, их удельный вес в числе преступности Республики Татарстан остается незначительным, что может свидетельствовать об их высокой латентности. Кроме того, о том, что регистрируемая коррупционная преступность не отражает реальное положение дел, а свидетельствует о степени интенсивности работы правоохранительных органов, указывает нелинейность изменения количества выявленных преступлений как в Республике Татарстан, так и внутри агломераций, а также структурные изменения исследуемой преступности³.

Характер коррупционных преступлений выражается в их общественной опасности, что находит свое проявление в специфике сферы таких деяний и деяний корыстной направленности, связи их с организованной, экономической преступностью, социальных последствий, распространенности и уровне латентности. Специфичность сферы коррупционных проявлений обусловлена природой коррупции, в основе которой лежат отношения купли-продажи властных полномочий и возможностей. Поэтому основу коррупции составляет взяточничество, а основную сферу проявлений – государственное управление различных уровней. Об этом свидетельствует значительный удельный вес должностной

¹ Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С.М. Иншакова. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. С. 521.

² Указ. соч. С. 523.

³ Гарипов И.М., Кабанов П.А. Анализ статистических показателей о жертвоприношении коррупции в Республике Татарстан (2007 – 2009 гг.). // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 9. С. 4 – 9.

преступности в структуре исследуемых преступлений. Высокий уровень удельного веса в структуре коррупционных преступлений против собственности свидетельствует о ярко выраженном корыстном характере посягательств, о тесной связи исследуемых преступлений с экономической, теневой сферой, а через них с организованной преступностью. Недостатки и пробелы в системе государственного управления, слабые экономические и организационные основы функционирования государственных органов, правовой и нравственный нигилизм детерминируют широкую распространенность коррупционной преступности в обществе¹. Это в совокупности с высоким уровнем латентности – до 90 % – определяет существенность социальных последствий таких преступлений.

Социальные последствия коррупционных преступлений характеризуются реальным вредом, причиняемым обществу в результате таких посягательств. Данные последствия могут иметь социально-экономические, социально-политические, нравственно-психологические проявления: социально-экономические последствия исследуемых преступлений включают причиняемый ими материальный ущерб, а также различные иные косвенные экономические и материальные издержки. Так, среднеарифметический размер материального ущерба от коммерческой коррупции в Республике Татарстан за период 2007 – 2011 годов на одну жертву составлял до 775 743 рубля, а размер причиненного материального вреда ее жертвам – 90 761 927 рублей, или 89,2 % из всего объема коррупционных издержек²; социально-политические последствия находят свое особое проявление в снижении авторитета органов власти, утрате доверия общества к государственным и общественным институтам; нравственно-

¹ Долгова А.И. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой; 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма, 2005. С. 736.

² Кабанов П.А., Гарипов И.М., Магизов Р.Р. Виктимологическое измерение состояния коммерческой коррупции в Республике Татарстан (анализ статистических показателей 2007 – 2011 гг.) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 2 (33). С. 52.

психологические – влекут разрушение правосознания граждан, а также социальную и политическую напряженность.

Обобщая все вышеизложенное, можно заключить следующее.

1. Коррупционные преступления в криминологическом понимании – это деяния, которые, независимо от наличия или отсутствия уголовно-правового запрета на их совершение и отнесения их к числу чисто коррупционных, объективно причиняют вред обществу, выражающийся в деформации и разложении государственной власти, в подрыве авторитета органов управления и общественных институтов, нарушении их нормального функционирования и развития общества, общественных отношений и различных сфер: государственного управления, экономической, социальной, правоохранительной, информационной, законотворческой, пенитенциарной и др.

2. Криминологический анализ коррупционных преступлений в агломерациях Республики Татарстан за период с 2010 по 2021 г. позволил выявить следующие особенности их проявлений.

Уровень коррупционных преступлений сравнительно выше в наибольших агломерациях: в *Казанской* – среднеарифметический показатель состояния около 535 преступлений, всего зарегистрировано 3 752 преступления, коэффициент преступности на 100 000 человек – 31; в *Камской* – среднеарифметический показатель состояния 365 преступлений, всего зарегистрировано 1 683 преступления, коэффициент преступности на 100 000 человек – 28; в *Альметьевской* – среднеарифметический показатель состояния 100 преступлений, всего зарегистрировано 699 преступлений, коэффициент преступности на 100 000 человек – 23.

Динамика коррупционных преступлений нестабильна, имеет положительный характер в наиболее крупных агломерациях (Казанская и Камская) и отрицательный в наименьшей (Альметьевской): в *Казанской* – повышение в 2,16 раза, в *Камской* – повышение в 2,12 раза, в *Альметьевской* – снижение в 1,72 раза.

В структуре коррупционных преступлений преобладают преступления против государственной власти, интересов

государственной службы и службы в органах местного самоуправления и преступления против собственности.

Удельный вес коррупционных преступлений, зарегистрированных в агломерациях, в общем числе таковых в Республике Татарстан значителен. В исследуемом периоде на агломерации в совокупности приходится от 70,01 % до 87,91 % всех зарегистрированных в регионе коррупционных преступлений.

3. В целом коррупционные преступления в агломерациях Республики Татарстан характеризуются: высоким уровнем латентности (до 90 %), имеющей естественный характер; социальными последствиями в виде материального ущерба среднеарифметического размера (свыше 700 000 рублей на одну жертву или более 90 000 000 рублей общего ущерба), снижением авторитета органов власти, утратой доверия общества к государственным и общественным институтам, а также разрушением нравственного сознания и правосознания граждан, усилением социальной и политической напряженности. По характеру данные преступления в целом характеризуются корыстной направленностью, сферой проявления – государственное управление различных уровней, связью с теневой экономической сферой и организованной преступностью, широкой распространенностью, высоким уровнем латентности и существенными социальными последствиями.

§ 3.2. Комплекс причин и условий коррупционных преступлений в агломерациях Республики Татарстан

Исследование причин и условий преступности традиционно является одной из сложных задач в криминологии¹. Под детерминизмом (причинностью) подразумевается связь, обуславливающую зависимость вещей, их свойств и отношений, событий, процессов, состояний в их существовании и изменении от

¹ Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. Москва: МГУ, 1984. С. 4, 5; Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль / 2-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2009. С. 182 –189.

влияния факторов¹. В то же время термин «детерминанты» рассматривается как родовое понятие причин и условий, так как, по мнению некоторых специалистов, детерминанты преступности раскрывают не только конкретные причины и условия, но и их многообразные функционально-динамические связи и взаимодействия².

Г.А. Аванесов исследует детерминанты преступности, подразделяя их на биологические и социальные, криминогенные и антикриминогенные³. А.И. Долгова выделяет в качестве детерминант связь среды, населения и личности, а также различных сфер жизни общества⁴. Д.А. Шестаков отмечает важность учета детерминант преступности на разных социальных уровнях в различных сферах общественной жизни.

Заслуживает внимания классификация, выделяемая на основе взаимодействия трех уровней причин и условий преступности: *общем*, свойственном преступности в целом; *видовом*, имеющем специфические черты, характерные для конкретного вида преступности; *индивидуальном (уровне единичного преступления)*, отражающем причинность конкретных преступлений⁵. Содержание указанных уровней составляют комплексы факторов в соответствии со сферами жизнедеятельности общества и включают в себя экономический, организационный, политический, правовой, социально-психологический и другие блоки.

Думается, что данный подход наиболее полно отражает причины и условия, а также их взаимосвязи, коррупционных преступлений в агломерациях Республики Татарстан, соответствует

¹ Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. Москва: МГУ, 1984. С. 7, 11.

² Указ. соч. С. 8, 55.

³ Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Г.А. Аванесова. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. С. 231, 239.

⁴ Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма, 2005. С. 260 – 268.

⁵ Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. Москва: МГУ, 1984. С. 52; Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Причины преступности в России. Москва, 2006. С. 55 – 108.

современным реалиям общества¹. Данный подход к определению причин и условий (детерминант) основывается на соотношении философских категорий общего, особенного и единичного, каждая из которых важна в одинаковой мере². Он согласуется со структурой задач криминологии, заключающихся в изучении причин как преступности в целом, так причин отдельных ее видов и конкретных преступлений³. Тем более что данная классификация причин по уровням и сферам жизнедеятельности общества свойственна криминологическим работам последнего времени, на ней основывается практика противодействия преступности⁴.

Общий уровень причин связан, прежде всего, с обществом в целом и возникающими в нем противоречиями, исторически обусловленными, свойственными различным социальным процессам и явлениям⁵.

Основные причины и условия преступности в условиях современного российского общества составляют социально-экономический блок⁶, обусловленный глубокими экономическими преобразованиями, вызвавшими острую социальную напряженность⁷. В совокупности они привели к невозможности экономической системы обеспечить всех граждан России достойным качеством жизни, отразились на сфере производства и распределения, обнаружили диспропорции в экономическом и социальном развитии государства и общества, проявились в росте безработицы. Кроме того, коренные экономические преобразования сказались на усилении

¹ Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии. В 2 т. Т. 1. Общая часть. В 2 кн. Книга 2: учебник для магистров Москва: Юрайт, 2015. С. 45.

² Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Г.А. Аванесова. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. С. 222.

³ Указ. соч. С. 221, 222.

⁴ Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии. В 2 т. Т. 1 Общая часть. В 2 кн. Книга 2: учебник для магистров. Москва: Юрайт, 2015. С. 41, 44.

⁵ Указ. соч. С. 43; Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2009. С. 191-193.

⁶ Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии. В 2 т. Т. 1 Общая часть. В 2 кн. Книга 2: учебник для магистров. Москва: Юрайт, 2015. С. 481.

⁷ Ильина Н.В. Особенности причинного комплекса преступности в условиях перехода к рыночной экономике: дис... канд. юрид. наук. Москва, 1998. С. 3.

противоречий экономического плана – между производительными силами и производственными отношениями¹, между ограниченным производством и все возрастающим общественным потреблением.

Агломерации относятся к субъектам с повышенной коррупционной привлекательностью, поскольку коррупция распространяется в регионах, обладающих, как и агломерации, наибольшим экономическим потенциалом, где этот потенциал сконцентрирован в ограниченном числе хозяйственных субъектов, от которых зависит решение коррупционно значимых вопросов.

Наличие значительных природных ресурсов на территориях Камской и Альметьевской агломераций фактически создает условия для теневых отношений и усиления коррупции в них. Например, доходы от нефтедобывающей, нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности в подавляющем большинстве случаев связаны с нецелевым их распределением и использованием.

Концентрация финансовых ресурсов центрами агломераций указывает на их коррупционность, исходя из наличия больших объемов теневых экономических отношений.

Причины и условия преступности экономического характера, в том числе и коррупционных преступлений, определяя через потребности и интересы мотивацию преступного поведения, сказались на социально-психологических качествах общества². Это особо проявилось в усилении группового и коллективного эгоизма³, углублении деформации духовно-нравственной сферы, нарастание корыстной мотивации представителей разных социальных групп⁴.

Из социально-экономических причин и условий вытекают организационные, которые выразились в отсутствии должного

¹ Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. Москва: МГУ, 1984. С. 54.

² Там же.

³ Ильина Н.В. Особенности причинного комплекса преступности в условиях перехода к рыночной экономике: дис... канд. юрид. наук. Москва, 1998. С. 3; Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. Москва: МГУ, 1984. С. 26 – 28.

⁴ Ильина Н.В. Особенности причинного комплекса преступности в условиях перехода к рыночной экономике: дис... канд. юрид. наук. Москва, 1998. С. 3, 4.

управления социальными и экономическими процессами¹, недостаточной организации жизни общества в условиях новой экономической и социальной реальности.

На общем уровне проявились и другие отдельные причины преступлений, среди которых можно выделить, например: очевидное падение авторитета власти, периодами наблюдаемую утрату доверия граждан к государству, снижение общего профилактического потенциала общества, несовершенство законодательной базы.

Помимо указанных причин и условий, которые могут выступать и факторами, отмечается также влияние на процессы причинности преступности различных связей, например: функциональной (влияние на преступность экономического кризиса); статистической (взаимосвязь численности населения и количества преступлений); состояний (взаимосвязь неэффективности борьбы с преступностью и увеличением рецидивности) и др.²

Изложенные причины общесоциального уровня конкретизируются и детализируются на *видовом уровне*. Здесь находят свое проявление характерные особенности коррупционных преступлений, а также их региональные черты на уровне агломераций Республики Татарстан. На данном уровне причинности обозначенных преступлений можно выделить исторические, экономические, политические, психологические, правовые и организационные детерминанты, которые проявляют себя в агломерациях при исследовании коррупционных преступлений.

Анализируя исторические причины, следует отметить, что коррупция всегда являлась составляющей частью жизни общества. В нашем государстве основой ее зарождения было законное «кормление», которое в дальнейшем с течением времени трансформировалось в лихоимство (подкуп за действия, нарушающие действующее законодательство) и мздоимство (за действия без

¹ Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. Москва: МГУ, 1984. С. 42.

² Аглямова Г.М., Талан М.В., Хамитов Р.Н. Коррупционная преступность в сфере местного самоуправления в Российской Федерации: монография / под ред. Ф.Р. Сундурова. Москва: Юрлитинформ, 2017. С. 92, 93.

нарушения закона). Они и стали основой развития современных проявлений взяточничества и других видов коррупции¹.

Экономические причины занимают ведущее место среди причин коррупционных преступлений. Как указывает О.Н. Ведерникова, среди основных криминогенных факторов коррупции – экономические причины, которые «коренятся в фундаментальных социально-экономических проблемах жизни общества, оказавшегося неспособным сочетать экономический прогресс и частную собственность с социальной защищенностью людей»². Особенность проявлений экономических причин коррупционной преступности на уровне агломераций Республики Татарстан обусловлена особенностями и структурой экономического устройства субъекта Российской Федерации и его агломераций, а также тем, что в основе образования и развития самих агломераций существенную роль занимают экономические факторы³. Само сосредоточение ресурсов центрами агломераций позволяет сделать вывод об их повышенной коррупционности в сравнении с иными образованиями.

Помимо причин данной группы, можно отметить факторы, которые возникают на общем и конкретизируются на видовом уровне детерминации, например: противоречия между потребностями граждан и реальными возможностями их удовлетворения; возрастающая социальная стратификация, то есть социально-экономическое неравенство граждан.⁴ Концентрация ресурсов центрами агломераций вызывает значительную разницу в доходах

¹ Гилинский Я.И. Коррупция: теория и реальность / Девиантность, преступность, социальный контроль. Избранные статьи. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. С. 220.

² Ведерникова О.Н. Антикоррупционная политика России: с чего начать? // Общественные науки и современность. 2005. № 3. С. 122.

³ Ши Б. Исследование формирования и перспектив устойчивого развития Чжэнчжоуской агломерации (провинция Хэнань, Китай): автореф. дис. ... канд. арх. наук. Санкт-Петербург, 2005. С. 6; Антонова А.А. Методические подходы к оценке агломерационного развития регионов России: дис. ... канд. экон. наук. Санкт-Петербург, 2013. С. 8.

⁴ Борисов О.А. Коррупция как угроза экономической безопасности России: автореф. ... канд. экон. наук. Санкт-Петербург, 2009. С. 15.

различных групп населения¹ Республики Татарстан² и в возможностях удовлетворения их потребностей.

Свою роль в причинности коррупции играют также разница в уровне оплаты труда и жизненного уровня государственных служащих, от социального неравенство внутри их среды. Еще в 80-е годы прошлого века специалистами отмечалась зависимость состояния преступности от различия доходов населения и материальной обеспеченности между отдельными социальными группами³. Например, А.И. Долгова первопричину коррупции видит в невыполнении со стороны государства правила о таком размере оплаты труда служащих, который позволил бы достойно жить им и их семьям, что порождает мотивацию на совершение коррупционного преступления⁴.

Отдельно в числе экономических причин и условий следует отметить значительные масштабы теневой экономики как основного источника коррупционной ренты. Так, А.И. Селиванов считает, что фундаментом коррупции являются экономические правонарушения и преступления, приводящие к появлению сверхприбыли, используемой для коррупции, в том числе в виде «отката», что формирует криминально-коррупционные секторы экономики⁵. И.С. Нафиков рассматривает коррупционность и теневую экономику как взаимосвязанные явления, отмечает, что коррупция не может существовать без теневой экономики⁶. Думается, что с этим можно согласиться.

¹ Страхов С.В. Политико-экономические аспекты коррупции в странах с формирующейся рыночной экономикой: автореф. ... канд. экон. наук. Москва, 2007. С. 18.

² Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года: Закон Республики Татарстан от 17.06.2015 № 40-ЗРТ // Ведомости Государственного Совета Татарстана, 2015. № 6 (II часть). Ст. 521. С. 95.

³ Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. Москва: МГУ, 1984. С. 35.

⁴ Криминология: учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. 3-е изд. перераб. и доп. Москва: Норма, 2008. С. 723.

⁵ Селиванов А.И. Геополитические и геоэкономические причины коррупции в России // Государственная власть и самоуправление. 2010. № 5. С. 23.

⁶ Нафиков И.С. Социально-экономические факторы как индикаторы организованной «тенизации» экономики и повышенной коррупционности территорий // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного

К числу политических причин и условий коррупционных преступлений на видовом уровне относятся высокая, избыточная численность государственного аппарата, отчуждение населения от власти, правотворчества и правоприменения. На уровне агломераций особенность проявлений политических причин обусловлена спецификой устройства таких территориальных образований и межмуниципальных взаимоотношений внутри них.

Агломерация является сосредоточением властных отношений. Любая институциональная организация общества, так или иначе, способствует коррупции.¹ Усложнение организации путем структурирования территорий в агломерации ведет к усложнению конкретных форм и проявлений коррупции². В основе специфики коррупции («деловой») лежит административно-политическое устройство региона Республики Татарстан, особенности властных и неформальных связей в сфере управления, в том числе ряд недостатков в системе управления, среди которых значительна гиперцентрализация при множестве превалирования государственных органов в управлении экономической и социальной сферой, что усиливает коррупционный потенциал региональной власти и приводит к падению ее авторитета, активизации политической коррупции. Подобная структура власти в совокупности с динамичностью развития экономических отношений в условиях агломераций приводит к концентрации и централизации коррупции в форме коррупционных сетей. Такая форма криминальной деятельности является менее прозрачной, чем индивидуальная коррупция³, но и чрезвычайно опасной. Как проявление организованной, профессиональной преступности, она является максимально латентной.

права: межвузовский сборник научных трудов / под общ. ред. А.Г. Безверхова. Самара, 2013. С. 211.

¹ Мешканцов В.Н. Экономико-правовые проблемы противодействия коррупции: автореф. ... канд. экон. наук. Москва, 2006. С. 10.

² Указ. соч. С. 6.

³ Страхов С.В. Политико-экономические аспекты коррупции в странах с формирующейся рыночной экономикой: автореф. ... канд. экон. наук. Москва, 2007. С. 15.

Значительная доля коррупционных преступлений в Республике Татарстан приходится именно на агломерации. При этом зарегистрированная ее часть в наиболее крупных агломерациях больше. Это позволяет сделать вывод, что на состояние коррупционной преступности в агломерациях влияет их размер, удаленность от административного центра Республики Татарстан и «оттягивание» политических и экономических ресурсов в более крупные агломерации. В связи с этим очевиден рост числа зарегистрированных коррупционных преступлений в зависимости от размеров агломерации и ее территориальной близости к административному (политическому) центру. При таких обстоятельствах ядро агломерации становится не только центром притяжения ресурсов, культуры, но и очагом коррупционной преступности.

В числе социально-психологических причин коррупционных преступлений, наряду с такими, как правовой нигилизм, солидарность с наличием коррупционных схем, позволяющих преодолевать организационные и административные барьеры, также основной называется особенность российского менталитета, который формировался на протяжении всей истории¹.

Следует согласиться с профессором А.И. Долговой в том, что коррупционные преступления в сфере государственного и муниципального управления обусловлены сформированной иерархией ценностей соответствующих должностных лиц, которая выражается в приоритете материальной выгоды над требованиями морали, закона и профессионализма. Это обнажает проблему повышения моральной устойчивости, в особенности в тех случаях, когда речь заходит о взяточничестве, инициируемом государственным или муниципальным служащим². Решение данной

¹ Гилинский Я.И. Коррупция: теория и российская реальность // URL:<http://sartraccc.sgap.ru/Pub/gilinsky> (30-06-05).htm; Голосенко И.А. Феномен русской взятки: очерк истории отечественной социологии чиновничества // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. № 3 С. 105-119; Кабанов П.А. Коррупция и взяточничество в России. Нижнекамск: Гузель, 1995. 87 с.; Кирпичников А.И. Взятка и коррупция в России. Санкт-Петербург, 1998. 352 с.

² Криминология: учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. 3-изд., перераб. и доп. Москва, 2008. С. 724, 725.

проблемы затруднено тем, что служащий, поступая на работу в сферу государственного или муниципального управления, помещается в определенную среду и условия, в которых высок уровень соблазна к коррупционной деятельности. К таким условиям относятся, например, наличие в коллективе служащих, чье материальное благосостояние кратно выше при сравнительно равной оплате труда ввиду коррупционных проявлений, либо изменение уровня обеспеченности служащего в результате создания семьи, ориентированность молодых, вновь назначаемых служащих на материальный уровень жизни, фактически не достижимый при деятельности в сфере государственного или муниципального управления без проявлений коррупции.¹

К правовым причинам и условиям следует отнести наличие многочисленных пробелов законодательного регулирования деятельности чиновников. Это отмечается как фактор криминального коррупционного поведения государственных и муниципальных служащих Республики Татарстан². Кроме того, особенности проявлений данных детерминант исследуемых преступлений в агломерациях Республики Татарстан заключаются в неурегулированности на законодательном уровне правового положения данных территориальных образований, а также вопросов межмуниципального взаимоотношения внутри них. Специфика образующихся внутри агломерации властных и неформальных управленческих связей обуславливает формирование «невидимых» административных горизонтальных и вертикальных (служебных, деловых) контактов, административных барьеров, выступающих самостоятельным фактором коррупциогенности территории³. В

¹ Криминология: учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. 3-изд., перераб. и доп. Москва, 2008. С. 725.

² Газимзянов Р.Р. Коррупционные проявления при реализации национальных проектов в Республике Татарстан и меры противодействия им: анализ экспертных оценок // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 4. С. 31, 32.

³ Нафиков И.С. Социально-экономические факторы как индикаторы организованной «тенизации» экономики и повышенной коррупционности территорий // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права: межвузовский сборник научных трудов / под общ. ред. А.Г. Безверхова. Самара, 2013. С. 213.

условиях законодательной неурегулированности коррупционные отношения приобретают роль приоритетного инструмента решения проблем как альтернативный, наиболее оптимальный с точки зрения эффективности способ координации хозяйственной деятельности¹.

Организационные причины (условия) находят свое проявление в низкой эффективности и избирательности субъектов предупреждения коррупционной преступности, в недостатках организации их деятельности по профилактике, предупреждению и пресечению исследуемых преступлений. В агломерациях Республики Татарстан в основе причин данной разновидности лежат особенности устройства и структуры таких территориальных образований. Процессы урбанизации и их воздействие на прилегающие территории влекут распространение особенностей городской среды из урбанизированных центров агломерации, его ядер, к сателлитам и находящимся под влиянием агломераций близлежащим сельским и пригородным территориям. Специалистами отмечается взаимообусловленность пространственно-физических факторов городской среды и их социальных условий от специфики проявлений преступности², к которой следует отнести и исследуемые преступления. При таких условиях одна из причин концентрации в агломерациях коррупционных преступлений видится в том, что они имеют более благоприятное экономическое положение и более широкие политические функции. В значительной мере это относится к столицам³ – г. Казани и Казанской агломерации в целом. Такие особенности создают иную организацию социальной жизни, в которой обнажаются и находят свое проявление некоторые противоречия, свойственные городской среде. Например, неудовлетворенность материальными условиями жизни и

¹ Макаева К.И. Управление региональной социально-экономической системой в условиях коррупционных проявлений (на материалах Республики Адыгея): автореф. ... канд. экон. наук. Майкоп, 2012. С. 12, 13.

² Курлович П.Н. Криминологические факторы городской среды: опыт и перспективы исследования: монография. Казань: КЮИ МВД России, 2013. С. 4 – 7.

³ Овчинский С.С. Преступное насилие. Преступность в городах. Москва: ИНФРА-М, 2016. С. 381.

неоправдавшимися материальными притязаниями¹, что обуславливает коррупционные проявления.

Причины общего и видового уровней находят свое дальнейшее развитие и конкретизацию на *индивидуальном уровне*. *Индивидуальный уровень (уровень единичного преступления)* детерминации включает в себя факторы индивидуального преступного поведения. Центральное место среди них занимают механизм и особенности формирования личности преступника. Детерминанты этого уровня можно представить в виде объективных и субъективных.

К объективным (социальным) причинам относятся недостатки, дефекты социализации конкретной личности, трудная жизненная ситуация. Особое значение на данном уровне приобретают также непосредственная профессиональная среда и условия, в которых находится государственный служащий (негласные установки, стереотипы), а также относительно высокий уровень образования, обуславливающий, как правило, ненасильственный способ решения трудностей, характерный для представителей интеллектуальной, «беловоротничковой» преступности².

Субъективные (психологические) причины – это психофизиологические особенности личности преступника: характер и, прежде всего, последствия нравственной деформации личности³. Отрицательные психологические черты, такие как, например, слабоволие, корыстолюбие, безответственность, сказываются на интересах и привычках личности, отношении к окружающим, образуют в конечном счете стойкую индивидуалистскую

¹ Овчинский С.С. Преступное насилие. Преступность в городах. Москва: ИНФРА-М, 2016. С. 382.

² Гишинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2009. С. 107.

³ Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии (О структуре индивидуального преступного поведения): монография. Москва: ТК Велби, Проспект, 2007. С. 22, 23.

антиобщественную установку¹. Дефекты нравственного формирования личности влекут его разложение и укоренение антиобщественных взглядов и, в последующем, совершение конкретных преступлений. При этом становление личности определяется не только внешними социальными условиями, но и процессами влияния самой личности на формирование своих нравственных качеств².

Комплекс причин и условий коррупционных преступлений в агломерациях Республики Татарстан определяет особенности территориальных аспектов преступности, которые в совокупности отражают значимые для криминологического познания региональной преступности характеристики.

Актуальность анализа исследования причин и условий (детерминант) коррупционных преступлений обуславливает тематическую направленность их познания криминологией, однако в полной мере не отражает методологический комплекс исследования, что определяется сложностью, многоэлементностью и системностью самой коррупционной преступности, а также особенностями ее проявления в агломерациях.

Выявленные особенности коррупционных преступлений на уровне агломераций, связанные с особенностями ее причинности, требуют превентивного подхода на основе криминологической информационной модели, которая может определяться социальными особенностями на данном территориальном уровне.

Несомненными преимуществами в комплексном исследовании преступности обладает моделирование, что обусловлено спецификой обозначенного объекта.

¹ Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии (О структуре индивидуального преступного поведения): монография. Москва: ТК Велби, Проспект, 2007. С. 32, 33.

² Указ. соч. С. 29.

Понятие «модель» буквально толкуется как некий образец для изготовления и воспроизведения, макет, схема физического объекта или явления.¹

Применительно к криминологии профессор В.Н. Кудрявцев под моделью понимает искусственно созданный объект, аналогичный исследуемому, который отображает структуру, свойства и взаимосвязи последнего, а также отношения между структурными элементами.²

В отличие от иных наук, криминология преимущественно использует качественные модели без цифровых данных, но отражающих социальные связи и механизмы³.

В криминологии опыт моделирования активно применялся к причинным взаимосвязям преступного поведения⁴. Примерами этого являются такие фундаментальные модели, как структурные (схематические) модели преступной мотивации В.В. Лунеева⁵, генезиса преступного поведения Ю.М. Антоняна и Ю.Д. Блувштейна⁶. В настоящее время моделирование применяется более широко, комплексно, охватывая не только частные модели преступления, но и преступности как социальной системы, и современная криминология имеет примеры комплексных моделей предупреждения преступности в целом.⁷

Метод моделирования позволяет создать модель предупреждения коррупционных преступлений в агломерациях, что актуализирует применение опережающих тактик и стратегий предупреждения коррупционных преступлений в исследуемых

¹ Толковый словарь русского языка: 120 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова; 4-е изд., доп. Москва: А ТЕМП, 2020. С. 348.

² Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования: учебное пособие. Москва: Норма: Инфра-М, 2017. С. 22.

³ Указ. соч. С. 23.

⁴ Вицин С.Е. Моделирование в криминологии: учебное пособие. Москва: НИИРИО ВШ МВД СССР, 1973. С. 59

⁵ Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования: учебное пособие. Москва: Норма: Инфра-М, 2017. С. 26, 27.

⁶ Указ. соч. С. 27-29.

⁷ Гурина А.Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: автореф. дис... д-ра юрид. наук. Калининград, 2018. 46 с.

системах, внесение своевременных и должных изменений в правовой и организационный элементы предупреждения коррупции.

Предупреждение коррупционной преступности должно иметь комплексный подход, включающий в себя пресечение преступлений; привлечение к ответственности виновных, реализацию превенции, осуществление мер безопасности на объектах, где такая преступность вероятна.

Структурообразующие модельные единицы предупреждения коррупционных преступлений в агломерациях должны включать:

Комплекс (систему) криминологически значимой информации. Содержание криминологически значимой информации о коррупционных преступлениях в агломерациях образуют маркеры, перечень, содержание и взаимосвязь которых позволяет объективно получить информационную модель коррупционных преступлений в агломерациях как за определенный, заданный период, так и за истекшее время, а также определить результативность воздействия на преступления принимаемыми мерами превенции. Кроме того, система криминологически значимой информации позволяет реализовать криминологическое прогнозирование в этой сфере.

Комплекс (систему) криминологически значимой информации образуют:

– *массив статистических сведений* о зарегистрированных в агломерациях коррупционных преступлениях.

В данном контексте считаем необходимым согласиться с профессором В.Н. Кудрявцевым¹ в том, что криминологическая модель должна наполняться статистическим содержанием, обработанным применительно к требованиям модели и особенностям преступности.

Основной массив сведений о зарегистрированных коррупционных преступлениях формируют статистические учеты информационных центров МВД России. Результаты мониторинга данной информации позволяют выявить основные качественно-

¹ Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования: учебное пособие. Москва: Норма: Инфра-М, 2017. С. 24.

количественные показатели коррупционной преступности в агломерациях.

– *Комплекс причин и условий коррупционных преступлений в агломерации, требующий воздействия* для реализации превенции. В связи с тем, что генезис преступления зачастую неочевиден, то затруднена оценка эффективности предупреждения преступности. Учитывая подход отечественной криминологии, связывающий предупредительную деятельность, в первую очередь, с воздействием на причинный комплекс преступности, обязательным элементом модели предупреждения коррупционных преступлений в агломерациях является комплекс причин и условий данных преступлений в исследуемых системах расселения населения. Кроме того, это соотносится с опытом предупреждения преступности на основе рискориентированного подхода, смещающего интерес с индивида на среду или обстоятельства¹, образующего комплекс причин, которые являются управляемыми.

– *Результаты исследования общественного мнения* о состоянии коррупционных преступлений в образованиях, образующих агломерацию, результативности ее предупреждения правоохранительными органами. Исследованию общественного мнения в криминологии традиционно придается существенное значение².

– *Результаты экспертных оценок*, в основе которых лежит мнение специалистов, основанное на профессиональном научном и практическом знании.

– *Результаты оценки эффективности деятельности правоохранительных органов*, реализующих свои полномочия в сфере предупреждения коррупции и коррупционных преступлений. Это позволит совершенствовать организационный элементы предупреждения коррупции, своевременно реализовывать меры совершенствования организационной, оперативно-служебной и

¹ Гуринская А.Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: автореф. дис... д-ра юрид. наук. Калининград, 2018. С. 21.

² Клишков В.Б., Пасынков В.В., Стебенева Е.В. Криминологический мониторинг: значение, этапы, методика // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 4 (76). 2017. С. 123.

управленческой деятельности уполномоченных государственных органов.

– *Результаты исследования материалов судебной практики*, отражающие эффективность применения, прежде всего, уголовно-правовых норм об ответственности за совершение коррупционных преступлений в агломерациях. Это позволит реализовать меры по совершенствованию нормативно-правового регулирования, информационной поддержке законотворческой деятельности в сфере предупреждения коррупционных преступлений. Мониторинг судебной практики по делам о коррупционных преступлениях свидетельствует о результатах и эффективности применяемых уголовно-правовых мер предупреждения коррупционных преступлений в агломерациях.

– *Антикоррупционная экспертиза правовых актов*, принимаемых на уровне муниципальных образований, образующих агломерацию, как один из механизмов, исключающих конфликты интересов и злоупотребления должностными лицами своих полномочий на уровне муниципальных образований и субъекта Российской Федерации.

Криминологический мониторинг. Мониторинг (от англ. *monitoring* на базе латинского корня *monitor* – напоминающий, предостерегающий) буквально означает «отслеживание»¹.

Понятие «мониторинг» используется в различных сферах научной и практической деятельности, в связи с чем имеет различные толкования и подходы к определению, обусловленные принадлежностью как к сфере науки, так и практики. Традиционно он рассматривается как способ исследования в различных науках либо как способ обеспечения сферы управления различными видами деятельности.

Для сферы научного исследования общества под мониторингом понимается система регулярного измерения изменений, происходящих в обществе или каких-то его подгруппах, при условии

¹ Ганеева Ж.Г. Определение понятия «мониторинг» в различных сферах его применения // Вестник ЧелГУ. 2005. № 1. С. 30.

регулярного применения одних и тех же принципов выборки и одного и того же инструментария для сбора данных.¹

Попытка законодательной дефиниции мониторинга дается в Федеральном законе «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», однако в нем мониторинг определяется для целей государственного контроля и надзора. В нем под мониторингом понимается режим дистанционного государственного контроля (надзора), заключающийся в целенаправленном, постоянном (систематическом, регулярном, непрерывном), опосредованном получении и анализе информации о деятельности граждан и организаций, об объектах контроля с использованием систем (методов) дистанционного контроля, в том числе с применением специальных технических средств, имеющих функции фотосъемки, аудио- и видеозаписи, измерения, за должностными лицами контрольного (надзорного) органа в целях предотвращения причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям².

Профессор И.М. Клейменов определяет криминологической мониторинг как систему регулярного, с определенной периодичностью проводимого сбора информации о криминологической обстановке, её анализа, оценки и прогнозирования с использованием заранее выбранных индикаторов состояния определённых процессов³.

Криминологический мониторинг как система регулярных замеров состояния объекта путем сбора, оценки и обработки криминологически значимой информации и соответствующий контроль необходим для текущей корректировки предупредительной

¹ Ганеева Ж.Г. Определение понятия «мониторинг» в различных сферах его применения // Вестник ЧелГУ. 2005. № 1. С. 30.

² О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (в редакции от 01.01.2022). СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 01.08.2022).

³ Клейменов И.М. Криминологический мониторинг // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 1 (50). С. 200.

деятельности, а также может обеспечивать криминологическое прогнозирование состояния наблюдаемого объекта.¹

Именно криминологический мониторинг позволит диагностировать систему социальных связей, их характеристику. Криминологический мониторинг требует определения диагностических точек, отражающих качественную и количественную характеристику влияний на продуцирование коррупционной преступности в агломерациях. В настоящее время он затрагивает не только качественно-количественные показатели преступности, но и практику применения соответствующих правовых норм о юридической ответственности за совершение наказуемых деяний.² Значимость криминологического мониторинга проявляется в его функциях – определение состояния предмета исследования по заданным параметрам в конкретных временных интервалах и выявление на этой основе динамики и направленности его развития; выявление причинно-следственных связей и зависимостей между наблюдаемыми явлениями, а также возникающих в ходе их развития возможных дисфункций и противоречий; прогнозирование развития исследуемых процессов на основе данных мониторинга; информационное обеспечение постановки управленческих задач; систематический контроль за ходом процессов и их коррекция в желательном для общества направлении.

Криминологический мониторинг в контексте типового моделирования предупреждения коррупционных преступлений в агломерациях должен включать несколько элементов: сведения о коррупционных преступлениях, которые можно представить в виде математической модели, иные данные о коррупционных преступлениях, позволяющие объективизировать указанную модель, а также деятельность по постоянному либо периодическому, заданному по определенному периоду, деятельности по изучению сведений о коррупционных преступлениях и информационные обмен с

¹ Горшенков А.Д. Экономическая безопасность и криминологический мониторинг // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2008. № 1 (8). С. 153.

² Клишков В.Б., Пасынков В.В., Стебенева Е.В. Криминологический мониторинг: значение, этапы, методика // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 4 (76). С. 123.

деятельностью по непосредственному предупреждению коррупционных преступлений, а также по прогнозированию коррупционной преступности.

Общесоциальные и специально-криминологические меры предупреждения коррупционных преступлений в агломерациях.

Криминологическое прогнозирование. Криминологическое прогнозирование занимает определенное место в системе криминологического знания с открытым, широким методологическим подходом к построению соответствующих моделей¹, позволяя познавать закономерности преступности, обеспечивая, обосновывая эффективный научный подход к планированию мер борьбы с преступностью и реализовывая предсказательную функцию криминологии². Однако применение его возможностей в сфере предупреждения коррупции оценивается как недостаточное, в то время как коррупционная преступность как социальное явление может быть выражена математической прогностической моделью.³ Поэтому криминологическое прогнозирование коррупционной преступности в агломерациях необходимо проводить на основе прогностических, математических моделей.

Особенности взаимодействия этих элементов определяют внутреннюю структуру модели.

Резюмируя вышесказанное о построении теоретической модели предупреждения коррупционных преступлений в агломерациях, отметим, что ее можно представить следующими четырьмя звеньями, находящимися в постоянной (либо в пределах заданной периодичности) функциональной взаимосвязи, обеспечивающей оценку результативности мер воздействия:

1. Комплекс (система) криминологически значимой информации:

¹ Кокунова С.Д., Кокунов А.И. Криминологическое прогнозирование коррупции: проблемы и перспективы // Национальная безопасность / nota bene. № 5. 2018. С. 20.

² Демидов В.Н., Згадзай О.Э., Казанцев С.Я., Сафиуллин Н.Х. Криминологическое прогнозирование: анализ, методы и моделирование: монография. Казань: КЮИ МВД России, 2001. С. 4 – 6.

³ Кокунова С.Д., Кокунов А.И. Криминологическое прогнозирование коррупции: проблемы и перспективы // Национальная безопасность / nota bene. 2018. № 5. С. 19.

а) массив статистических данных о зарегистрированных в агломерациях коррупционных преступлениях за определенные, заданные период;

б) комплекс причин и условий (детерминант) коррупционных преступлений в агломерациях;

в) результаты исследования общественного мнения о коррупционных преступлениях в агломерациях и эффективности деятельности государства по их предупреждению;

г) результаты экспертных оценок о коррупционных преступлениях в агломерациях;

д) результаты оценки эффективности и результативности деятельности правоохранительных органов по предупреждению коррупционных преступлений;

е) результаты исследования материалов судебной практики о применении норм об ответственности за коррупционные преступления;

ж) антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов муниципальных образований и иных субъектов, образующих агломерацию.

2. Криминологический мониторинг вышеуказанных маркеров, образующих комплекс (систему) криминологически значимой информации.

3. Общесоциальные и специально-криминологические меры предупреждения коррупционных преступлений в агломерациях.

4. Криминологическое прогнозирование коррупционной преступности на основе результатов изучения и мониторинга комплекса (системы) криминологически значимой информации, результатов воздействия на коррупционные преступления.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Комплекс причин коррупционных преступлений в агломерациях Республики Татарстан обусловлены взаимодействием трех уровней: *общим*, свойственным преступности в целом; *видовым*, несущим специфические черты, характерные для коррупционных преступлений в агломерациях Республики Татарстан; *индивидуальном*

(уровне единичного преступления), детерминирующим конкретные коррупционных преступлений.

2. На общем уровне коррупционные преступления в агломерациях Республики Татарстан детерминируются исторически обусловленными противоречиями и негативными факторами экономической, социально-психологической и организационной сфер жизнедеятельности общества.

3. На видовом уровне детерминации коррупционных преступлений в агломерациях Республики Татарстан можно выделить следующие факторы:

- *исторические*, обусловленные первоначально установлением законных форм взяточничества, которые составили последующее содержание коррупции и способствовали ее укоренению;

- *экономические*: особенности и структуры экономического устройства Республики Татарстан и ее агломераций; концентрация центрами агломераций экономических ресурсов; противоречия между потребностями граждан и реальными возможностями их удовлетворения; степень социально-экономической дифференциации и неравенства; низкий уровень оплаты труда и жизненный уровень категории государственных служащих и социальное неравенство внутри их среды; значительные масштабы теневой экономики;

- *политические*: определяемые спецификой устройства агломераций и межмуниципальных взаимоотношений внутри них – сосредоточение властных отношений, усложнение политической организации путем структурирования территорий; избыточная численность государственного аппарата; отчуждение населения от власти, правотворчества и частично от правоприменения;

- *социально-психологические*: нравственный и правовой нигилизм, солидарность с наличием коррупции и ее проявлениями, особенности «российского менталитета»;

- *правовые*: наличие пробелов в законодательном регулировании деятельности чиновников; неурегулированность на законодательном уровне правового положения агломераций, а также вопросов межмуниципального взаимодействия субъектов внутри них;

– *организационные*: низкая эффективность и избирательность правоохранительных органов в борьбе с коррупционными преступлениями; недостатки организации служебной деятельности должностных лиц и правоохранительных органов; влияние и связь процессов урбанизации, пространственно-физических факторы городской среды, обуславливающие особую организацию социальной жизни.

4. *На индивидуальном уровне (уровне единичного преступления)* выделяются причины:

а) *объективные (социальные)*: дефекты воспитания, социализации; конкретные трудные жизненные ситуации; недостатки непосредственной профессиональной среды; уровень образования, обуславливающий ненасильственный, интеллектуальный способ разрешения сложных проблем;

б) *субъективные (психологические)*: конкретные отрицательные психологические черты и качества характера личности (корыстолюбие, безответственность, слабоволие и др.); последствия нравственной деформации, обусловленной не только внешними обстоятельствами, но и самоопределением личностью своих нравственных критериев.

Комплексное изучение коррупционной преступности, ее причин и условий, территориальных особенностей применительно к агломерациям, системы мер и субъектов предупреждения преступности, а также должное обеспечение необходимой глубины исследования коррупционной преступности в агломерациях обуславливает необходимость криминологического мониторинга коррупционной преступности в агломерациях.

Анализ социальной среды и отношений в исследуемых системах расселения, порождающих сложные взаимосвязи детерминант коррупционной преступности в них, в современных условиях урбанизации определяет теоретическую модель предупреждения коррупции в агломерациях, которая включает в себя несколько элементов, находящихся в постоянной (либо в пределах заданной периодичности) функциональной взаимосвязи, обеспечивающей оценку результативности мер воздействия, образующих четырехзвенную систему:

1) комплекс (система) криминологически значимой информации:

а) массив статистических данных о зарегистрированных в агломерациях коррупционных преступлениях за определенные, заданные периоды;

б) комплекс причин и условий (детерминант) коррупционных преступлений в агломерациях;

в) результаты исследования общественного мнения о коррупционных преступлениях в агломерациях и эффективности деятельности государства по их предупреждению;

г) результаты экспертных оценок о коррупционных преступлениях в агломерациях;

д) результаты оценки эффективности и результативности деятельности правоохранительных органов по предупреждению коррупционных преступлений;

е) результаты исследования материалов судебной практики о применении норм об ответственности за коррупционные преступления;

ж) антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов муниципальных образований и иных субъектов, образующих агломерацию;

2) криминологический мониторинг вышеуказанных маркеров, образующих комплекс (систему) криминологически значимой информации;

3) общесоциальные и специально-криминологические меры предупреждения коррупционных преступлений в агломерациях;

4) криминологическое прогнозирование коррупционной преступности на основе результатов изучения и мониторинга комплекса (системы) криминологически значимой информации, результатов воздействия на коррупционные преступления.

Предлагаемая модель строится на основе анализа комплекса причин и условий коррупционных преступлений, криминологического мониторинга криминологически значимой информации о коррупционных преступлениях в агломерациях и инструментов предупреждения исследуемых преступлений, в основе которых, прежде всего, лежат меры частной и общей превенции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Активная динамика современных процессов урбанизации и агломерирования территорий, обусловленных экономическим развитием и территориально-пространственным переустройством государства, преломляет явление коррупции в аспекте особенностей конкретных регионов, административно-территориальных единиц, иных подобных образований. Агломерации Российской Федерации, будучи специфическими территориальными и социально-экономическими системами, в полной мере обладают такими особенностями.

Проведенное исследование позволило получить новые знания о коррупции как социально-негативном явлении и ее общественно опасных проявлениях. Оно показало, что соотношение региональных особенностей и явления коррупции, находящихся во взаимосвязи, проявляет специфику в детерминации рассматриваемого социально-негативного явления, его проявлении и предупреждении.

Общественно опасные проявления коррупции в агломерациях имеют конкретные качественно-количественные характеристики и некоторые взаимосвязи. Коррупционным преступлениям в агломерациях свойственны высокий уровень латентности, социальные последствия, снижение авторитета органов власти, утрата доверия общества к государственным и общественным институтам, а также разрушение нравственного и правового сознания граждан, социальной и политической напряженностью. Характер данных преступлений в агломерациях имеет явную корыстную направленность, основная сфера проявления – государственное управление различных уровней. Кроме того, особенностью коррупционных преступлений в исследуемых системах является ее связь с теневой экономической сферой и организованной преступностью.

Одной из ключевых особенностей коррупционной преступности в агломерациях является то, что их удельный вес в исследуемых образованиях значителен в сравнении с прилегающими территориями, населенными пунктами, поскольку на агломерации

приходится от 70,01 % до 87,91 % всех коррупционных преступлений в регионе. При этом уровень коррупционных преступлений коррелирует с физическими размерами и социально-экономическим уровнем развития агломерации – чем больше агломерация и более развитая экономически, тем выше в ней уровень коррупционных преступлений.

Исследование позволило автору не только выявить особенности проявления коррупции на уровне агломераций, но и определить конкретные факторы, обуславливающие специфику зарождения данного явления в рассматриваемых системах расселения населения.

Детерминизм коррупционных преступлений в агломерациях обусловлен взаимодействием трех его уровней (общего, видового и индивидуального) и причинных комплексов (правового, экономического, политического, психологического, организационно-структурного).

Отмеченные особенности позволили автору определить дополнительный признак явления коррупции – региональные особенности его проявления, а также сформулировать авторское определение понятия «коррупция». Исследование ее сущности указывает на то, что следует разграничивать «должностную коррупцию» или «коррупцию в буквальном понимании этого слова» и «частную коррупцию» или т.н. «коррупция в частном секторе».

Выявленные особенности причин и условий, а также проявления коррупции в агломерациях требуют установления системы маркеров, образованной криминологически значимой информацией, для должной оценки состояния коррупционных преступлений, выработки системы их предупреждения и прогнозирования. Мониторинг данной информации обеспечивает не только сквозное изучение коррупционных преступлений как общественно опасного проявления коррупции, но и глубину исследования коррупции в аспекте регионального проявления.

Исследование отмеченных особенностей коррупционных преступлений позволило разработать теоретическую модель предупреждения коррупционных преступлений, которая имеет четырехзвенную структуру:

1) комплекс (систему) криминологически значимой информации (массив статистических данных о зарегистрированных в агломерациях коррупционных преступлениях за определенные временной период; комплекс причин и условий коррупционных преступлений в агломерациях; результаты исследования общественного мнения о коррупционных преступлениях в агломерациях и эффективности деятельности государства по их предупреждению; результаты экспертных оценок о коррупционных преступлениях в агломерациях; результаты оценки эффективности и результативности деятельности правоохранительных органов по предупреждению коррупционных преступлений; результаты исследования материалов судебной практики о применении норм об ответственности за коррупционные преступления; антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов муниципальных образований и иных субъектов, образующих агломерацию);

2) криминологический мониторинг криминологически значимой информации, образующих систему маркеров;

3) криминологическое прогнозирование коррупционной преступности на основе результатов изучения и мониторинга комплекса (системы) криминологически значимой информации, результатов воздействия на коррупционные преступления;

4) общесоциальные и специально-криминологические меры предупреждения коррупционных преступлений в агломерациях.

Проведенное исследование позволило выявить проблемы воздействия на коррупционные преступления в агломерациях уголовно-правовыми средствами как наиболее эффективными в системе мер предупреждения коррупции. Практика привлечения к уголовной ответственности за совершение коррупционных преступлений в агломерациях Республики Татарстан свидетельствует, например, о наличии проблем квалификации взяточничества и коммерческого подкупа, вызывающих трудности и ошибки в правоприменительной деятельности. К числу основных проблем правоприменения относятся проблемы определения предмета взятки и его размера, проблемы в определении субъекта взяточничества и

ряда его признаков, проблемы отграничения взяточничества и провокации взятки. Автором выявлено отсутствие в действующей уголовно-правовой системе норм, предусматривающих ответственность за наиболее опасные формы коррупционной деятельности – организованные формы.

Анализ теоретических положений о коррупционном преступлении в уголовно-правовом и криминологическом аспектах позволил разграничить уголовно-правовое и криминологическое понимание исследуемых преступлений, а также сформулировать авторское понимание данных преступлений в указанных значениях.

Получение новых знаний об отмеченных региональных – на уровне агломерации – особенностях коррупции и ее предупреждения наиболее полно соответствует современным реалиям и дополняет положения криминологической и уголовно-правовой науки. Отмеченные положения обладают особой актуальностью в современных условиях глобализации и развития таких специфичных систем расселения как агломерации, приобретая важность в общей системе предупреждения коррупции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Международно-правовые и нормативные правовые акты

1. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (заключена в г. Страсбурге 27.01.1999) // Бюллетень международных договоров. – 2009. – № 9. – С. 15-29.
2. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 года // Бюллетень международных договоров. – 2005. – № 2. – С. 3-33.
3. Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности // Бюллетень международных договоров. – 2005. – № 2. – С. 34-46.
4. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности // Бюллетень международных договоров. – 2005. – № 2. – С. 46-55.
5. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции // Бюллетень международных договоров. – 2006. – № 10. – С. 7-54.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 29 июля 2017 года) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
7. Кодекс административного судопроизводства РФ от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 9 марта 2015 г. – № 10. – Ст. 1391.
8. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202-1 (в редакции от 29 июля 2017 года) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.
9. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федеральный закон от 07 августа 2001 года № 115-ФЗ (ред. от 29 июля 2017 года) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 33 (часть I). – Ст. 3418.
10. О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции: Федеральный закон от 8 марта 2006 года № 40-ФЗ // Российская газета. – 2006. – 21 марта. – № 56.
11. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ (в редакции от 03 июля 2016 года) // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52. – Ст. 6228.
12. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Федеральный закон от 17 июля 2009 года № 172-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 29. – Ст. 3609.

13. О присоединении Российской Федерации к Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок: Федеральный закон от 1 февраля 2012 года № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 6. – Ст. 622.

14. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная указом Президента РФ от 31 декабря 2015 года № 683 // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 1 (часть II). – Ст. 212.

15. О мерах по противодействию коррупции: указ Президента РФ от 19 мая 2008 г. № 815 // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 21. – Ст. 2429.

16. Об утверждении перечня должностей федеральной государственной службы, при замещении которых федеральные государственные служащие обязаны предоставлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей: указ Президента РФ от 18 мая 2009 года № 557 (в редакции от 25 января 2017 года) // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 21. – Ст. 2542.

17. О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010 – 2011 годы: указ Президента РФ от 13 апреля 2010 года № 460 (ред. от 13.03.2012) // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 16. – Ст. 1875.

18. Вопросы Федеральной службы по финансовому мониторингу: положение о федеральной службе по финансовому мониторингу, утвержденное указом Президента РФ от 13 июня 2012 года № 808 // Официальный сайт Федеральной службы по финансовому мониторингу – URL: <http://www.fedsfm.ru/about/legal/752>.

19. О национальном плане противодействия коррупции на 2016-2017 годы: указ Президента РФ от 1 апреля 2016 года № 147 // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 14. – Ст. 1985.

20. О национальном плане противодействия коррупции на 2016-2017 годы: указ Президента РФ № 147 от 1 апреля 2016 года // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 14. – Ст. 1985.

21. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 года № 96 (в редакции от 18 июля 2015 года) // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 10. – Ст. 1084.

22. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности: постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 года № 345 (в редакции от 26 ноября 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 18 (часть IV). – Ст. 2188.

23. Об утверждении стратегии социально-экономического развития Приволжского федерального округа до 2020 года: распоряжение

Правительства РФ от 7 февраля 2011 года № 165-р // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 8. – Ст. 1142.

24. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2016 год и плановый период 2017-2018 гг. Министерства экономического развития Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

25. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года // СПС «КонсультантПлюс».

26. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года // СПС «КонсультантПлюс».

27. Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем: приказ Генеральной прокуратуры РФ № 309, МВД России № 566, ФСБ России № 378, ФСКН РФ № 318, ФТС РФ № 1460, Следственного комитета при прокуратуре РФ № 43, Росфинмониторинга № 207 от 05 августа 2010 года // СПС «КонсультантПлюс».

28. «Об утверждении Регламента информационного взаимодействия Банка России, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, правоохранительных и иных федеральных государственных органов Российской Федерации при выявлении и пресечении незаконных финансовых операций кредитных организаций и их клиентов: приказ Генеральной прокуратуры РФ, МВД России, ФСФМ РФ, ФНС РФ, ФСБ РФ, ФСКН РФ, ФТС РФ, Следственного комитета РФ, Центрального банка РФ от 12 марта 2013 года № 105/136/50/ММ-7-2/117/131/98/447/12/ОД-121 // СПС «КонсультантПлюс».

29. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генеральной прокуратуры РФ и МВД России от 1 февраля 2016 года № 65/11/1 // СПС «КонсультантПлюс».

30. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генпрокуратуры России № 738/11, МВД России № 3 от 25.12.2020 // СПС «КонсультантПлюс»

31. Об утверждении Порядка формирования и деятельности Комиссии территориального органа МВД России по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных гражданских служащих территориальных органов МВД России и работников организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед МВД России, и урегулированию конфликта интересов: приказ МВД России от 31 июля 2015 года № 804 (в редакции от 07 ноября 2016 года) // СПС «КонсультантПлюс».

32. Об утверждении Порядка уведомления в системе МВД России о фактах обращения в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений: приказ МВД России от 19 апреля 2010 года № 293 (в

редакции от 5 декабря 2016 года) // Российская газета. – 2010. – 13 июля. – № 152.

33. Об утверждении положения о Главном управлении экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 16 марта 2015 года № 340 // URL:

https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_jekonomich_heskoj_bezop/Polozhenie.

34. О проведении федеральными государственными органами оценки коррупционных рисков: письмо Министерства труда и социальной защиты РФ от 25 декабря 2014 года № 18-0/10/В-8980 // СПС «КонсультантПлюс».

35. Конституция Республики Татарстан 1992 года (в редакции Закона Республики Татарстан от 22 июня 2012 года № 40-ЗРТ) // СПС «КонсультантПлюс».

36. О противодействии коррупции в Республике Татарстан: закон Республики Татарстан от 04 мая 2006 года № 34-ЗРТ // Республика Татарстан. – 2006. – № 93.

37. Об утверждении Кодекса Республики Татарстан о муниципальной службе: закон Республики Татарстан от 25 июня 2013 года № 50-ЗРТ (в редакции от 18 декабря 2014 года) // URL: <http://anticorruption.tatarstan.ru/rus/anticorruption/documents/rt.htm>.

38. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года: закон Республики Татарстан от 17 июня 2015 года № 40-ЗРТ // Ведомости Государственного Совета Татарстана. – 2015. – № 6 (II часть). – Ст. 521.

39. О Стратегии антикоррупционной политики Республики Татарстан: указ Президента Республики Татарстан от 8 апреля 2005 года № УП-127 // Ведомости Государственного Совета Татарстана. – 2005. – № 4. – Апрель (II часть). – Ст. 460.

40. О Совете при Президенте Республики Татарстан по противодействию коррупции: указ Президента Республики Татарстан от 21 февраля 2011 года № УП-71 // Сборник постановлений и распоряжений Кабинета Министров Республики Татарстан и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти. – 2011. – № 13. – Ст. 0420.

41. О мерах по организации и проведению мониторинга эффективности деятельности органов исполнительной власти Республики Татарстан, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти по Республике Татарстан, органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Республики Татарстан по реализации антикоррупционных мер на территории Республики Татарстан: указ Президента Республики Татарстан от 23 марта 2011 года № УП-148 // Ведомости Государственного Совета Татарстана». – 2011. – № 3. – Ст. 284.

42. О Комиссии по соблюдению требований к должностному поведению лиц, замещающих государственные должности Республики Татарстан, и урегулированию конфликта интересов: указ Президента Республики Татарстан от 20 марта 2013 года № УП-241 (в ред. от 20 августа 2014 года) // URL: <http://anticorruption.tatarstan.ru/rus/anticorruption/documents/rt.htm>.

43. О Комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Республике Татарстан: указ Президента Республики Татарстан от 13 октября 2015 года № УП-986 // Сборник постановлений и распоряжений Кабинета министров Республики Татарстан и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти. – 2015. – № 78. – Ст. 2688.

44. Об организации и проведении мониторинга эффективности деятельности органов исполнительной власти Республики Татарстан, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти по Республике Татарстан, органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Республики Татарстан, иных государственных органов и организаций по реализации антикоррупционных мер на территории Республики Татарстан (вместе с Регламентом представления информации для осуществления мониторинга эффективности деятельности органов исполнительной власти Республики Татарстан, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти по Республике Татарстан, органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Республики Татарстан, иных государственных органов и организаций по реализации антикоррупционных мер на территории Республики Татарстан: постановление Кабинета министров Республики Татарстан от 10 июня 2011 года № 463 (в редакции от 30 августа 2014 года) // URL: <http://anticorruption.tatarstan.ru/rus/anticorruption/documents/rt.htm>.

45. О порядке сообщения отдельными категориями лиц о получении подарка в связи с их должностным положением или исполнением ими служебных (должностных) обязанностей, сдачи и оценки подарка, реализации (выкупа) и зачисления средств, вырученных от его реализации: распоряжение Президента Республики Татарстан от 27 января 2014 года № 94 // URL: <http://anticorruption.tatarstan.ru/rus/anticorruption/documents/rt.htm>.

46. О ротации государственных гражданских служащих Республики Татарстан: указ Президента Республики Татарстан от 6 декабря 2013 года № УП-1185 // URL: <http://anticorruption.tatarstan.ru/rus/anticorruption/documents/rt.htm>.

47. Об утверждении перечня должностей государственной гражданской службы Республики Татарстан, по которым предусматривается ротация государственных гражданских служащих Республики Татарстан: распоряжение Кабинета Министров Республики Татарстан от 27 декабря 2013 года № 1027 // Официальный сайт Комиссии по координации работы по

противодействию коррупции в Республике Татарстан.URL:
<http://anticorruption.tatarstan.ru/rus/anticorruption/documents/rt.htm>.

48. Концепция территориальной экономической политики Республики Татарстан до 2020 года // URL: http://mert.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_25254.doc.

Книги, монографии, сборники научных трудов

1. Аглямова Г.М. Коррупционная преступность в сфере местного самоуправления в Российской Федерации: монография / Г.М. Аглямова, М.В. Талан, Р.Н. Хамитов; под ред. д-ра юрид. наук, проф. Ф.Р. Сундурова. – Москва: Юрлитинформ, 2017. – 208 с.

2. Алексеев А.И. Российская уголовная политика: преодоление кризиса / А.И. Алексеев, В.С. Овчинский, Э.Ф. Побегайло. – Москва: Норма, 2006. – 144 с.

3. Богданов И.Я. Коррупция в России: социально-экономические и правовые аспекты / Богданов И.Я., Калинин А.П. – Москва, 2001. – 240 с.

4. Бодаренко И.А. Коррупция: экономический анализ на региональном уровне / И.А. Бодаренко. – Санкт-Петербург: Петрополис. – 88 с.

5. Борков В.Н. Преступления против осуществления государственных функций, совершаемые должностными лицами: монография / В.Н. Борков; под. науч. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.В. Векленко. – Москва: Юрлитинформ, 2016. – 344 с.

6. Вицин С.Е. Моделирование в криминологии. Учебное пособие / Вицин С.Е. – Москва: НИиРИО ВШ МВД СССР, 1973. – 104 с.

7. Волчкова И.В. Особенности социально-экономического развития городских агломераций в России: монография / И.В. Волчкова. – Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2013. – 92 с.

8. Гилинский Я.И. Девиантность, преступность, социальный контроль / Я.И. Гилинский // Избранные статьи. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. – 322 с.

9. Гилинский Я.И. Коррупция: теория и реальность / Я.И. Гилинский // Девиантность, преступность, социальный контроль. Избранные статьи. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. – 322 с.

10. Гилинский Я.И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль: монография / Я.И. Гилинский. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2009. – 504 с.

11. Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль / Я.И. Гилинский; 2-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2009. – 504 с.

12. Горшенков Г.Н. Криминология: научные инновации: монография / Г.Н. Горшенков. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2009 – 214 с.

13. Гостева С.Р. Коррупция в России: исторические корни, причины, состояние, основы современной нормативно-правовой базы противодействия / С.Р. Гостева, В.Ф. Рашкин. – Москва, 2010. – 325 с.
14. Демидов В.Н. Криминологическая характеристика преступности в России и Татарстане: учебное пособие / В.Н. Демидов. – Москва: ВНИИ МВД России, 1998. – 176 с.
15. Демидов В.Н. Криминологическое прогнозирование: анализ, методы и моделирование: монография / В.Н. Демидов, О.Э. Згадзай, С.Я. Казанцев, Н.Х. Сафиуллин. – Казань: КЮИ МВД России, 2001. – 200 с.
16. Демидов В.Н. Современные методы криминологического прогнозирования: учебное пособие / В.Н. Демидов, О.Э. Згадзай, С.Я. Казанцев, Н.Х. Сафиуллин. – Казань: КЮИ МВД России, 2003. – 97 с.
17. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество / А.И. Долгова. – Москва: Российская криминологическая ассоциация, 2003. – 572 с.
18. Жижиленко А.А. Курс уголовного права. Часть особенная: посягательства личные и имущественные / А.А. Жижиленко; 7-е изд., доп. и пересмотр. Петроград: Юридическое издательство при Петроградском университете. – 1916. – 446 с.
19. Жижиленко А.А. Преступления против имущества и исключительных прав / А.А. Жижиленко. – Ленинград: Рабочий суд. – 1928. – 212 с.
20. Здравомыслов Б.В. Актуальные проблемы уголовно-правовой борьбы с преступностью. Сборник научных трудов / Б.В. Здравомыслов. Москва: РИО ВЮЗИ. – 1988. – 142 с.
21. Зотов В.Б. Организация управления и самоуправления в крупнейших городах: современное состояние и проблемы / В.Б. Зотов. – 2-е изд. испр. и доп. – Москва: ГУУ; МГУУ Правительства Москвы, 2010. – 296 с.
22. Иванов А.М. Сравнительное исследование коррупционных и служебных преступлений: монография / А.М. Иванов, А.Г. Корчагин. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – 228 с.
23. Ишаков С.М. Правовое регулирование противодействия коррупции: учебник / С.М. Ишаков, В.А. Казакова. – Москва: Москва: Русайнс, 2022. – 182 с.
24. Ишаков С.М. Стратегии противодействия коррупции: классические и реальные / С.М. Ишаков, В.А. Казакова. – Москва: КноРус, 2019. – 192 с.
25. Кабанов П.А. Коррупция в взяточничество в России: исторические, криминологические и уголовно-правовые аспекты / П.А. Кабанов. – Нижнекамск: Гузель, 1995. – 87 с.
26. Кабанов П.А. Политическая коррупция в России: понятие, сущность, причины, предупреждение: монография / П.А. Кабанов. – Нижнекамск: Нижнекамский филиал МГЭИ, 2004. – 174 с.

27. Карпец И.И. Современные проблемы уголовного права и криминологии / И.И. Карпец. – Москва, Юридическая литература. – 1976. – 207 с.
28. Кириченко В.Ф. Ответственность за должностные преступления по советскому уголовному праву / В.Ф. Кириченко. – Москва, 1956. – 72 с.
29. Кирпичников А.И. Взятка и коррупция в России / А.И. Кирпичников. – Санкт-Петербург, 1998. – 352 с.
30. Клейменов М.П. Криминология: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / М.П. Клейменов. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2016. – 432 с.
31. Кобец П.Н. Предупреждение преступности в городе Москве: монография / П.Н. Кобец. – Москва: ВНИИ МВД России, 2011. – 154 с.
32. Коробейников Б.В. Избранные труды / сост. К.И. Амирбеков и др.; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – Москва, 2018. – 268 с.
33. Криминология. Особенная часть: учебник / под общ. ред. Ф.К. Зиннурова; 2-е изд., перераб. и доп. – Казань: КЮИ МВД России, 2016. – 525 с.
34. Криминология: учебник / Г.А. Аванесов; 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Изд-во Акад. МВД СССР, 1984. – 500 с.
35. Криминология: учебник / под общ. ред. А.И. Долговой; 3-е изд. перераб. и доп. – Москва: Норма, 2009. – 384 с.
36. Криминология: учебник / под ред. А.И. Долговой; 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: НОРМА, 2001. – 784 с.
37. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова; 3-е изд., перераб. и доп. – Москва, 2006.
38. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова; 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма, 2009. – 800 с.
39. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма, 2005. – 912 с.
40. Криминология: учебник для вузов / под ред. проф. В.Д. Малкова – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юстицинформ, 2011. – 544 с.
41. Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Г.А. Аванесова. – 5-е изд.; перераб. и доп. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – 575 с.
42. Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования: учебное пособие / В.Н. Кудрявцев. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2017. – 220 с.
43. Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии (О структуре индивидуального преступного поведения): монография / В.Н. Кудрявцев. – Москва: ТК Велби, Проспект, 2007. – 176 с.
44. Кудрявцев В.Н. Причины преступности в России. Криминологический анализ / В.Н. Кудрявцев, В.Е. Эминов. – Москва: Норма, 2006. – 112 с.

45. Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации / Н.Ф. Кузнецова; под ред. В.Н. Кудрявцева. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 208 с.
46. Курлович П.Н. Криминологические факторы городской среды: опыт и перспективы исследования: монография / П.Н. Курлович. – Казань: КЮИ МВД России, 2013. – 104 с.
47. Ларичев В.Д. Предупреждение взяточничества в таможенной сфере: монография / В.Д. Ларичев, Р.Р. Осокин. – Москва: Юрлитинформ, 2017. – 168 с.
48. Латентная преступность в Российской Федерации: 2001 – 2006 / под ред. С.М. Иншакова. – Москва: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2007. – 351 с.
49. Лопашенко Н.А. Уголовная политика / Н.А. Лопашенко. – Москва: Волтерс Клувер, 2009. – 608 с.
50. Лунеев В.В. Криминология: учебник для академического бакалавриата / В.В. Лунеев. – Москва: Юрайт, 2016. – 686 с.
51. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии. В 2 т. Т. 1. Общая часть. В 2 кн. Книга 2: учебник для магистров / В.В. Лунеев. – Москва: Юрайт, 2015. – 551 с.
52. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учебник. Т. 1. Общая часть / В.В. Лунеев. – Москва: Юрайт, 2011. – 1003 с.
53. Лунеев В.В. Эпоха глобализации и преступность: монография / В.В. Лунеев. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2017. – 272 с.
54. Ляпунов Ю.И. Советское уголовное право. Часть общая: Советский уголовный закон, понятие преступления по советскому уголовному праву: учебно-практическое пособие / Ю.И. Ляпунов; отв. ред.: Кириченко В.Ф. – Москва, 1968. – 54 с.
55. Максаковский В.П. Географическая картина мира. Книга II: Региональная характеристика мира: пособие для вузов / В.П. Максаковский; 4-е изд. – Москва: Дрофа, 2008. – 495 с.
56. Мельникова В.Е. Должностные преступления. Вопросы уголовно-правовой квалификации: учебное пособие / В.Е. Мельникова; отв. ред.: Б.В. Здравомыслов. – Москва, 1985. – 97 с.
57. Милуков С.Ф. Российской уголовное законодательство. Опыт критического анализа / С.Ф. Милуков. – Санкт-Петербург: СПбИВЭСП, Знание. – 2000. – 279 с.
58. Мишин Г.К. Коррупция: понятие, сущность, меры ограничения / Мишин Г.К. – Москва: Академия МВД СССР. – 1991. – 248 с.
59. Нафиков И.С. Теневая экономика и организованная преступность в условиях крупного города: монография / И.С. Нафиков; под науч. ред. заслуженного деятеля науки РФ, д-ра юр. наук, проф. В.П. Малкова. – Казань: Познание, 2012. – 379 с.
60. Овчинский А.С. Информационные воздействия и организованная преступность / А.С. Овчинский. – Москва, 2007. – 176 с.

61. Овчинский С.С. Преступное насилие. Преступность в городах. / С.С. Овчинский. – Москва: ИНФРА-М, 2016. – 408 с.

62. Папиашвили Ш.Г. Должностные преступления в теории уголовного права, законодательстве и судебной практике / Ш.Г. Папиашвили. – Тбилиси: Изд-во Тбил. Ун-та. – 1988. – 302 с.

63. Перцик Е.Н. Города мира: география мировой урбанизации: учебное пособие для геогр. специальностей вузов / Е.Н. Перцик. – Москва: Междунар. отношения, 1999. – 380 с.

64. Плохов С.В. Противодействие коррупционной преступности в социальной сфере: криминологический анализ коррупции в областях здравоохранения и образования: монография / С.В. Плохов; под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н.А. Лопашенко. – Москва: Юрлитинформ, 2015. – 264 с.

65. Правовые основы противодействия коррупции: международные и национальные стандарты и инициативы: научно-практическое пособие в 2 томах / Т.Я. Хабриева, Р.А. Курбанов, Н.А. Абузярова и др. – Москва: ИНФРА-М, 2021. – 522 с.

66. Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел: учебник для студентов, обучающихся по направлениям подготовки «Юриспруденция» и «Правоохранительная деятельность» / под ред. В.Я. Кикотя, С.Я. Лебедева; 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 639 с.

67. Проблемы организации и осуществления прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции: материалы научно-практического семинара. Москва: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – 2009. – 168 с.

68. Профилактика коррупционных преступлений среди сотрудников органов внутренних дел / сост. Р.Р. Алиуллов, О.И. Кудасова. – Казань: КЮИ МВД России, 2015. – 56 с.

69. Светлов А.Я. Ответственность за должностные преступления / А.Я. Светлов; отв. ред. И.П. Лановенко. – Киев: Наукова думка, 1978. – 303 с.

70. Сидоров Б.В. Коррупция и противодействие коррупции: законодательное определение, критический анализ и вопросы совершенствования антикоррупционного законодательства / Б.В. Сидоров, В.Г. Киришин; под общ. ред. Б.В. Сидорова. – Казань: Центр инновационных технологий, 2009. – 100 с.

71. Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью / науч. ред. В.Н. Бурлаков, Б.В. Волженкин. – Санкт-Петербург: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. – 592 с.

72. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности: монография / под ред. С.М. Иншакова. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. – 839 с.

73. Трунцевский Ю.В. Конституционно-правовые основы противодействия коррупции: учебное пособие / Ю.В. Трунцевский, А.К. Есаян. – Москва: Юрайт, 2021. – 481 с.

74. Утевский Б.С. Общее учение о должностных преступлениях / Б.С. Утевский. – Москва, 1948. – 440 с.

75. Шегабудинов Р.Ш. Организованной экономической преступность, сопряженная с коррупцией. Состояние, тенденции и меры борьбы с ней: монография / Р.Ш. Шегабудинов. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. – 279 с.

76. Шестаков Д.А. Введение в криминологию закона / Д.А. Шестаков. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2011. – 75 с.

77. Эминов В.Е. Организованная преступность и коррупция: российские реалии и пути противодействия / В.Е. Эминов, С.В. Максимов. – Москва: Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Институт проблем развития науки РАН. – Москва: Проспект, 2019. – 96 с.

78. Эстрин А.Я. Должностные преступления / А.Я. Эстрин. – Москва: Юридическое издательство НКЮ РСФСР. – 1928. – 108 с.

79. Яни П.С. Угроза уголовной ответственности как наиболее эффективное средство борьбы с преступностью / П.С. Яни // Преступность и коррупция: современные российские реалии. – Саратов: Сателлит, 2008. – 428 с.

Статьи из периодических изданий

1. Алексеев А.Ю. Современный опыт формирования городских агломераций / А.Ю. Алексеев, С.В. Соколова, С.В. Шапошников // Вестник ГУУ. – 2014. – № 16. – С. 88 – 92.

2. Артюшина О.В. Административная преюдиция в контексте изменений в регламентации ответственности за побои / О.В. Артюшина // Ученые записки КЮИ МВД России. – 2016. – Т. 1. – № 2. – С. 209 – 210.

3. Артюшина О.В. Вымогательство мелкой взятки или предмета мелкого коммерческого подкупа: проблемы уголовного законодательства (на основе изменений от 3 июля 2016 года) / О.В. Артюшина // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по противодействию коррупции: материалы Всероссийского круглого стола (г. Казань, 9 декабря 2016 г.). – Казань: КЮИ МВД России, 2017. – С. 22-24.

4. Ахунов Д.Р. «Закамские» агломерации Республики Татарстан как объект криминологических исследований преступности / Д.Р. Ахунов // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 2 (93). – С. 288-291.

5. Бадалов А.Э. Проблемы внутриотраслевой систематизации уголовно-правового регулирования ответственности за посредничество во взяточничестве / А.Э. Бадалов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2016. – № 1-2. – С. 77-82.

6. Бадрутдинов М.С. Борьба с коррупцией: опыт Республики Татарстан / М.С. Бадрутдинов, С.Ф. Рахимов // Журнал российского права. – 2012. – № 12. – С. 60-68.
7. Безверхов А.Г. Административная преюдициальность в уголовном праве России: истоки, реалии, перспективы / А.Г. Безверхов // Вестник Самарской гуманитарной академии. – 2011. – № 2 (10). – С. 39 – 52.
8. Белов С.Д. Уголовное преследование за посредничество во взяточничестве / С.Д. Белов, Н.В. Чекмачева // Законность. – 2011. – № 10. – С. 41 – 44.
9. Борков В.Н. Новая редакция норм об ответственности за взяточничество: проблемы применения / В.Н. Борков // Уголовное право. – Москва: Юридические программы. – 2011. – № 4. – С. 9-14.
10. Быков В.А. Антикоррупционные возможности финансовой разведки России / В.А. Быков // Сборник научных трудов по материалам международной очно-заочной научно-практической конференции «Финансы: уроки истории и вызовы современности» (3-4 декабря 2014 г.). под общ. ред. Л.В. Вороновой. – Ярославль: Ярославская ГСХА, 2015. – С. 24-27.
11. Ванцев В.А. Этапы развития понятия коррупция / В.А. Ванцев // Современная уголовная политика в сфере борьбы с транснациональной организованной преступностью и коррупцией. Материалы третьего парламентского международного круглого стола по проблемам борьбы с транснациональной преступностью: сборник статей. – Москва: Центр ЮрИнфоР, 2002. – С. 107-118.
12. Варыгин А.Н. Коррупция в органах внутренних дел / А.Н. Варыгин // Трансформация права и правоохранительной деятельности в условиях развития цифровых технологий в России, странах СНГ и Европейского союза: проблемы законодательства и социальной эффективности: Материалы VI Международной научно-практической конференции преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов (СГУ им. Н.Г. Чернышевского), Саратов, 12 апреля 2019 года. – Саратов: Саратовский источник, 2019. – С. 74-77.
13. Ведерникова О.Н. Антикоррупционная политика России: с чего начать? / О.Н. Ведерникова // Общественные науки и современность. – 2005. – № 3. – С. 119-128.
14. Вешкина Э.Ю. Межрегиональная интеграция как фактор развития социально ориентированной экономики / Э.Ю. Вешкина // Социально-политические науки. – 2012. – № 1. – С. 184-187.
15. Волженкин Б.В. Допустима ли провокация как метод борьбы с коррупцией? / Б.В. Волженкин // Следователь. – 2007. – № 2. – С. 2.
16. Волженкин Б.В. Коррупционная преступность / Б.В. Волженкин // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 1999. – С. 406 – 407.
17. Волженкин Б.В. Обычный подарок или взятка? / Б.В. Волженкин // Законность. – 1997. – № 4. – С. 25-27.

18. Воронин М.Ю. Отдельные аспекты реализации уголовной политики в сфере противодействия коррупции в органах внутренних дел / М.Ю. Воронин, Е.С. Смольянинов // Российский следователь. – 2019. – № 7. – С. 61-63.

19. Воронцова С.В. Проблема предупреждения преступлений в сфере электронных платежей / С.В. Воронцова // Российская юстиция. – 2009. – № 7. – С. 51 – 53.

20. Гаврилов Б.Я. К вопросу о социальной справедливости уголовно-правовых санкций за коррупционные преступления / Б.Я. Гаврилов // Уголовно-правовое воздействие как специальная целенаправленная деятельность государства: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Тольятти, 26 ноября 2021 года / Тольяттинский государственный университет; Институт права. – Тольятти: Самара, 2021. – С. 192-204.

21. Гаврилов Б.Я. Мифы и реалии правоприменения при назначении наказания за коррупционные преступления / Б.Я. Гаврилов // Эффективность уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности. Материалы XII Российского конгресса уголовного права. Москва: Юрлитинформ. – 2020. – С. 34-38.

22. Гаврилов Б.Я. Об эффективности законодательства уголовно-правового комплекса в противодействии коррупции / Б.Я. Гаврилов // Эффективное противодействие преступности в условиях глобализации: проблемы и перспективы: Материалы XXV Международной научно-практической конференции, Краснодар, 21–22 мая 2021 года. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2021. – С. 80-87.

23. Гаврилов Б.Я. Теоретико-прикладные аспекты противодействия коррупции: позиция законодателя и мнение ученого / Б.Я. Гаврилов // Актуальные проблемы публичного права: сборник научных трудов, 18 – 19 ноября 2021 года. Владимир: Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. – Владимир: КопиА-Сервис, 2022. – С. 52-62.

24. Гаврилов Б.Я. Уголовно-правовые санкции и практика их реализации при противодействии отдельным видам коррупционных преступлений / Б.Я. Гаврилов, Е.В. Рогова // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15. – № 5. – С. 543-554.

25. Газимзянов Р.Р. Коррупционные проявления при реализации национальных проектов в Республике Татарстан и меры противодействия им: анализ экспертных оценок / Р.Р. Газимзянов // Актуальные проблемы экономики и права». – 2011. – № 4. – С. 31-33.

26. Ганеева Ж.Г. Определение понятия «Мониторинг» в различных сферах его применения / Ж.Г. Ганеева // Вестник ЧелГУ. – 2005. – № 1. – С. 30-33.

27. Гарбатович Д.А. Посредничество во взяточничестве: преобразованный вид пособничества / Д.А. Гарбатович // Москва: Юридические программы, 2011, № 5. – С. 4-8.

28. Гарипов И.М. Анализ статистических показателей о жертвоприношении коррупции в Республике Татарстан (2007-2009 гг.) / И.М. Гарипов, П.А. Кабанов // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2012. – № 9. – С. 4-9.

29. Гаухман Л.Д. Коррупция и коррупционное преступление / Л.Д. Гаухман // Законность. – Москва, 2000, № 6. – С. 2-6.

30. Герасимов С.И. Об опыте работы органов власти Республики Татарстан по противодействию коррупции / С.И. Герасимов // Уголовное право. – 2007. – № 5. – С. 99-103.

31. Голосенко И.А. Феномен русской взятки: очерк истории отечественной социологии чиновничества / И.А. Голосенко // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – № 3 – С. 105-119.

32. Горшенков А.Д. Экономическая безопасность и криминологический мониторинг / А.Д. Горшенков // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2008. – № 1 (8). – С. 151-157.

33. Двойменный И.А. Типология и систематизация регионов как объектов криминологического исследования / И.А. Двойменный // Регион: системы, экономика, управление. 2014. № 1 (24). – С. 142-144.

34. Денисенко М.В. Проблемы административной преюдиции в уголовном законе / М.В. Денисенко, С.М. Трейгер // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 2. – С. 107 – 109.

35. Долгова А.И. Региональное изучение преступности и некоторые криминологические проблемы Крайнего Севера / А.И. Долгова // Криминологические проблемы регионов Крайнего Севера России. Под редакцией профессора А.И. Долговой. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Москва: Российская криминологическая ассоциация, 2015. – С. 9-22.

36. Егорова Н.А. Уголовная ответственность за посредничество во взяточничестве / Н.А. Егорова, А.С. Икрянникова // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2011. – № 4 (19). – С. 69-74.

37. Епихин А.Ю. Основные тенденции противодействия коррупции в сфере уголовно-процессуальной деятельности / А.Ю. Епихин // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2018. – Т. 28. – № 1. – С. 110-113.

38. Жилина И.Ю. Коррупция в России - что дальше? / И.Ю. Жилина // ЭСПР. – 2010. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korruptsiya-v-rossii-chto-dalshe>.

39. Жилина И.Ю. Противодействие коррупции: опыт и проблемы / И.Ю. Жилина, М.А. Положихина // РСМ. – 2010. – №3. – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-korrupsii-opyt-i-problemy> (дата обращения: 23.09.2022).

40. Иншаков С.М. Зарегистрированная и фактическая преступность в Российской Федерации / С.М. Иншаков // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2007. – № 1 (1). – С. 42-45.

41. Иншаков С.М. Уголовно-правовые аспекты исследования коррупции / С.М. Иншаков, В.А. Казакова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2019. – № 1 (830). – С. 236-245.

42. Иншаков С.М. Криминологическое страноведение как направление научного познания преступности / С.М. Иншаков // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15. – № 2. – С. 159-166.

43. Кабанов П.А. Виктимологическое измерение состояния коммерческой коррупции в Республике Татарстан (анализ статистических показателей 2007 -2011 гг.) / П.А. Кабанов, И.М. Гарипов, Р.Р. Магизов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2014. – № 2 (33). – С. 51-56.

44. Казакова В.А. Предупреждение и пресечение коррупции гражданско-правовыми мерами / В.А. Казакова, С.М. Иншаков // Научный портал МВД России. – 2019. – № 4 (48). – С. 30-34.

45. Капинус О.С. Изменения в законодательстве о должностных преступлениях: вопросы квалификации и освобождения взяткодателя от ответственности / О.С. Капинус // Уголовное право. – 2011. – № 2. – С. 21-26.

46. Клейменов И.М. Криминологический мониторинг / И.М. Клейменов // Вестник Омского университета. Серия «Право». – № 1 (50). – 2017. – С. 200-203.

47. Клейменов М.П. Анализ общественного мнения о криминологической ситуации в регионе / М.П. Клейменов, М.С. Фокин // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2013. – № 4 (37). – С. 123-126.

48. Клейменов М.П. Феномен служебной организованной преступности / М.П. Клейменов, И.М. Клейменов, А.И. Кондин // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2016. – № 4 (49). – С. 184-189.

49. Клишков В.Б. Криминологический мониторинг: значение, этапы, методика / В.Б. Клишков, В.В. Пасынков, Е.В. Стебенева // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – № 4 (76). – 2017. С. 122-127.

50. Кобец П.Н. Анализ криминогенной ситуации в России середины второго десятилетия XXI столетия (основные тенденции, факторы преступности, прогноз развития криминогенной ситуации) / П.Н. Кобец // Юридическая наука. – 2017. – № 1. – С. 68-71.

51. Кобец П.Н. О необходимости комплексного криминологического исследования преступности в Московском мегаполисе в условиях начала третьего тысячелетия / П.Н. Кобец // Теория и практика науки третьего

тысячелетия: сборник статей Международной научно-практической конференции – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – С. 8-10.

52. Козлов Ю.Г. Коррупция: криминологические и социально-политические аспекты. (Начало) / Ю.Г. Козлов // Право. – Москва, 1998. – № 1. – С. 12-15.

53. Козловцев А.А. Причины и условия коррупции (по материалам Ставропольского края) / А.А. Козловцев // Проблемы организации и осуществления прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции: материалы науч.-практич. Семинара. Москва: Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2009. – С. 110-113.

54. Кокунова С.Д., Кокунов А.И. Криминологическое прогнозирование коррупции: проблемы и перспективы / С.Д. Кокунова, А.И. Кокунов // Национальная безопасность / nota bene. – № 5. – 2018. – С. 17-26.

55. Колесников А.В. Опыт формирования кластерных агломераций в Китае / А.В. Колесников // Дискуссия. – 2012. – № 4. – С. 46-51.

56. Колосова В.И. Административная преюдиция как средство предупреждения преступлений и совершенствования уголовного законодательства / В.И. Колосова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – № 5 (1). – С. 246-254.

57. Комиссаров В.С. Провокационно-подстрекательская деятельность в отношении должностного лица как обстоятельство, исключающее ответственность за получение взятки / В.С. Комиссаров, П.С. Яни // Законность. – 2010. – № 9. – С. 3-8.

58. Кондратюк Л.В. Еще раз о криминологическом понятии преступности и преступления / Л.В. Кондратюк, В.С. Овчинский // Журнал российского права. – 2004. – № 9. – С. 113-119.

59. Королева М.В. Коррупция как фактор самодетерминации преступности / М.В. Королева // Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы, Москва, 27–28 января 2015 года / Российская криминологическая ассоциация. – Москва: Российская криминологическая ассоциация, 2015. – С. 71-78.

60. Кузнецова Н.Ф. Кодификация норм о хозяйственных преступлениях / Н.Ф. Кузнецова // Вестник Московского университета. – 1993, – № 4. – С. 12-21.

61. Куликов В. Рейтинг взяточников / В. Куликов // Российская газета. – 2009. – № 13 (4837).

62. Лебедев С.Я. Криминологические предпосылки и перспективы научного обеспечения развития системы общественной безопасности в Южном регионе России («Новая криминология российского юга») / С.Я. Лебедев // Современные проблемы уголовной политики: материалы VI Международной научно-практической конференции. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. – С. 95-103.

63. Лола А. Принципы управления крупнейшим городом / А. Лола // Регионы: управление и развитие. – 1997. – № 2. – С. 73-80.
64. Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в российском уголовном праве – нет! / Н.А. Лопашенко // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. – 2011. – № 3 (23). – С. 64-81.
65. Лопашенко Н.А. Взятничество: проблемы квалификации / Н.А. Лопашенко // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2001. – № 6 (239). – С. 105-116.
66. Лопашенко Н.А. О понятии «экономическая преступность» / Н.А. Лопашенко // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 2. – С. 161-168.
67. Лопашенко Н.А. Теоретическая модель особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: основные положения структуры и содержания / Н.А. Лопашенко, Е.В. Кобзева, К.М. Хутов, Р.О. Долотов // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11, № 1. – С. 109-118.
68. Лукашук И.И. Международно-правовые формы борьбы с коррупцией / И.И. Лукашук // Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы. Сборник материалов международной научно-практической конференции (г. Москва, 9-10 сентября 1999 г.). – Москва: Юрист, 2001. – С. 84-98.
69. Майоров А.В. О совершенствовании системы уголовно-правовых мер, направленных на противодействие коррупции / А.В. Майоров // Теория и практика противодействия преступности. – 2015. – № 3 (6). – С. 67-64.
70. Маликов Р.И. Институциональная коррупция в России: методология анализа / Р.И. Маликов // Общество и экономика. – 2005. – № 1. – С. 193-218.
71. Малков В.П. Административная и дисциплинарная преюдиция как средства декриминализации криминализации в уголовном праве / В.П. Малков // Проблемы в российском законодательстве. – 2008. – № 2. – С. 195-198.
72. Малков В.П. Еще раз о противодействии коррупционной и иной преступности наказанием в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью / В.П. Малков // Актуальные проблемы экономики и права. – 2007. – № 3 (3). – С. 161-170.
73. Малков В.П. Итоговая научная конференция Казанского государственного университета им В.И. Ульянова-Ленина за 1964 год: сборник / В.П. Малков // Казань. – 1966. – С. 81 – 89.
74. Малков В.П. Неоднократность правонарушения и административная преюдиция как средства криминализации и декриминализации содеянного в российском уголовном праве / В.П. Малков // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. – 2016. – Т 2. – С. 186-193.
75. Мацкевич И.М. Механизмы противодействия коррупционным рискам в учреждениях, исполняющих наказания / И.М. Мацкевич, Е.А. Антонян, И.И. Аминов. – Москва: Научный консультант, 2017. – 178 с.

76. Мацкевич И.М. Мифы и реалии коррупции / И.М. Мацкевич // Уголовный кодекс Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития: сборник статей (к 20-летию принятия), Орехово-Зуево, 19–20 мая 2016 года. – Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2016. – С. 82-87.

77. Мацкевич И.М. Организованная преступность и коррупция: что нового? / И.М. Мацкевич, О.В. Мацкевич // Антикоррупционная безопасность: выявление угроз и стратегия обеспечения: Сборник научных статей по итогам V Сибирского антикоррупционного форума, Красноярск, 19 – 20 декабря 2020 года / отв. ред. И.А. Дамм, Е.А. Акунченко. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2020. – С. 136-144.

78. Минат В.Н. Урбоориентированное инновационное развитие территорий США / В.Н. Минат // Развитие территорий. – 2021. – № 3 (25). – С. 61-72.

79. Мишин Г.К. О теоретической разработке проблемы коррупции / Г.К. Мишин // Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы. Сборник материалов международной научно-практической конференции (г. Москва, 9-10 сентября 1999 г.). – Москва: Юристъ, 2001. – С. 263-271.

80. Муратова Н.Г. Понятие и признаки коррупции по уголовному законодательству зарубежных стран / Н.Г. Муратова // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – Т. 152. – № 4. – С. 198-203.

81. Муратова Н.Г. Пределы уголовно-процессуального доказывания коррупционных фактических обстоятельств / Н.Г. Муратова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2009. – № 12. – С. 18-21.

82. Назаренко Г.В. Политика противодействия коррупции уголовно-правовыми средствами / Г.В. Назаренко // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – Т. 10. – № 6. – С. 129-134.

83. Наумов А.В. О понятии эффективности уголовной политики в сфере противодействия коррупции, терроризму и экстремизму / А.В. Наумов // Первый Ярославский юридический форум: сборник научных статей по вопросам уголовного права и процесса, Ярославль, 01–02 октября 2021 года / Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова. – Ярославль: Общество с ограниченной ответственностью «Филигрань», 2021. – С. 80-88.

84. Нафиков И.С. Государственно-правовое регулирование процессов ограничения и сужения сферы теневой экономики (из опыта Республики Татарстан) / И.С. Нафиков // Вестник Казанского технологического университета. – 2012. – Т. 15, № 7. – С. 210-213.

85. Нафиков И.С. Меры по ограничению сферы теневой экономики и противодействию организованным формам коррупции на муниципальном уровне (на примере деятельности прокуратуры г. Казани) / И.С. Нафиков // Актуальные проблемы экономики и права». – 2012. – № 4. – С. 76-80.

86. Нафиков И.С. Социально-экономические факторы как индикаторы организованной «тенизации» экономики и повышенной коррупционности территорий / И.С. Нафиков // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права: межвузовский сборник научных трудов. под общей редакцией А.Г. Безверхова. – Самара, 2013. – С. 211-216.

87. Никонов П.В. К вопросу о некоторых проблемах уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве (ст. 291¹ УК РФ) / П.В. Никонов // Сибирский юридический вестник. – 2012. – № 2 (57). – С. 112-117.

88. Никонов П.В. Посредничество во взяточничестве (ст. 291¹ УК РФ): анализ некоторых проблем правоприменения / П.В. Никонов // Сибирский юридический вестник. – 2015. – № 2 (69). – С. 63-69.

89. Номоконов В.А. Corruption System against Russia / В.А. Номоконов // Journal of siberian federal university. Humanities and social sciences. – Т. 13 – № 10. – 2020. – С. 1638-1643.

90. Номоконов В.А. Коррупциогенные факторы в сфере образования / В.А. Номоконов // Актуальные вопросы противодействия коррупции в сфере образования: Сборник научных статей по материалам IV Сибирского антикоррупционного форума. Ответственные редакторы И.А. Дамм, Е.А. Акунченко. – 2019. – С. 42-47.

91. Номоконов В.А. Коррупционная система против безопасности России / В.А. Номоконов // Антикоррупционная безопасность: выявление угроз и стратегия обеспечения Сборник научных статей по итогам V Сибирского антикоррупционного форума. Отв. редакторы И.А. Дамм, Е.А. Акунченко. – 2020. – С. 164-172.

92. Номоконов В.А. Организованная преступность в Дальневосточном регионе: острая ситуация / В.А. Номоконов, Г.Ф. Маслов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2012. – № 4 (27). – С. 75-86.

93. Окрепилов В.В. Процессы урбанизации в контексте закономерностей пространственного развития муниципальных образований, находящихся в зоне влияния крупных мегаполисов / В.В. Окрепилов, С.В. Кузнецов, Н.М. Межевич, М.А. Свириденко // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2019. – № 4 – С. 42-52.

94. Панкратов А.Ю. Мониторинг коррупции и мер реализации антикоррупционной политики в Республике Татарстан: вопросы теории и практики / А.Ю. Панкратов // Актуальные проблемы экономики и права. – 2011. – № 3. – С.255-259.

95. Перцик Е.Н. Особенности структуры урбанизации Японии и формирование технополисов / Е.Н. Перцик, С.И. Кабакова // Инновации и инвестиции. – 2016. – № 3. – С. 39-43.

96. Петрова Ю.И. Развитие московской агломерации с учётом зарубежного опыта. Основные шаги и инновации / Ю.И. Петрова, А.А. Хасунцев, А.Е. Баракин, М.С. Фомина // ТДР. – 2014. – № 1 – С. 162-164.

97. Победин А.А. Перспективы межмуниципального сотрудничества при развитии городских агломераций: опыт зарубежных стран и России / А.А. Победин // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. – 2013. – № 4. – С. 44-48.

98. Подольный Н.А. Корпоративная коррупция: обоснование проблемы / Н.А. Подольный, Н.Н. Подольная // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т. 10, № 3. – С. 521-530.

99. Посулихина Н.С. Роль и значение решений Конституционного суда Российской Федерации в механизме противодействия коррупции / Н.С. Посулихина // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2013. – № 2-2. – С. 171-176.

100. Селиванов А.И. Геополитические и геоэкономические причины коррупции в России / А.И. Селиванов // Государственная власть и самоуправление. – 2010. – № 5. – С. 35-44.

101. Сидоров Б.В. Системный подход к решению проблем противодействия коррупции / Б.В. Сидоров // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – № 1. – С. 109-117.

102. Ситникова А.И. Меры противодействия коррупционным преступлениям уголовно-правовыми средствами / А.И. Ситникова // Актуальные проблемы противодействия коррупции на современном этапе: материалы МНПК 21 мая 2010, г. Орел / науч. ред. А.А. Лабейкин. – Орел: Образование и общество, 2010. – 272 с.

103. Сокольский О.Э. Значение криминологического анализа в борьбе со взяточничеством / О.Э. Сокольский // Борьба с должностными преступлениями. – Москва, 1977. – С. 86-87.

104. Сокольский О.Э. Об особенностях выявления и расследования взяточничества в высших учебных заведениях / О.Э. Сокольский // Следственная практика, 1975. – С. 9-19.

105. Строев П.В. Институциональный механизм и инструменты управления агломерациями в Бразилии / П.В. Строев, М.И. Кан // Финансы: теория и практика. – 2016. – №4. – С. 130-136.

106. Талан М.В. Преступления в сфере экономической деятельности, совершаемые должностными лицами, как проявление коррупции / М.В. Талан // Государственный аудит. Право. Экономика. – 2012. – № 2. – С. 102-109.

107. Талан М.В. Посредничество во взяточничестве в уголовном праве России / М.В. Талан, И.А. Тарханов // Уголовное право. – 2013. – № 5. – С. 105-107.

108. Ткачев Е.В. Особенности развития агломераций Китая / Е.В. Ткачев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 6. – С. 177-180.

109. Хабриева Т.Я. Историческая перспектива конституционализации правовых ориентиров противодействия коррупции / Т.Я. Хабриева // Вопросы истории. – 2022. – № 1-1. – С. 270-282.

110. Хабриева Т.Я. Противодействие коррупции: рациональная картина и архитектура доктринального знания / Т.Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26. – № 7. – С. 5-18.

111. Чучаев А.И. Совершенствование уголовно-правовой охраны предпринимательской деятельности / А.И. Чучаев, С.Ю. Иванова, Г.С. Аванесян // Российский юридический журнал. – 2000. – № 2(26). – С. 77-84.

112. Чучаев А.И. Конвенционные преступления против государственной власти в уголовном законодательстве России / А.И. Чучаев, А.К. Князькина // Психология. Экономика. Право. – 2012. – № 1. – С. 110-118.

113. Якушин В.А. Мотивы и цели преступления не только предметы научного исследования, но и признаки субъективной стороны, определяющие пределы субъективного вменения и квалификацию содеянного (преступления) / В.А. Якушин // XVIII Международная научно-практическая конференция «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики». – 2021. – С. 247-249.

114. Яни П.С. Посредничество во взяточничестве / П.С. Яни // Законность. – 2011. – № 9. – С. 12-18.

Диссертации и авторефераты

1. Абдулмуслимов М.А. Противодействие коррупции в сфере недружественных корпоративных слияний и поглощений (рейдерских захватов): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.А. Абдулмуслимов. – Москва, 2015. – 19 с.

2. Абызов К.Р. Проблемы криминологического прогнозирования и предупреждения региональной преступности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / К.Р. Абызов. – Москва, 2004. – 28 с.

3. Аглямова Г.М. Криминологическая характеристика коррупционной преступности в сфере местного самоуправления и ее предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Г.М. Аглямова. – Казань, 2016. – 38 с.

4. Акунченко Е.А. Криминологическая характеристика и предупреждение коррупционной преступности в избирательном процессе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук / Е.А. Акунченко. – Красноярск, 2018. – 272 с.

5. Александрова И.А. Современная уголовная политика по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / И.А. Александрова. – Нижний Новгород, 2016. – 60 с.

6. Алишаев Э.А. Трансформация системы коррупционных отношений в экономике рыночной ориентации: автореф. ... канд. экон. наук / Э.А. Алишаев. – Москва, 2011. – 32 с.

7. Амнинова Т.Ю. Управление малыми городскими агломерациями в условиях региональной экономики: автореф. дис. ... канд. экон. наук / Т.Ю. Амнинова. – Волгоград, 2009. – 25 с.
8. Аникин А.А. Взяточничество как коррупционное преступление и меры противодействия ему: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Аникин. – Владивосток, 2009. – 31 с.
9. Аникина Ю.А. Управление социально-экономической дифференциацией в городской агломерации: автореф. дис. ... канд. экон. наук / Ю.А. Аникина. – Красноярск, 2010. – 23 с.
10. Антонова А.А. Методические подходы к оценке агломерационного развития регионов России: дис. ... канд. экон. наук / А.А. Антонова. – Санкт-Петербург, 2013. – 23 с.
11. Астанин В.В. Антикоррупционная политика России: криминологические аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В.В. Астанин. – Москва, 2009. – 38 с.
12. Багмет М.А. Противодействие коррупции в полиции (криминологическое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.А. Багмет. – Москва, 2014. – 24 с.
13. Бадалов А.Э. Обеспечение требований системного подхода при установлении и реализации ответственности за преступления коррупционного характера: дис. ... канд. юрид. наук / А.Э. Бадалов. – Краснодар, 2021. – 246 с.
14. Балеев А.Н. Ответственность за организационную преступную деятельность по российскому уголовному праву: диссертация. ... канд. юрид. наук / А.Н. Балеев. – Казань, 2000. – 215 с.
15. Балян Э.В. Специфика противодействия теневым экономическим отношениям и коррупции в сфере природопользования: автореф. ... канд. экон. наук / Э.В. Балян. – Тамбов, 2012. – 23 с.
16. Блувштейн Ю.Д. Методологические проблемы изучения преступности и личности преступника: логико-математический аспект: дис. ... д-ра юрид. наук / Ю.Д. Блувштейн. – Москва, 1974. – 467 с.
17. Богуш Г.И. Коррупция и международное сотрудничество в борьбе с ней: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Г.И. Богуш. – Москва, 2004. – 28 с.
18. Борисов О.А. Коррупция как угроза экономической безопасности России: автореф. ... канд. экон. наук / О.А. Борисов. – Санкт-Петербург, 2009. – 25 с.
19. Борков В.Н. Преступления против осуществления государственных функций, совершаемых должностными лицами: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В.Н. Борков. – Омск, 2015. – 40 с.
20. Борцев В.В. Коррупция: контагиозность, последствия и методы противодействия: автореф. ... канд. экон. наук / В.В. Борцев. – Москва, 2014. – 27 с.
21. Волков А.А. Коррупция военнослужащих (на материалах Дальнего Востока): дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Волков. – Красноярск, 2020. – 256 с.

22. Выпханова Г.В. Организационно-правовые вопросы охраны окружающей среды городов и городских агломераций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Г.В. Выпханова. – Москва, 1990. – 26 с.
23. Газимзянов Р.Р. Коррупционная преступность в Республике Татарстан на рубеже веков (криминологическое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Р.Р. Газимзянов. – Нижний Новгород, 2005. – 32 с.
24. Головкин С.А. Противодействие коррупционной преступности в России: ретроспектива, современность и перспективы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.А. Головкин. – Тюмень, 2006. – 28 с.
25. Гурина А.Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А.Л. Гурина. – Калининград, 2018. – 48 с.
26. Демидова-Петрова Е.В. Преступность несовершеннолетних в современной России: теоретико-методологические и прикладные проблемы ее познания и предупреждения: дис. ... д-ра юрид. наук / Е.В. Демидова-Петрова. – Москва, 2019. – 625 с.
27. Икряникова А.С. Соучастие в коррупционном преступлении: опыт криминологического исследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.С. Икряникова. – Краснодар, 2016. – 26 с.
28. Ишимов А.Б. Уголовно-правовые меры противодействия коррупционным преступлениям (сравнительное исследование на материалах Кыргызской Республики и Российской Федерации): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А.Б. Ишимов. – Москва, 2007. – 25 с.
29. Кабанов П.А. Политическая преступность: понятие, сущность, виды, причины, личность политического преступника, меры противодействия (криминологическое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук / П.А. Кабанов. – Екатеринбург, 2008. – 495 с.
30. Кашкаров А.А. Должностная преступность в органах публичной власти и ее предупреждение в условиях смены государственной принадлежности территории: дис. ... д-ра юрид. наук / А.А. Кашкаров. – Краснодар, 2019 г. – 423 с.
31. Ключевская И.Н. Теоретические основы криминологического исследования антикоррупционной политики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / И.Н. Ключевская. – Москва, 2004. – 60 с.
32. Комаров В.Б. Предмет взяточничества: дис. ... канд. юрид. наук / В.Б. Комаров. – Тюмень, 2018. – 213 с.
33. Коробов Э.В. Специальная профилактика преступлений коррупционной направленности в органах местного самоуправления: дис. ... канд. юрид. наук / Э.В. Коробов. – Москва, 2021. – 251 с.
34. Красникова Е.В. Криминологическая характеристика и предупреждение коррупции в сфере исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Красникова. – Москва, 2016. – 34 с.

35. Красноусов С.Д. Коммерческий подкуп как форма коррупции в частном секторе: понятие и противодействие: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.Д. Красноусов. – Владивосток, 2012. – 27 с.
36. Кулакова М.Н. Предупреждение коррупционных преступлений: правовые и организационно-управленческие основы: дис. ... канд. юрид. наук / М.Н. Кулакова. – Казань, 2021. – 272 с.
37. Макаева К.И. Управление региональной социально-экономической системой в условиях коррупционных проявлений (на материалах Республики Адыгея): автореф. ... канд. экон. наук / К.И. Макаева. – Майкоп, 2012. – 26 с.
38. Макаров В.В. Коррупция как угроза экономической безопасности России: автореф. ... канд. экон. наук / В.В. Макаров. – Москва, 2008. – 19 с.
39. Максимов В.К. Понятие коррупции (криминологический аспект) и меры ее предупреждения в государственном аппарате: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.К. Максимов. – Москва, 2005. – 32 с.
40. Марьина И.В. Коррупционные преступления: отраслевое и межотраслевое согласование норм: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.В. Марьина. – Самара, 2010. – 24 с.
41. Мелекаев Р.К. Определение и предупреждение коррупционности законодательства Российской Федерации: автореф. дис... канд. юрид. наук / Р.К. Мелекаев. – Ростов-на-Дону, 2011. – С. 24.
42. Меркурьев В.В. Развитие агломераций муниципальных образований в регионе (на материалах Кемеровской области): дис. ... канд. экон. наук / В.В. Меркурьев. – Барнаул, 2014. – 27 с.
43. Мешканцов В.Н. Экономико-правовые проблемы противодействия коррупции: автореф. ... канд. экон. наук / В.Н. Мешканцов. – Москва, 2006. – 24 с.
44. Миронова Г.Н. Уголовная ответственность за мелкий коммерческий подкуп (ст. 204.2 УК РФ): дис. ... канд. юрид. наук / Г.Н. Миронова. – Омск, 2019. – 208 с.
45. Михайлова М.А. Межмуниципальное сотрудничество при реализации полномочий муниципальных образований в городской агломерации: дис. ... канд. экон. наук / М.А. Михайлова. – Иркутск, 2012. – 24 с.
46. Можина О.Ю. Предупреждение мелкого взяточничества в социальной сфере: дис. ... канд. юрид. наук / О.Ю. Можина. – Москва, 2021. – 218 с.
47. Мосиенко Л.Л. Социально-территориальная структура пространства городской агломерации: автореф. дис. ... канд. социол. Наук / Л.Л. Мосиенко. – Новосибирск, 2008. – 26 с.
48. Некрасова Т.А. Коррупционная преступность в коммерческих организациях: криминологическая характеристика и предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т.А. Некрасова. – Москва, 2014. – 19 с.

49. Овчаров А.С. Коррупция в системе теневых экономических отношений: автореф. ... канд. экон. наук / А.С. Овчаров. – Волгоград, 2003. – 28 с.
50. Онуфриенко А.В. Система преступлений коррупционной направленности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Онуфриенко. – Москва, 2015. – 24 с.
51. Орлов П.П. Предупреждение коррупционных преступлений в сфере земельных отношений: дис. ... канд. юрид. наук / П.П. Орлов. – Москва, 2020. – 303 с.
52. Паршин И.С. Противодействие коррупции: уголовно-правовое и криминологическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.С. Паршин. – Нижний Новгород, 2012. – 37 с.
53. Плохов С.В. Противодействие коррупционной преступности в социальной сфере (на примере здравоохранения и образования Волгоградской и Саратовской областей) автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.В. Плохов. – Саратов, 2013. – 26 с.
54. Погудина Ю.Р. Особенности процесса урбанизации в КНР (1978-2012): пример формирования Чжэнчжоуской агломерации в провинции Хэнань: автореф. дис. ... канд. истор. наук / Ю.Р. Погудина. – Санкт-Петербург, 2016. – 29 с.
55. Ростов К.Т. Методология регионального анализа преступности в России: дис. ... д-ра юрид. наук / К.Т. Ростов. – Санкт-Петербург, 1998. – 422 с.
56. Сероус А.В. Уголовная ответственность за подкуп иностранных должностных лиц и должностных лиц публичных международных организаций: дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Сероус. – Москва, 2019. – 164 с.
57. Сивцов С.А. Коррупционные преступления в исправительных колониях России и механизмы противодействия им: дис. ... канд. юрид. наук / С.А. Сивцов. – Саратов, 2017. – 203 с.
58. Сичинава И.М. Уголовно-правовые меры противодействия коррупционным преступлениям: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.М. Сичинава. – Москва, 2006. – 32 с.
59. Сорочкин Р.А. Теоретико-правовые основы учения о субъекте коррупционного преступления: дис. ... д-ра юрид. наук / Р.А. Сорочкин. – Москва, 2021 г. – 415 с.
60. Сторчилова Н.В. Коррупция в органах внутренних дел и ее предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.В. Сторчилова. – Москва, 2010. – 33 с.
61. Страхов С.В. Политико-экономические аспекты коррупции в странах с формирующейся рыночной экономикой: автореф. ... канд. экон. наук / С.В. Страхов. – Москва, 2007. – 30 с.
62. Стребков Ю.П. Коррупционные преступления в сфере образования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю.П. Стребков. – Москва, 2012. – 23 с.

63. Талан М.В. Преступления в сфере экономической деятельности: Вопросы теории, законодательного регулирования и судебной практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / М.В. Талан. – Казань. 2002. – 479 с.

64. Угрюмова А.А. Управление экономическим ростом агломерации (на примере Московской агломерации): автореф. дис. ... д-ра экон. наук / А.А. Угрюмова. – Москва, 2005. – 56 с.

65. Устьяев Л.Г. Уголовная ответственность за коррупционные информационные преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л.Г. Устьяев. – Тамбов, 2010. – 32 с.

66. Фадеев А.В. Антикоррупционное законодательство России и зарубежных стран: криминологическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Фадеев. – Москва, 2012. – 34 с.

67. Филоненко Т.В. Антикоррупционная политика России. Роль органов прокуратуры в ее формировании и реализации: дис. ... канд. юрид. наук / Т.В. Филоненко. – Владивосток, 2021. – 242 с.

68. Фоменко Е.В. Концептуальные подходы к противодействию подкупу уголовно-правовыми средствами: дис. ... д-ра юрид. наук / Е.В. Фоменко. – Москва, 2021 г. – 460 с.

69. Хинднкайнен Н.В. Коррупционная преступность в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.В. Хинднкайнен. – Ростов-на-Дону, 2004. – 36 с.

70. Чершинцев В.С. Предупреждение коррупционных преступлений на муниципальном уровне: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.С. Чершинцев. – Нижний Новгород, 2008. – 26 с.

71. Швалов П.Г. Формирование логистической инфраструктуры городской агломерации: дис. ... канд. экон. наук / П.Г. Швалов. – Иркутск, 2014. – 28 с.

72. Шейренов Ж.Н. Субъекты коррупционного преступления в уголовном праве Кыргызстана и России: дис. ... канд. юрид. наук / Ж.Н. Шейренов. – Москва, 2021. – 200 с.

73. Ши Б. Исследование формирования и перспектив устойчивого развития Чжэнчжоуской агломерации (провинция Хэнань, Китай): автореф. дис. ... канд. арх. наук / Б. Ши. – Санкт-Петербург, 2005. – 36 с.

74. Шимшилова Э.С. Преступления коррупционной направленности, совершаемые в коммерческих организациях: уголовно-правовое и сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук / Э.С. Шимшилова. – Москва, 2019. – 162 с.

75. Шурпаев Ш.М. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений коррупционной направленности в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд: дис. ... канд. юрид. наук / Ш.М. Шурпаев. – Москва, 2021. – 297 с.

76. Юзиханова Э.Г. Тенденции и закономерности преступности в субъектах Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук / Э.Г. Юзиханова. – Тюмень, 2002. – 415 с.

Словари и энциклопедии

1. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева. – 3-е изд., доп. и перераб. – Москва: ИНФРА-М, 2009. – 858 с.
2. Татарстан, юбилейный сборник. Татарстанстат, г. Казань. – 2020. – 494 с.
3. Толковый словарь русского языка: 120 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – Москва: А ТЕМП, 2020. – 896 с.

Информационные ресурсы

1. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». – URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения 24.02.2017).
2. Гишинский Я.И. Коррупция: теория и российская реальность // URL:[http://sartraccc.sgap.ru/Pub/gilinsky\(30-06-05\).htm](http://sartraccc.sgap.ru/Pub/gilinsky(30-06-05).htm).
3. Деловая электронная газета Татарстана «Бизнес онлайн». – URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/352046>.
4. Лопашенко Н.А. Противодействие российской коррупции: обоснованность и достаточность уголовно-правовых мер // Официальный сайт Саратовского центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. – URL: [http://sartraccc.ru/Pub/lopashenko\(18-03\).htm](http://sartraccc.ru/Pub/lopashenko(18-03).htm).
5. Наумов Г. Интервью начальника управления президента Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики Бадрутдинова М.С. // Аргументы недели. 31 марта 2015 года. – URL: http://tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_322317.pdf.
6. Россияне – о работе органов внутренних дел // Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). – URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112053>.

Судебная практика

1. О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм: постановление Пленума ВС РФ от 17 января 1997 года № 1 // СПС «КонсультантПлюс».
2. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума ВС РФ от 15 июня 2006 года № 14 (в редакции от 30 июня 2006 года) // СПС «КонсультантПлюс».

3. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней): постановление Пленума ВС РФ от 10 июня 2010 года № 12 // СПС «КонсультантПлюс».

4. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума ВС РФ от 28 июня 2011 года № 11 (в редакции от 3 ноября 2016 года) // СПС «КонсультантПлюс».

5. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума ВС РФ от 9 июля 2013 года № 24 (в редакции от 3 декабря 2013 года) // СПС «КонсультантПлюс».

6. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума ВС РФ от 9 февраля 2012 года № 1 (в редакции от 3 ноября 2016 года) // СПС «КонсультантПлюс».

7. Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению Федеральных законов от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ – 326-ФЗ, направленных на совершенствование уголовной ответственности за коррупционные преступления и преступления экономической направленности, а также оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности. Утверждены Президиумом ВС РФ 28 сентября 2016 г.: официальный сайт ВС РФ. – URL: <http://www.vsrfl.ru/second.php>.

Научное издание

Ахунов Денис Робертович

**КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В АГЛОМЕРАЦИЯХ:
ПОНЯТИЕ, ОСОБЕННОСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ**

Монография

Под научной редакцией
доктора юридических наук, доцента
Е.В. Демидовой-Петровой

Корректор Е.В. Зотина
Компьютерная верстка Е.О. Смирнова
Дизайн обложки О.В. Добрыднева
Тиражирование К.О. Фролова
Формат 60*84 1/16
Усл. печ. л. 10
Дата подписания в печать 19.12.2022
Тираж 50 экз.

Типография КЮИ МВД России
420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 130